

Валерий Панюшкин

Ройзман

Уральский Робин Гуд

Москва
2014

УДК 82-4
ББК 84(2=Рус)-44
П16

Панюшкин В.

П16 Ройзман: Уральский Робин Гуд / Валерий Панюшкин. — М.: Альпина Паблшер, 2014. — 199 с. + 8 с. вкл.

ISBN 978-5-9614-4832-0

Книга известного журналиста Валерия Панюшкина, несколько месяцев проведшего в Екатеринбурге бок о бок с Евгением Ройзманом, одним из самых обсуждаемых и заметных общественных деятелей современности, дает трезвую оценку деятельности фонда «Город без наркотиков» и живописует будни самого Евгения. Ройзман у Панюшкина предстает эдаким былинным героем, спасающим Россию из лап чудовища — наркомании. Но и Робин Гудом его назвали неспроста — методы достижения благой цели вовсе не однозначны. Поэтому портрет Ройзмана получился многогранным, и каждый читатель решит для себя сам, кто же этот человек — новый герой или разбойник.

Книга читается как авантюрный роман. Тюрьма и подпольные выставки, любовь и гонки по бездорожью, борьба с наркотиками и противостояние с властью. И харизматичный герой, Ройзман, который не устаёт повторять: «Сила в правде».

УДК 82-4
ББК 84(2=Рус)-44

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу lib@alpina.ru

© Панюшкин В. В., 2014
© Фотографии. Юлия Крутеева, 2014
© ООО «Альпина Паблшер», 2014

ISBN 978-5-9614-4832-0

Содержание

<i>Глава первая. Простые действия</i>	5
<i>Глава вторая. Восстание</i>	21
<i>Глава третья. Рецепт дерзости</i>	41
<i>Глава четвертая. Презрение</i>	59
<i>Глава пятая. Настоящие люди</i>	75
<i>Глава шестая. Период полураспада</i>	89
<i>Глава седьмая. Государственные дела</i>	111
<i>Глава восьмая. Любовный треугольник</i>	125
<i>Глава девятая. Сагринские хроники</i>	145
<i>Глава десятая. Заложники</i>	159
<i>Глава одиннадцатая. Разгром</i>	173
<i>Глава двенадцатая. Мэр</i>	181

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Простые действия

Серовский тракт ведет от Екатеринбурга на Север. Дорога прямая и новая. Но если вы будете ехать по ней достаточно долго, минуете Невьянск, Тагил, дорога исчезнет, растворится в болотах. Без вездеходной резины и без лебедки вы вряд ли прорветесь отсюда на Чердынь и Архангельск. А на Лабытнанги и Салехард не прорветесь даже и с лебедкой по разбитым проселкам и сгнившим гатям. Великие болота.

Здесь водораздел. Чуть западнее все реки текут в Россию. Отсюда все реки текут уже на Восток, в Сибирь, в Обь, к Ледовитому океану. Но реки непроходимее дорог, перекрыты буреломами и порогами, мчатся в скальных расщелинах или останавливают свое течение, впитавшись в бурюю губку великих болот.

Эти болота когда-то были озерами. По берегам селились вогулы — воинственный и колдовской народ, пор и мось — кареглазые потомки медведя и сероглазые потомки бабочки. Отрядами по двести–триста луков они шли на легких лодках от озера к озеру в поисках новых охот и рыбных ловель, а медведь и бабочка смотрели на них из чащи. И они враждовали с русскими, когда русские пришли сюда добывать

железо. Железное оружие русских оказалось сильнее вогульских луков. Распятый бог, которому поклонялись русские, оказался сильнее бабочки и медведя. Люди (слово «манси» на языке вогулов значит просто «люди») отступали все дальше на Север и исчезали среди болот.

Русские тоже отступали все дальше в чашу. Великий русский царь обезглавил Церковь, отменил патриаршество, подновил обряды в угоду своей политике, а русские, которые селились здесь, были старообрядцами — не брили бороды, не прикасались к спиртному и часто изображали на своих иконах усекновение главы Иоанна Крестителя. Креститель у них был облачен в патриаршские ризы, а палач был безбород и имел портретное сходство с Петром Великим. Еще на здешних иконах часто писали Илью-пророка, как тот возносится к небу на огненной колеснице. Всякий старообрядец, всякий, крестившийся шепотью, а не троеперстием, знал, что так изображается гарь. Всякий раз, когда правительственные войска приходили сюда насаждать церковные новшества, местные люди запирали себя целыми селами в деревянных храмах и поджигали — верный способ спастись.

Поселения старообрядцев были богаты. Хотя бы по той причине, что не было водки, а зато были железо и золото. Железа было так много, что даже церковные паперти мостили здесь чугунными плитами, а не каменными. И если где-нибудь в Европе, в каком-нибудь дворце или церкви вы увидите чугунные литые ступени, то ищите на них здешнее клеймо.

И золото здесь мыли всегда. Здешнюю невьянскую икону вы легко отличите по обилию золота. Невьянск был богатым городом, пока не сгорел дотла перед самой революцией

1917 года, чтобы уж больше не возродиться в былой славе. Но золото моют до сих пор.

Когда вы едете в сторону Невьянска по Серовскому тракту, когда проезжаете по деревням, когда видите приземистые старообрядческие избы с повалами, выносными балками, на которых лежат козырьки, закрывающие стены от дождя, — знайте, что в каждой такой избе могут мыть золото. Это незаконно. Согласно закону артели старателей должны мыть золото строго по лицензии государства. Но люди здесь моют золото без лицензий в собственных погребах. Какие бы ни были законы, здесь, если вы нашли у себя в погребе золотоносную жилу, вы все равно будете каждый день спускаться под пол с лопатой, лотком и фонарем. Таков Урал.

Здешний уклад жизни, замешанный на дерзости и кладоискательстве, даже революция и советская власть не смогли подорвать вполне. Раскулаченные старообрядцы, хоть и ходили по деревням с котомками, как нищие, но не просили милостыни. Просто становились под окнами своих гонителей и молча глядели в окна то ли с упреком, то ли с угрозой. И если им подавали краюшку отнятого у них же хлеба, они благодарили. А если не подавали, то уходили молча, закинув котомку на плечо, — в город, на заводы.

Заводы здесь тянули к себе людей и при Екатерине, и при Николае, и при Сталине. Но особенно мощным притяжением здешних заводов сделалось во время Второй мировой войны. К местным прибавились заводы, эвакуированные из Украины и центральной России, заводы, возведенные в рекордные сроки на пустошах. Они делали танки, пушки, снаряды, ракеты, самолеты, и их непрерывный лязг звал людей настойчивее, чем медведь и бабочка когда-то звали

вогулов странствовать от озера к озеру. Любых людей, всех людей без разбора. Лесных охотников, крестьян, сеявших рожь, расконвоированных эков, инженеров, переживших дело промпартии. Эвакуированные приезжали целыми эшелонами. Заключение шли целыми колоннами. Старобрядцы — целыми деревнями: собирали иконы, складывали в лучшей избе и шли всем миром в огненные цеха точно так же, как двумястами годами раньше возносились всем миром в огне на небо.

Разные люди, не то чтобы не имевшие прошлого, но не говорившие о прошлом, поскольку лучше не вспоминать. И не спрашивавшие друг друга о прошлом. Раскулаченный? Так тут каждый третий раскулаченный. Член семьи врага народа? Да бывают ли другие семьи? Преступник? Каторжник? Так тут в великих болотах лагерей больше, чем городов. Половина — каторжники, если разобраться, но разбираться не стоит.

Здесь на Урале во время большой войны люди без роду и племени сложились в новый народ. Национальность значения не имела, но это были люди руды, железа и золота. Религиозная конфессия тоже значения не имела, зато имела значение принадлежность к тому или иному заводу, важно было, живешь ли ты в кварталах Уралмаша или Эльмаша. Вечное уральское кладоискательство, принадлежность к той или иной ватаге старателей сменились туризмом и альпинизмом — было важно, к какой ты принадлежишь команде и в какие ходишь горы. Почетное сословие кормщиков, которые веками сплавляли уральское железо в утлых барках по бурным рекам, обратилось почетным сословием спортсменов, преодолевающих речные пороги на катамаранах и плотках. Было важно, сплавляешься ли ты по рекам.

Как еще эти приехавшие со всей страны люди с темным прошлым могли определить себя? Принадлежностью к руде, принадлежностью к заводу, принадлежностью к спортивной команде, к улице, к дому, ко двору. Двор Полстодва мог всерьез враждовать или союзничать с двором Рыба. В Еврейдворе евреев жило не больше, чем где бы то ни было, но особые обязательства уличного бойца накладывала на молодого человека принадлежность к Еврейдвору. Дворы могли враждовать, но уже само знание их названий делало человека своим в городе и отличало от чужих. Ценился особенный уральский говор. Пестовалась эндемичная топография: никто не назначал встреч у вокзала возле памятника танкисту и рабочему, назначали встречи «под варежкой», потому что рабочий — в рукавицах.

Из черт национального характера люди руды превыше всего ценили — дерзость.

Этнографы и социологи называют это горнозаводской цивилизацией Урала, пытаются объяснить, исследовать. Но если вы едете по Серовскому тракту из Екатеринбурга в Невьянск, вы чувствуете это задницей. Человек, управляющей машиной говорит:

— Сейчас прыгнем.

И вы чувствуете собственной задницей, что такое Урал. В этом месте шоссе круто поднимается на гору и потом резко идет вниз с горы. Если разогнаться до ста шестидесяти километров в час, машина на вершине горы оторвется от асфальта и пролетит пару десятков метров. И ваша задница оторвется от сиденья. А там как бог даст. Если водитель поймает дорогу, вы шлепнетесь на сиденье, испытаете укол счастья, скажете «ух ты!» и заметите, что двадцать секунд не дышали. Если машина сковырнется

в кювет, приедет гаишник, постоит над кучей вашего металлолома, почешет в затылке, пробормочет «еще один сковырнулся». Но ни один гаишник не задастся вопросом «Чего они все тут прыгают?». Они прыгают, потому что здесь можно прыгнуть, если разгонишься до ста шестидесяти километров в час. Гаишник и сам тут прыгает, когда выдается возможность. Все тут прыгают. Ради того, чтобы на двадцать секунд перехватило дыхание. Ради упоения собственной дерзостью. Такова «горнозаводская цивилизация Урала».

Человека, который был за рулем, когда машина оторвалась от асфальта, зовут Евгений Ройзман. У него и на бортах машины написано было «Ройзман». «Иду в мэры. Ройзман». Хотя и без этой надписи полгорода знает, что серая, посеченная гравием «Тойота Ленд Крузер» — Ройзмана. И что Ройзман идет в мэры.

Мы встретились утром в здании городского правительства, и он получил новенькое удостоверение кандидата в градоначальники. Потом мы вышли на улицу, и Ройзман окликнул трех проходивших мимо женщин лет шестидесяти:

— Здравствуйте, девушки!

И я подумал — вот сейчас оно начнется. Но женщины только заулыбались, поздоровались в ответ и прошли мимо. А Ройзман сказал:

— Понимаешь, Валера, женщины все, любого возраста любят, когда их называют девушками, — помолчал и добавил: — Но никогда нельзя окликать на улице женщину, если она идет одна. Вот если их несколько, и ты называешь их «девушки», им всегда нравится.

Потом мы пошли завтракать. Я едва впихнул в себя половину уральской порции каши, а Ройзман съел два завтрака

и выпил два кофе — эспрессо и американо, — смешав их вместе.

Потом мы сели в машину, выполнили поворот направо из второго ряда, и стоявший на углу гаишник лениво махнул жезлом.

— Это я сгрубил, да, простите! — сказал Ройзман, опуская стекло.

А гаишник пожал ему руку и буркнул на уральском диалекте:

— Давно вас не видел-то.

И я подумал, что вот сейчас оно начнется. Но Ройзман достал несколько брошюр с заднего сиденья и протянул гаишнику.

— Вот возьмите. Тут про все новые наркотики. Как называются, как выглядят. Как узнать, что ребенок колет. У вас есть дети? Прочтите и смотрите внимательно. И раздайте товарищам, у кого дети.

Гаишник взял брошюры, улыбнулся и махнул жезлом в том смысле, что можно ехать без всякого штрафа.

Потом мы прыгнули. Потом остановились купить несколько арбузов и дынь, а азербайджанский торговец подарил нам еще несколько в том смысле, что торгует тут бахчевыми культурами, а не героином.

Потом приехали в Быньги — большую старообрядческую деревню, посреди которой стоит несуразно большая для деревни церковь. Обшарпанное ее здание венчал сверкающий, только что отреставрированный купол со звездами.

Пружинистыми шагами, слишком легкими для пятидесятилетнего очень хорошо сложенного мужчины ростом под два метра и весом в сто килограммов, Ройзман поднялся по чугунным ступеням на чугунную папёрть и вошел в храм,

не перекрестив лба. В левом приделе был стол, уставленный простой домашней едой, за столом сидел немолодой священник в светлых брюках и легкой рубашке, а вокруг стола суетились три старухи. Ройзман конечно же приветствовал их словами «здравствуйте, девушки», и старухи в ответ заулыбались. А снаружи на улице остановился автобус паломников, и Ройзман спросил священника, можно ли провести для этих людей из автобуса экскурсию по храму. И я подумал, что вот оно сейчас начнется. Поп улыбнулся и кивнул.

Сначала Ройзман просто говорил, а люди просто слушали. В одно ухо влетало, в другое вылетало. Имена иконописцев, даты. Неприметные детали, которые служили мастерам вместо подписи или авторского клейма: один, например, на всех своих иконах писал елочки — даже и в Гефсиманском саду, другой обязательно писал пенные волны — даже и посреди Иудейской пустыни. Люди слушали, пока один из них, наконец, собрался с духом и произнес:

— Можно вам руку пожать?

И тут началось: они хотели пожать руку, сфотографироваться, постоять рядом, обнять. Но главное, они заглядывали Ройзмону в глаза, как заглядывают дети, ожидая простых слов: «давай поиграем в прятки», «помоги-ка мне замесить тесто», «принеси-ка мне из мастерской долото». Ройзман фотографировался с ними, немного смущаясь, и, немного смущаясь, раздавал простые задания. Например, женщине, которая стояла с ним рядом, так, чтобы тыльная сторона ее ладони слегка касалась его руки.

— А вы пройдите по подъезду, расскажите соседям.

— Да все вас знают. Все вас поддерживают.

— А вы просто пройдите. Просто скажите, что Ройзман идет в мэры. А то, может, этого не знают.

— Как не знают? Ну, да, правда, по телевизору ведь не говорят. Пройду, конечно.

Эти люди, они столпились вокруг Ройзмана и были подобны птенцам, разевающим клювы и ожидающим корма. Каждый смотрел на Ройзмана и ждал от него какого-нибудь простого задания, которое хотя бы на несколько дней наполнило бы жизнь смыслом. И Ройзман раздавал задания: разнести по школам брошюры, прийти в Фонд, взять стикеры и раздать друзьям, записаться в волонтеры, поучаствовать через неделю в десятикилометровом кроссе по улицам Екатеринбурга.

В левом приделе тем временем мы со священником отцом Виктором пили чай, и батюшка рассказывал, как святой Николай-угодник много лет ждал, чтобы не кто-нибудь, а именно Евгений Ройзман с его страдальцами приехали сюда в Быньги восстанавливать храм. Батюшка так и сказал про молодых людей, которые здесь в реабилитационном центре у Ройзмана пытаются избавиться от наркомании, — страдальцы. А впрочем, говорил с улыбкой, и нельзя было понять, серьезен он или шутит, когда рассказывает о чудесном явлении Николая-угодника алтарнице Агриппине.

Этот храм Николая-угодника стоит в Быньгах двести лет. Никогда не закрывался. Храм не старообрядческий, но даже старообрядцы особо Николая-угодника почитают: принято думать, что это именно тот святой, который говорит царям правду. Дерзкий святой, уральский.

В советское время, когда церквей было мало, сюда в Быньги приезжали из Екатеринбурга, Тагила, Невьянска и со всех окрестностей. В праздники церковь бывала полна.

После перестройки церквей понаоткрывалось много, и быньговский храм опустел. Прохудилась крыша, осели

алтарь и главный иконостас, огромные, окованные железом печи прогорели изнутри, только видимость была, что печи, — топить их было нельзя. Зимой батюшка служил в валенках и в овчинном тулупе под рясой. Летом макал тряпки в масляную краску и этими липкими тряпками латал кое-как дыры в куполах. А денег на ремонт не было, и областное начальство, сколько бы батюшка ни обращался, все как-то миновало Быньги. Иконы сырели, золотая резьба трескалась, фрески осыпались, разрушалась кладка. И вот однажды, вырвав решетку, в церковь забрался вор, украл кое-какую утварь и кое-какие иконы, включая Угодника Николая. Вор этот был наркоманом, он надеялся продать украденное, купить ханки, героина или методона — других наркотиков в то время на Урале не было.

Алтарница Агриппина плакала. Она была совсем старуха, сидела дома и плакала. Как вдруг в ее избе словно бы из воздуха соткался старец, погладил Агриппину по плечу и сказал: «Не плачь, Агриппинушка, все будет хорошо». В ту же ночь два невянских милиционера наугад остановили в электричке молодого человека с беспокойным взглядом, нашли у него в сумке пропавшую церковную утварь и икону, изображавшую того самого старца, что соткался из воздуха у Агриппины в избе. Икона заняла свое место, а еще через некоторое время приехал Синий.

Синий — так звали первого страдальца. Первого из наркоманов-реабилитантов Ройзмана, который приехал в Быньги. Он получил кличку Синий по той единственной причине, по которой получают люди на Урале эту кличку, — за татуировки. Не модные красочные татуировки, а простые синие, которые накалывают в тюрьме. Местные деревенские Синего приняли в штыки. Здесь и вообще-то чужих не любят,

а этот еще и наркоман. Терпели, потому что от Ройзмана. Уже тогда имя Ройзмана имело значение. Но не здоровались, хотя и заметили, что Синий починил в своем доме фундамент и поправил забор. А потом был пожар. Сильный. Не у Синего, а по соседству. И Синий потушил его еще до приезда пожарной команды — ловко орудовал ведрами и толково руководил еще двумя страдальцами. Наркоманов зауважали.

А когда вскоре приехал Ройзман и предложил отцу Виктору, чтобы реабилитанты реставрировали храм, батюшка догадался. Прозрел промысел. Угоднику Николаю, говорит батюшка, неуютно было, чтобы его храм восстанавливался на деньги начальства и силами гастарбайтеров. Промысел был в том, чтобы, восстанавливаясь, храм Николы-угодника в Быньгах восстанавливал страдальцев. Таких, как Гриша.

Пока батюшка рассказывал, Ройзман закончил свою экскурсию, со всеми сфотографировался, всем раздал маленькие задания, со всеми переговорил быстрой уральской скороговоркой, подошел к столу, принял от одной из «девушек» чаю и сказал:

— Батюшка, камни-то в основании иконостаса ребята отчистили. Надписи открылись. Оказывается, иконы не так висели. Надо бы перевесить-то.

— Перевесим-то, — батюшка улыбнулся, потому что вот и ему досталось от Ройзмана простое и очевидно полезное задание.

А Гриша, вероятно увидев из окон реабилитационного центра машину Ройзмана, вошел в церковь, поздоровался, но за стол не сел. Стоял поодаль. Тоший, тихий человек. Ждал.

Про этого Гришу Ройзман рассказывал мне уже давно. Он был наркоман. Жил в реабилитационном центре, убежал,

срывался, возвращался снова. А добившись, наконец, устойчивой трезвости, так и остался в реабилитационном центре жить. Идти ему было некуда. Постепенно на Гришу замкнулось в Быньгах все хозяйство: и реставрация храма, и воспитание вновь прибывших реабилитантов личным примером, и огород, и детский летний лагерь, и маленькая пасека.

Вот только Гриша кашлял. Логично было думать, что у него туберкулез. Здесь на Урале у большинства наркоманов ВИЧ. Люди у которых ВИЧ, оканчивают в России не как в Америке, не саркомой Капоши, а туберкулезом. Логично было думать, что и у Гриши туберкулез.

Ройзман позвонил главному фтизиатру города и отправил Гришу на обследование. А в день обследования звонил уже сам Гриша:

- Евгений Вадимович, у меня нет туберкулеза.
- Ну слава богу!
- У меня рак, — и повесил трубку.

Потом Гриша вышел из клиники на улицу. И первым, кого он встретил, был старый его приятель, по той, прошлой жизни, когда Гриша употреблял наркотики. Каким-то античудом приятель этот был жив, несмотря на то, что продолжал колотиться. И в тот день на пороге туберкулезной клиники у него были с собой наркотики. И он предложил Грише немедленно пойти куда-то и раскумариться вместе. Что уж было терять Грише, если все равно рак? Зачем воздерживаться от наркотиков, если все равно жизнь кончилась? Когда вам говорят, что у вас рак, вам становится страшно, и вы не знаете выхода. А Гриша знал выход — совершенное утоление всех печалей по крайней мере на четыре часа. А там видно будет. Найти еще, и еще четыре часа покоя и счастья. Добыть, украсть, четыре дозы продаешь, пятая твоя.

Это был выход для человека, которому сказали, что у него рак.

Только на этот раз Гриша подумал, что вот перед ним стоит бес. Возможно, он так подумал, потому что батюшка Виктор много рассказывал ему про бесов. Про хитрые их искушения, в которых даже и укусная вонь притона может быть вожделенной. А тут и хитрости не было. Вот стоишь на грани отчаяния, и подходит некто и предлагает тебе спасение на четыре часа — кто он? Бес!

Гриша побежал. Позвонил Ройзману и наполучал тысячу заданий. Пройти такое обследование, сякое обследование, кровь, УЗИ, КТ, биопсия... Показаться такому врачу, этакому врачу... Вместо иллюзии спасения на четыре часа — тысяча полезных действий, доступных человеку, которому сказали, что у него рак. Эту историю искушения Гриши бесом Ройзман, не верующий в бога, рассказывал мне еще до того, как Гриша вошел в церковь, поздоровался и стал ждать поодаль.

Мы допили чай, попрощались с батюшкой, и Гриша повел нас смотреть пасеку. Пчелы были злые, в сотах уже был мед. Гриша сказал мне, что в присутствии пчел нельзя курить. Я бросил сигарету. А Ройзман сказал:

— Надо хоть пару банок выгнать своего меда. Батюшке банку подарить.

Гриша кивнул. Это было простое, легко осуществимое и очевидно полезное задание. Мы шли к машине. Гриша чуть-чуть отстал и из-за спины сказал тихо:

— Евгений Вадимович, мне вроде получше становится.

— Конечно, получше, — отвечал Ройзман. — Должно становиться получше. Ты же лежишься, — мы прошли шаг, два, три, камешки скрипели под ногами. — А санки в сенях видел? Хорошие санки, старинные. Возьмите их с ребятами,

отремонтируйте как следует. Только без гвоздей и без проволочек. Из дерева вырежьте детали, которых не достает.

— Отремонтируем, Евгений Вадимович.

Это было еще одно простое и полезное задание, которое получил Гриша на тот случай, если опять явится бес. Бес явится искушать счастьем на четыре часа, а у тебя руки заняты, ты ремонтируешь санки.

— Да, Гриша, — сказал Ройзман, садясь в машину. — Арбузы тут захвати ребятам.

И мы уехали. У Ройзмана руки были заняты рулем, у меня — блокнотом для записей.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Восстание

Простые и понятные действия, которые предлагалось совершить людям, собственно говоря, и прославили Ройзмана еще в сентябре 1999 года. Он был совсем молодой человек — тридцать пять лет. Красивый, крепкий и высокий — качество, которое почему-то особенно ценят женщины. Не то чтобы всерьез богатый, но вполне обеспеченный. Уральская страсть к кладоискательству успела уже обратиться у Ройзмана в весьма успешную ювелирную фирму. К тому же он коллекционировал невянскую икону и дружил с художниками-авангардистами, время от времени устраивал выставки, то современной живописи, то икон. Следовательно, дружил и с журналистами, потому что в Екатеринбурге конца 90-х не было новостей, кроме криминальных разборок, концертов местных рок-групп и выставок. Криминальные разборы устраивали все, концерты — много кто, выставки — только Ройзман. У него была запутанная личная жизнь, две женщины, между которыми непонятно было как разорваться и которые — не дружили, нет, — но относились друг к другу с сочувствием, дескать вот ведь и ее, бедняжку, угораздило полюбить этого парня. А этот парень довольно много времени проводил ни с той,

ни с этой. На работе, в спортивном зале, в кафе с товарищами. У его товарищей тоже была запутанная личная жизнь.

Товарищами в Екатеринбурге называются люди, которых не просто знаешь лично, не просто знаком с их женами и детьми, но еще и с родителями. Это много что меняет в отношениях. Потому что если, например, товарищ садится в тюрьму, ты не можешь просто отвернуться и забыть о нем. Ты каждый день встречаешься в булочной с его матерью и в спортивном зале с его отцом: «Здравствуйте, давайте я вам сумки поднесу. Ну, как там Дюша? Отпускают-то его когда?» Именно поэтому тюрьма на Урале куда менее пугает людей, чем в центральной России.

Товарищи Ройзмана были то, что называлось в 90-е годы «бизнесмены» — смесь предпринимателей и бандитов в той или иной пропорции. Государство дышало на ладан, правоохранительные органы сами были не в ладах с законом, вокруг крупных советских заводов складывались собственные поначалу охранные, а потом и криминальные структуры. Они владели территориями, и всякое новое предприятие, появлявшееся на территории, тоже подгробали под себя. Так что нельзя было иметь бизнес, не договорившись с бандитами. Но чтобы договор не был унижительным, нельзя было просто от бандитов откупаться, надо было приставить их как-то к делу, поручить им охрану что ли или взять у них кредит за долю в прибыли. Встретив бандитов в кафе, лучше было говорить им «привет», пожимать руки и называть по имени, чем замирать в страхе. Сам Ройзман бандитом, кажется, не был. Но конечно же толковал с бандитами по бизнесу, в спортивном зале занимался рядом с бандитскими боевиками, а встретив серьезных бандитов — Трофу или Александра Хабарова, — здоровался уважительно,

хотя бы из почтения к возрасту, им было за сорок. И Хабаров к тому же долгое время на Уралмаше неподалеку от дома, где вырос Ройзман, работал директором спортивной школы. Но сам Ройзман, кажется, бандитом не был.

А вот рыжий Дюша бандитом был. Он был бандитом и наркоманом и, похоже, именно наркотики не дали Андрею Кабанову сделать серьезную бандитскую карьеру. А когда в 94 году он переломался и бросил героин — это, а не криминальная карьера стало смыслом его жизни. Так бывает с наркоманами: избавившись от зависимости, они очень часто только о том и думают, чтобы избавиться от зависимости весь мир. Некоторое время Дюша еще выполнял какие-то криминальные поручения, «грел» какие-то зоны, возил какие-то передачи то ли Деду Хасану, то ли от Деда Хасана (из его теперешних рассказов толком не поймешь), но все его мысли уже тогда заняты были не криминальным разделом рынков, а борьбой с наркотиками.

Даже оказавшись в тюрьме ненадолго, даже когда к нему в камеру пришел высокий милицейский чин, Дюша не стал говорить «по делу», а сказал: «Героин идет. Как вы будете его останавливать?» Высокий милицейский чин только махнул рукою. Дескать, героин — наркотик дорогой и никогда не станет массовым. И оказался неправ: не прошло и пяти лет, как героиновая фитюля, то есть доза для начинающего, стоила в Екатеринбурге всего сорок рублей — дешевле водки.

Вы спросите, что делал высокий милицейский чин в камере у рыжего Дюши? Я же говорю — пришел «поговорить по делу». Говорю же — правоохранительные органы сами были не в ладах с законом. В самом начале этой истории отдайте себе отчет в том, что милиция мало чем отличается

от криминальной группировки — те же бандиты, только в погонах.

Летом 1999 года рыжий Дюша сидел целыми днями в кафе «Монетка» на Плотинке. Плотинка — так называется район Екатеринбурга, примыкающий к набережной и плотине на реке Исеть. В память о былых заслугах у Дюши были небольшие доли в нескольких предприятиях и необременительные должности. Ему не надо было работать, да он и не умел работать регулярно. Но трезвость и невыносимый избыток сил человека, бросившего наркотики, не давали Дюше покоя. По утрам он пробегал кросс десять километров, а потом шел в кафе. Именно в «Монетку», потому что вместо привычного бильярда там стоял теннисный стол. Дюша изнурял себя пинг-понгом, общался с людьми, заходившими пообедать, зазывал товарищей поиграть в пинг-понг, ждал вечера, когда даже и не игравшие в настольный теннис товарищи съезжались в «Монетку» поужинать.

Кафе в Екатеринбурге — это только одно название, что кафе. Московские кофе-туны и кофе-шопы не приживаются здесь. Никто не понимает, как это можно зайти в кафе просто на чашку кофе с мороженым. Раз уж зашел в кафе и сел за столик — надо как следует поесть. Если уж поел, надо поиграть в бильярд или вот в пинг-понг, поговорить с товарищами, выйти на улицу и посмотреть, какую один из них купил новую машину. Выходить к машинам в конце 90-х надо было еще и потому, что машины каждый день грабили, разбивали стекла и вытаскивали магнитолы. Грабили, как правило, наркоманы. Охранники ловили их, били смертным боем, но те все равно грабили. Так что лучше было стоять возле машин.

Несколько месяцев Дюша был свидетелем целой общественной кампании, которую развернули его товарищи

против епископа Екатеринбургского и Верхотурского Никона. Свидетелем, но не участником. Никона обвиняли в казнокрадстве и чуть ли не в педофилии, устраивали демонстрации, писали коллективные письма. Но Дюша, который, чтобы бросить наркотики, обратился не только к спорту, но и к православию, не мог понять, как это — выступать против владыки. И потому не участвовал. А когда патриарх все же сместил Никона и отправил на покаяние, когда арестовали в Невьянске целый вагон церковной утвари, вроде бы Никоном украденной, Дюше стало жаль, что не принимал участия в таком полезном и богоугодном деле. Товарищи праздновали победу, ощущали себя значимой общественной силой, а Дюше только и оставалось, что признавать собственную неправоту и оправдываться — дескать, невозможно же было поверить, что владыка казнокрад и развратник.

А у них горели глаза. С обсуждения церковных дел они нет-нет да и перескакивали на выдумывание новых важных общественных миссий. Может, дорогами займемся? (Дороги были ужасные.) Может, музей современного искусства откроем? (Это Ройзман говорил.) Может, музей невянской иконы? (Это тоже Ройзман, но как-то не будоражила молодых предпринимателей идея открыть музей.) Может, с фашистами что-то? С уличной преступностью, а? Нет, с уличной преступностью — нет, это же наркоманы воруют. Магнитолы из машин, меховые береты у женщин. Утром воруют, когда потемну женщина ведет ребенка в детский садик. Срывают берет. Она же не побежит догонять, не бросит же ребенка в темноте. Но остановить как? Это же наркоманы. Я уже устал их бить. (Это Ройзман сказал.) Больные люди, что сделаешь?

И тут Дюша произнес фразу, которая позволит действовать. Перевел разговор из медицинской плоскости в деловую:

— Что? Больные люди? Это ты мне говоришь? Я одиннадцать лет колосся. Наркоман — это скотина, понимаешь? Я был скотина последняя, а не больной человек. Воровать, грабить, убивать, друзей предавать, родителей в гроб загонять, а самому кайфовать — нет такой болезни! Ты мне рассказываешь?

В тот вечер в «Монетке» они так ни о чем и не договорились. Но еще через несколько дней в ресторане «Каменный мост» был банкет в честь победы над владыкой Никоном. Собрались журналисты, потому что почти все журналисты тогда участвовали в кампании против епископа. Среди прочих на банкете были Евгений Енин с 4-го телеканала и Андрей Санников с 10-го. Была ли журналистка Аксана Панова, никто не помнит — может быть, и была. На этом банкете Ройзман поднял тост:

— Давайте еще что-нибудь победим? Давайте фашизм победим или наркоманию?

Все загалдели: нет, фашизм не надо, фашисты сами сдохнут, не тронь говно... Давай победим наркоманию. Чокнулись, выпили, повалили на улицу. И на улице встретили Игоря Варова, владельца нескольких торговых точек, приятеля Аксаны Пановой. Он сказал, что тоже хочет победить наркоманию, что у него даже есть благотворительный фонд «Город без наркотиков», что занимается его фонд антинаркотической пропагандой, брошюрки печатает для старших школьников. Обнимались, орали — ну, теперь точно победим наркоманию. Но были все пьяные, так что про желание бороться с социальным злом забыли на следующее утро.

Забыли все, кроме Ройзмана. Во-первых, потому что Ройзман по спортивной своей привычке меньше всех пил. Во-вторых, потому что поговорка «Пацан сказал, пацан сделал» имеет в Екатеринбурге значение. И ведь это Ройзман сказал, что надо победить наркоманию. Ему никто не напомнил, но сам-то как забудешь?

На следующий после банкета день Ройзман познакомил Дюшу с журналистом Евгением Ениным и журналистом Андреем Санниковым. Или, может быть, еще до банкета познакомил, а после банкета стал поторапливать. Так или иначе, Дюша загорелся идеей рассказать по телевизору о наркотиках всю правду. С журналистами он готовил телевизионные передачи. По своей инициативе — советовался с умными людьми. С одним умным человеком. С Александром Хабаровым, лидером ОПС Уралмаш (расшифровать можно по-разному: Общественно-политический союз или Организованное преступное сообщество, чем и бравировали). Хабаров обещал поддержать. Что поддержать? Как поддержать? В подробности не вдавались, но Дюша произносил журналистам страшное слово «Хабаров», и журналисты понимали, что под их телекамеры попала вдруг жизнь, которую на пресс-конференции не выносят.

Дюша тоже немного бравировал знанием этой жизни. Во всяком случае, однажды он сказал Ройзману и Санникову:

— Вы хоть в цыганском поселке-то были?

Возможно, он сказал это, когда Ройзман и Санников принялись вспоминать, как учились вместе на историческом факультете Уральского университета. Тоже мне, профессора кислых щей!

— В цыганском поселке были? Видали, как героином торгуют? Поехали покажу, чо!

А Ройзмана хлебом не корми, дай только вскочить за руль и мчаться куда-нибудь.

Историю о том, что они увидели в августе 99-го в цыганском поселке, Ройзман рассказывал тысячу раз. В книжке своей «Город без наркотиков» он пишет большими буквами «СЛУШАЙТЕ ВНИМАТЕЛЬНО. Я РАССКАЗЫВАЮ ВАМ ТО, ЧТО ВИДЕЛ СВОИМИ ГЛАЗАМИ». И дальше текст, который почти слово в слово Ройзман будет повторять всем на свете журналистам: «Стоит милицейский уазик. На капоте порезанный ананас и открытая бутылка шампанского. Пэпээсники рядом. Один выворачивает карманы у какого-то нарка, двое других повели какую-то наркоманку в гаражи. На веранде накрытый стол. За столом Коля Резаный, Махмуд и офицеры-менты. Повар-таджик жарит им шашлыки. На улице сидит толстая цыганка. Торгует прямо с лотка. Возле нее постоянно несколько наркоманов. Покупают — и отходят. Рядом расстелен большой ковер. На ковре — хрустальные вазы, норковые “формовки”, какие-то магнитофоны. Скупка краденого. У колонки “отъезжает” какая-то девка. У нее передоз. Всем пофиг. Постоянное движение, и сотни, сотни, сотни наркоманов».

Почти каждое слово здесь нужно объяснять. Ананасы с шампанским — это символ сладкой жизни. В постсоветской России никто уж не помнил, что стихи Игоря Северянина, но на эти стихи исполнялась певцом Александром Новиковым залихватская песня, и еще в каком-то фильме про белогвардейцев было — ананасы в шампанском. И с тех пор, какая бы грязь ни окружала постсоветского человека, какая бы ни нищета, сколь бы тревожным ни было будущее, он ставил на колченогий стол посреди фанерной своей дачки или рабочей своей каптерки неспелый ананас и дурное

крымское игристое — и пировал, воображая себя бог знает каким графом или бароном. А менты вот — на капоте уазика. У Северянина: «Кто-то здесь зацелован, там кого-то побили, ананасы в шампанском — это пульс вечеров». Был теплый августовский вечер. Выворачивание карманов нарка и волочение девки в гаражи вполне укладывались в северянинскую парадигму.

Пэпээсники — это сотрудники патрульно-постовой службы, рядовые милиционеры. Они выворачивали карманы нарку, чтобы отнять деньги, если тот только собирался покупать героин, или чтобы отнять сам героин, если уже купил и не успел употребить. Отнимали и продавали наркоторговцам, чтобы те продали наркоманам по второму разу.

«Повели наркоманку в гаражи» — это с целью торопливого соития: многие проститутки (у Северянина — «девушки нервные») и до сих пор взятки ментам платят своим телом.

Коля Резаный, он же Владимир Бардинов — это патриарх наркоторгового клана Бардиновых-Оглы. Был бы миллионером, кабы не пагубная страсть к игре, заставлявшая спускать все на рулетке и даже воровать у своих.

Махмуд — это Махмуд Оглы, сын Коли Резаного по кличке Диджей. Наркоторговец и домовладелец, одному из домов которого стараниями Ройзмана и его ребят вот уже совсем скоро предстояло быть снесенным. А в другом доме Махмуда Оглы предстояло быть пожару (Ройзман предпочитает слова «загорелся дом», хотя нечасто бывает, чтобы кирпичные дома загорались сами по себе). Махмуду предстояло смотреть, как горит его дом, отнимать микрофон у кого-то из журналистов, приехавших на пожар, танцевать в отчаянии и кричать в микрофон, что вот он, Махмуд, соберет,

дескать, пятьсот цыган и расстреляет Ройзмана. За этот та-нец ему и предстояло получить кличку Диджей. Но пока он ел шашлык с милицейскими офицерами.

А повар-таджик — это еще Ройзману предстояло узнать, как устроена таджикская диаспора. Очень послушные люди. Если старшие соплеменники, будь то члены правящей семьи, известные спортсмены или просто богатые люди, велят — надо слушаться. Велят работать на стройке — работают. Велят перевезти героин — перевозят. Велят жить в цыганском доме на положении рабов — живут в рабстве. Велят пожарить шашлык — жарят шашлык.

«Цыганка торгует с лотка» — это буквально. Героин буквально лежал на лотке, как конфеты или печенье, расфасованный «фитюльками» по одной десятой грамма. А плату принимала не только деньгами, но и ворованными вещами — хрустальными вазами, украденными из родительских квартир, магнитолами, украденными из автомобилей во дворе, и норковыми «формовками», то есть теми самыми вошедшими в моду норковыми беретами, которые по утрам, потемну срывались с голов женщин, ведущих детей в садик.

«Наркоманка у колонки» — понимаете, людям, перебравшим с наркотиками, нужна вода. Девушка, видимо, после инъекции почувствовала себя плохо, пошла к воде, напилась из уличной колонки, но все равно потеряла сознание. Выживет ли, умрет ли — здесь это никого не волновало.

Про колонку тоже нужно понимать, что это уличный водопровод. Цыганский поселок располагается посреди города, окружен многоэтажными домами, но сами его улицы состояются из деревенских домов, избушек без удобств. Гаражи, приусадебные участки, куры в пыли роются. То тут, то там среди избушек — кирпичные дома в три или четыре

этажа. Похожие на крепости цыганские героиновые особняки. Некоторые из них были построены даже не на участке каком-нибудь вместо снесенной избушки, а прямо посреди улицы, перегораживая улицу, превращая проезжую дорогу в тупик. Разумеется, без каких бы то ни было градостроительных разрешений и архитектурных согласований.

В тот вечер Ройзман, Кабанов и Санников, хоть и были потрясены увиденным, просто уехали из цыганского поселка. Но на следующий день Санников вернулся и возвращался с телевизионной камерой снова и снова в течение пары недель — прятался в строящихся и заброшенных домах, снимал наркоторговцев, прикормленных милиционеров, наркоманов, коловшихся прямо здесь, чтобы не идти домой с героином и не рисковать, что отнимут менты. Лежал в засаде, снимал, а его прикрывали курды — крепкие парни, у которых в те времена какие-то нелады были с цыганами и таджиками.

И наснимал на целую передачу для своего цикла «Земля Санникова». Эфир состоял из этих жутких хроник. Из звонков телезрителей испуганных и возмущенных: «Как может быть такое у нас в городе?» «Да-да, у нас то же самое в подъезде!» А Дюша Кабанов сидел в студии и рассказывал, как все устроено. Они заводили друг друга — Санников, Кабанов и телезрители по телефону. Гоняли по кругу одно и то же: сцены наркоторговли и коррупции, возмущенные звонки, Дюшины откровения про то, что наркоман — это животное, готовое убивать и грабить, лишь бы добыть вещество. Как? У нас в городе? А милиция куда смотрит? Да вот же она, милиция — в доле! У нас в городе? Животные! По кругу одно и то же, все злее, почти срываясь на крик. Пока Дюша, наконец, не сказал:

— Мы объявляем войну. Мы, все честные люди города, объявляем войну наркоторговле!

Евгений Ройзман смотрел эту передачу дома. Как вдруг зазвонил телефон. Александр Хабаров, лидер уралмашевской группировки сказал:

— Женя, вас всех убьют после этой передачи. Называйте нас. Скажите, что мы вас поддерживаем.

Но глупо же было в прямом эфире хвастаться, что вот мы такие красавцы, объявляем войну наркоторговцам и в этой войне нас поддерживает уралмашевская криминальная группировка и Александр Хабаров лично. Никто бы не поверил. Ройзман попросил Хабарова, чтобы тот сам позвонил в эфир. И Хабаров дозвонился.

— Здравствуйте, — в который уж раз патетически воскликнул Санников. — Вы в прямом эфире.

— Здравствуйте. Говорит Александр Хабаров...

И вот это было грозно. Екатеринбургцам, перепуганным Дюшиными рассказами и Санниковской хроникой наркоторговли, не надо было объяснять, кто такой Александр Хабаров и какая сила теперь на стороне этого рыжего парня, который сидит в студии и объявляет наркоторговцам войну.

Аксана Панова тоже смотрела эту передачу дома по телевизору. Когда Хабаров позвонил в эфир, в груди у нее — это в груди такое чувство, я знаю, — особым образом потянуло, проснулся журналистский инстинкт, чутье охотника на сенсации. Вся эта болтовня в ресторане «Каменный мост» с тех пор, как в игру вступил Хабаров, превращалась ведь в настоящий скуп, если вы знаете, что такое «скуп». Скуп, нат, сенсация. Вот уж на что у Аксаны Пановой было чутье, так это на сенсации.

Как она теперь будет выглядеть, эта война? Где линия фронта? Где генеральный штаб? Кого она знает там в штабе? Хабарова? Нет. Кабанова? Нет. Ройзмана? Шапочно. Но она хорошо знала Варова, который давеча останавливался на своей машине у ресторана «Каменный мост» и говорил, что тоже хочет бороться с наркоманией заодно с Кабановым, Ройзманом и всей остальной компанией. Вот Варову и нужно звонить.

Игорь Варов был человеком очень амбициозным, если не сказать, что он был пижоном. Варов тщательно следил за тем, чтобы у него были самые модные часы и самые модные галстуки. Ему нравилось, чтобы про него говорили. Про него Аксана могла быть уверена, что и в этой большой войне, только что объявленной в эфире 10-го канала, Варов не захочет быть на вторых ролях. Как он добьется лидерства в деле, к которому имеет отношение весьма косвенное? Как-нибудь уж добьется. Добился же он, чтобы выжили пираньи.

В гостиной у Варова (Аксана бывала в гостях) стоял обеденный стол. Стол был сделан из стекла и заполнен водой. А внутри стола плавали живые пираньи. Идея была такая, что вот сидишь за столом, хлебаешь суп, а из глубины стола-аквариума всплывает на тебя зубастая тварь. И чтобы про это говорил весь Екатеринбург. Правда бедные пираньи всплывали к гостям все больше брюхом кверху, потому что то ли кислорода им не хватало, то ли температура в столе у Варова отличалась от температуры в река Амазонке, то ли хлорка была в воде. Но Варов не сдавался: сгубив несколько поколений экзотических рыб, добился все-таки внутри обеденного стола амазонского микроклимата. Пираньи стали исправно пугать варовских гостей, а Варов сделался самым знаменитым на Урале аквариумистом. Прославится и сейчас.

Аксана позвонила Варову и спросила:

— Игорь, а вот эта война с наркоторговлей, про которую Санников и Кабанов говорят, — это твой фонд «Город без наркотиков» затевает?

Возможно, Варов и правда уже затевал. Возможно, это Аксана своим звонком подсказала ему предоставить свой офис под штаб антинаркотического движения. Так или иначе он ответил:

— Соберемся, наверное, обсудим, что делать.

— Где? У тебя в подвале?

— Ну, наверное, у меня в подвале.

— А Хабаров будет?

— Ну, — в голосе у Варова было сомнение. — Пригласим, посмотрим.

— Игорь, это же надо снимать!

Уговаривать Варова сниматься, да еще и не для местного телевидения, а для федерального — было излишне. Оставалось только уговорить федеральное телевидение. Аксана работала в Екатеринбурге корреспондентом программы «Взгляд». Ведущий этой программы Александр Любимов не очень-то хотел разбираться в уральских проблемах, по началу от сюжета отказывался, но Аксана уговорила его:

— Хабаров будет, уралмашевские. Не знаешь, кто такой Хабаров? Как тебе объяснить? Аль Капоне! Корлеоне! Бандитская сходка! У тебя был когда-нибудь репортаж с бандитской сходки?

В результате в подвале у Варова, то есть в офисном и складском помещении под варовским магазином, там, где сейчас стоит небоскреб «Высоцкий», никакой, конечно, бандитской сходки не было. Были предприниматели, врачи, члены молодежного крыла правящей партии «Единство»,

журналисты, спортсмены. А из уралмашевских только один Хабаров и был. Впрочем, предприниматели, врачи, молодые политики и спортсмены походили на бандитов куда больше Хабарова — взрослого, спокойного и даже улыбчивого человек в костюме и галстук (только руки выдавали, набитые костяшки пальцев). Московская редакция осталась довольна картинкой и пригласила Варова, Ройзмана и Кабанова в Москву на эфир.

Но еще прежде Хабаров опять сказал свое слово — короткое, но веское. Предложил устроить в цыганском поселке демонстрацию против наркоторговли. В самом эпицентре ее, там, где сходятся улицы Печатников, Тельмана и Военного флота.

— Завтра в двенадцать? — спросил Хабаров. И, набрав телефонный номер, проговорил в трубку: — Завтра в двенадцать в цыганском поселке пусть все наши ребята будут. Просто постоять.

Там узенькие улочки. Заборы, палисадники, домишки. Цыганские кирпичные особняки с башенками и коваными решетками торчат порознь, как цинготные зубы. Гаражи из листового железа, крашенного масляной краской, кучи строительного мусора. И вот к назначенному часу стали подъезжать машины. Черные с тонированными стеклами. Парковались наискось, и из машин выходили мужчины в черных кожаных куртках. Выходили и стояли, покачиваясь на каблуках. Молча. Десять человек, двадцать, пятьдесят, сто, триста, полтысячи... Обменивались короткими рукопожатиями. Но не говорили ни о чем. О чем тут говорить? Стояли молча. А в окнах цыганских особняков отгибался уголок шторы и выглядывал в щелочку женский глаз.

Среди этих мужчин в черном бестолково бегали журналисты с телекамерами на плечах. Но ни о чем нельзя было спросить. Говорили только Кабанов и Ройзман, но и те выглядели какими-то растерянными. Болтливый какими-то на фоне уралмашевских бойцов. И толкового сказали только, что в городе начинает работать пейджер, абонент «Без наркотиков», и на этот пейджер каждый горожанин может послать сообщение, если ему известно, где находится наркоторговая точка или притон. И... Можно было представить, как поведут себя эти мужчины в черном, если сообщить им, где находится наркоторговая точка или притон.

Часок постояли и разъехались. Но не по своим делам, а на охоту. После демонстрации в цыганском поселке еще несколько дней, недель, может месяц, триста уралмашевских машин рыскали по городу и охотились на наркоторговцев. Может быть, машин было всего десять, но страху они навели, и слух шел, что триста. Закладывал ли мелкий пушер героиновую фитюльку под урну где-нибудь в сквере, чтобы невозможно было в милицейском протоколе зафиксировать факт продажи, но без всякого протокола останавливалась рядом черная машина с тонированными стеклами, выходили из машины двое бойцов и били наркоторговца смертным боем. Вырывал ли наркоман у женщины сумочку на улице, бежал ли в подворотню — этот черный патруль догонял и бил в подворотне так, что не всякий встал. А наркоторговцам покрупнее, прятавшимся за решетками особняков, за высокими заборами, перелетали через забор ручные гранаты и разрывались во дворе. Никого не ранили, но шуму было много, и тучные цыганские женщины долго потом лежали на полу среди осколков стекла и боялись встать.

И если поначалу охотились вслепую, наудачу, то потом стали же ведь приходиться и сообщения на пейджер. Уралмашевские не разбирались. Просто ехали по указанному адресу, взламывали дверь, клали всех подряд на пол, били и не заботились ни о составлении протоколов, ни об изъятии наркотиков, ни о следственных действиях — просто били. А если и впрямь находили большую партию героина, то звонили Дюше и спрашивали, что с героином делать. Дюша велел смывать в унитаз.

Иногда сообщения с пейджера «Без наркотиков» через вторые и третьи руки доходили до Александра Хабарова. Например, что в клубе «Юла» торгуют наркотиками. Хабаров задумывался на минуту и спрашивал помощников:

— «Юла» чья? Наша? Кто «Юлу» держит? Новожилов? Жила? — набирал телефонный номер и коротко командовал: — Жила, закрывай «Юлу».

А еще говорят, что лидер уралмашевской группировки Хабаров и лидер «синих» (то бишь классических татуированных воров) Трофа проехали по северам, по всем зонам и внятно утвердили правило: наркотики на зоны не передавать, барыгам на зонах не помогать и денег у барыг не брать ни на людское, ни на воровское. И не стало чем дышать барыгам. Нечего было противопоставить. Смешной игрушкой казался пижонский маузер наркоторговца Колчапы, с которым тот разгуливал по цыганскому поселку. Глупым пугачом выглядел карабин «Сайга» в руках Чухмани, молодого наркомана, сына известной наркоторговки мамы Розы. Только менты теперь могли наркоторговцев защитить. Даром ли столько лет получали с наркоторгового бизнеса. Тем опаснее становилось Фонду ассоциироваться с уралмашевскими. То, что в первые дни было спасением, теперь становилось

опасностью. Да и пошли уже такие разговоры: дескать, под вывеской фонда «Город без наркотиков» ОПС Уралмаш переделает и забирает под себя уральский наркорынок. Ройзман говорит, что слухи эти шли в первую очередь от ментов.

Менты, надо понимать, тоже не зеленые мальчишки были, не Чухманя с «Сайгой». Офицеры РУБОПа, например, кроме табельного оружия, носили с собой в борсетке пару гранат-лимонок. Не потому что собирались вести окопные оборонительные бои, для которых эти гранаты предназначены, а чтобы во время серьезного разговора, вытащить гранату из борсетки, выдернуть чеку и держать зажатой в кулаке. Собеседника с гранатой ни убить нельзя, ни даже ударить — граната вывалится и разнесет всех. Примечательно, что по две лимонки принято было носить, — видимо, всерьез полагали, что имеют две жизни.

Если бы на этой нарковойне дошло до прямого столкновения уралмашевских с ментами, слово «война» потеряло бы всякую метафоричность. Перебили бы друг друга. Опасаясь такой войны, могли бы уралмашевских не тронуть, но ограничиться лидерами Фонда. Это все понимали, и Хабаров своих парней из прямой охоты за наркоторговцами постепенно выводил. Да и других дел было много, кроме как барыг по подворотням гонять. А Варов, Кабанов и Ройзман, объявившие эту войну, постепенно оставались одни вести ее. То есть все помогали, конечно. Андрей Санников снимал новые антинаркотические передачи, Телевизионное агентство Урала гнало репортаж за репортажем, Александр Любимов пригласил в Москву в программу «Взгляд». На всякий случай Ройзман приучился не подходить дома к окнам, если не задернуты шторы, выложил свою машину изнутри бронежилетами и стал ездить с казачьей шашкой,

пока не понял, как это смешно — с шашкой. Ни телесюжеты, ни бронежилеты, ни шашка не помогают ведь ни от гранатных осколков, ни от автоматной очереди. Следовало любой ценой заставить ментов участвовать в этой войне на стороне Фонда. Хотя бы иногда. Хотя бы не воевать против. Не много от кого можно было ожидать поддержки, чтобы привлечь ментов на свою сторону. От подполковника ФСБ Рахманова, которому Ройзман устроит экскурсию по цыганскому поселку. От прокурора Золотова, который вскоре сорвет погону со своего заместителя, заподозренного в помощи наркоторговцам. Ну, и в самих отделах милиции находились же честные офицеры.

Впервые действительно власть поддержала «Город без наркотиков» в апреле 2000-го (полгода прошло) — совместно задержали наркоторговца в клубе «Люк». Еще через полгода совместные рейды с Фондом стал устраивать первый милицейский ОБНОН — Кировский. А там и из других районов города подключились отделы по борьбе с наркотиками — признали. Только начальник Чкаловского РУВД Шреер и начальник Чкаловского же ОБНОН Салимов продолжали настаивать, что Фонд «Город без наркотиков» — это подразделение ОПС Уралмаш и что война с наркоторговлей — это передел рынка.

ГЛАВА ТРЕТЪЯ

Рецепт дерзости

Пока вы думаете, был ли Евгений Ройзман связан с преступным миром, смотрите, вот он пятнадцатью годами прежде — юный, дерзкий и девятнадцатилетний. По ту сторону зарешеченных окон — 1981 год, здесь, внутри — никакого. Идет руки за спину. Шаги гулкие, лампы над головой яркие, ключи у конвоира позвякивают, замки в дверях лязгают. Первую дверь прошли, вторую, шлюз. В шлюзе нужно назвать себя, и Ройзман называет чужую фамилию, как и из камеры вышел, когда выкликнули другого. Подменился с сокамерником. Соканерник рассказывал, что его возят к тихому следователю. Что кабинет у того следователя — на втором этаже. И что на окнах нету решетки. А за окном — лес.

И вот у Ройзмана в голове возник дерзкий план побега. Под чужим именем поехать на допрос к чужому следователю. Войти в кабинет, оглушить или запугать, выбить стекло, прыгнуть со второго этажа и давай бог ноги. Из пистолета по бегущему авось не попадут. По лесу без собак точно не догонят. Даром что ли он может пробежать марафон Конжак по горам без дороги, а менты не могут? И сокамерник говорил, что собак там нету. Вот и подменился, расплатившись

чаем что ли. Или конфетами «помадка». Все равно пропадут, если побег удастся.

Названо чужое имя, двери шлюза открываются, а за дверьми — не воля еще, но уже ветер и солнце. Два десятка шагов нужно пройти до воронка. А там конвоир фотографию сличать не будет, довезет до следователя, введет в кабинет. И главное — внезапность. Правило такое есть в уличных боях — бить первым и сразу. Но:

— Стой, — кричат в спину, хорошо, что не стреляют. — Стой!

Узнал кто-то. Или сокамерник, сука, сожрал «помадку» и стукнул, чтобы не пришли и ему соучастие в подготовке побега.

И вот уж ведут назад. И если раньше снисходительно разбирались, даже намекали на возможность условного срока, то теперь накрутят по полной — кража, мошенничество и незаконное ношение оружия — три года.

Зачем бежал? Сам себе срок наматывал. Понимали же следователи, что дело молодое. Мошенничество можно было считать мошенничеством, а можно было сказать, что просто не отдавал долги. Незаконное ношение оружия? Ну да, носил нож. Но у какого же четкого парня на Урале нету за пазухой ножа? Кража? Да, была кража. Но украл шмотки, которые у его девушки хранил какой-то фарцовщик. А это кража, конечно, но из разряда «вор у вора шапку». Следователи же понимали еще, что если баба замешана... Может, из лихости украл, может, девчонку выгораживал, взял на себя. Так следователи думали до побега (если не считать того следователя, что сам претендовал на внимание замешанной в деле женщины). Но когда побег, значит как бы сам преступник признается во всем содеянном. Да небось знает за собой еще

что-нибудь настолько серьезное, что стоит бежать. За побег накручивают по полной. А сам побег не инкриминируют только потому, что неохота подставляться — чуть не прошляпили же.

Зачем бежал? Даже если и не условный срок, три года — это ведь немного. Мелкие уголовники при хорошем поведении на половине срока выходят по УДО — полтора года получается, быстрее, чем армия. Но все же бежал. А если бы убили? А если бы сам ненароком не оглушил, а убил тихого следователя — кулак-то тяжелый? А если бы и получилось, то как бы потом жил — до конца дней скрываться? Но все же бежал. И нет этому никакого рационального объяснения, кроме уральской дерзости. Бежал, чтобы бежать. И теперь уж труби от звонка до звонка: после побега и до суда — в одиночке, потом в Каменском лагере, а под конец срока — опять в Свердловской тюрьме (Екатеринбург тогда назывался Свердловском).

Про лагерь Ройзман рассказывать не любит. Отшучивается. Все отшучиваются. Вот и у Арсения Рогинского все истории про лагерь смешные. И у Сергея Ковалева главный лагерный рассказ — про то, как приготовить праздничный торт из буханки ситного хлеба и конфет «подушечка». Только Светлана Бахмина из известных мне узников проговорила, что в тюрьме понимаешь, насколько люди бывают жестокие, глупые, злые и несчастные. И все же люди.

А в бытовом смысле известно же, как были устроены в 80-е годы советские лагеря. Несколько барачков, с утра из репродуктора громкая музыка. За проступки — холодный карцер, в котором после подъема шконка прислоняется к стене, так что сидеть можно только на бетонной тумбочке, которая по ночам служит подпоркой для шконки. Сиживал

ведь Ройзман в карцере наверняка — дерзкий. Но кроме людей глупых, злых и несчастных видел же и тех, что отправлялись в карцер не по мальчишеской дерзости, а из убеждений. Люди эти были двух типов — серьезные воры и диссиденты. Первых могли бросить в карцер, например, за упорный отказ выходить на работу, которую не позволяет воровская честь. Вторых — за упорные попытки передать на волю «Хронику текущих событий» — маленькие записочки про то, что происходит в тюрьме. А были среди диссидентов еще и истово верующие. И ходила по уральским лагерям легенда про старообрядца одного, который просидел в карцере то ли три года, то ли пять — весь свой срок за то, что отказывался брить бороду. Брили насильно, в штрафном изоляторе борода отрастала, выходил на общую зону, опять отказывался бриться и опять шел в карцер, — таких уважали.

Впрочем, из внешних признаков только борода эта и имела значение, да еще у блатных — татуировки. Молодой человек в лагере быстро понимал, что как ты выглядишь — не важно. Одежда не важна, телосложение. А важно, как ты ведешь себя и как говоришь. Целый институт психологов за год не растолкует противоречивых правил тюремного поведения. Почему, например, «взял нож — режь»? Почему нельзя за глаза говорить о человеке то, чего не скажешь ему лично? Целый институт лингвистов несколько лет, наверное, объяснял бы, каким законам и правилам подчиняется тюремная речь. Почему не следует говорить «хватит заниматься ерундой», а следует пользоваться эвфемизмом «хватит пинать говно по дорогам революции»? Сотню докторских диссертаций написать можно. А зэчий глаз видит с первого взгляда. И чуткое зэчье ухо слышит с первой фразы — свой или чужой.

Ройзман говорит только, что тюрьма — важный этап в воспитании русского человека. Кто не прошел — все равно как не окончил школу — жить можно, но наперекосяк как-то. А в чем урок, от него не добьешься. В том ли, что человек в России может быть либо заключенным, либо охранником? «Тиран, предатель или узник», по пушкинскому слову? В том ли, что не имеют значения ни богатство, ни положение в обществе? Ни политические взгляды, ни партийность, ни профессия, ни конфессия — это все в тюрьме смыкается. Или важно человеку в тюрьме понять, что он из породы узников? Что вот сейчас выйдет на волю, а потом легко может оказаться в тюрьме, но всегда в роли узника, никогда в роли конвоира? Или нужно понять, что всю жизнь, каждую минуту своей жизни ты будешь обдумывать и готовить восстание или побег? Эту ли мысль нужно усвоить, чтобы идти на общие работы, договариваться с администрацией, придуриваться? Или надо понять, что на Руси есть всего два способа стремиться к недостижимой свободе — разбойничать и писать?

Писать и разбойничать, я понимаю, — занятия очень разномастные, из разных парадигм, из разных логических рядов. Но именно на них искони стоит русская культура, именно они по сей день соседствуют в русских тюрьмах. В одних и тех же бараках живут разбойники и писатели. Один хлеб едят. Кроме этих двух групп тюремного (да и вообще) населения есть, правда, еще предатели, но о них позже.

А Ройзман являет собою редкий случай соединения: в юности, конечно, больше разбойничает, к зрелости — больше пишет.

Он вышел из тюрьмы в 83 году. Разбойничий опыт странствовать и скрываться был у него к тому времени довольно

большой: путешествия по северам, подпольные карточные игры, первые иконы, которые находил в заброшенных деревнях, первые золотые самородки на ладонях черных старателей посреди линий судьбы, проеденных грязью, и первый золотой песок в кисетах. А опыт писать был совсем маленький — так, первые юношеские стишки. Но уже и страсть к чтению, начавшаяся с учебника, который давно еще, в детстве, нашел на помойке возле дома, притащил и читал втайне от отца, мечтавшего, что сын станет инженером.

Памятный учебник был по средневековой истории. Больше всего впечатлил юношу рассказ про битву на Косовом поле. Про турецкое войско, которое превосходило сербов числом и умением, победило в битве, но отступило изможденное. Про Вука Бранковича, который в критический момент покинул поле боя. Про князя Милоша, который притворился предателем, был приведен к султану и заколол султана кинжалом. Про святого князя Лазаря, разбойника, как и все тогдашние князья, который был ранен, попал в плен, в тот же день был казнен за веру, а теперь причислен к лику святых. Битва, о которой сложили легенды. Попомните: несколько раз в истории самого Ройзмана встретятся нам повороты сюжета, словно бы перекочевавшие из песен про битву на Косовом поле.

Но тогда, в 83-м, легенды — это всего лишь легенды, и книги — всего лишь книги. Опыт их чтения беспокоит, но не соотносится с жизнью никак. А опыт скрываться и странствовать привел уж в тюрьму. Естественное желание молодого человека, вышедшего на волю из первой своей тюрьмы — начать жизнь заново: заняться самым правильным ремеслом на свете и найти самую прекрасную на свете женщину. Ну, и какая же работа для уральского парня может

быть правильнее, чем на заводе «Уралмаш»? Какая же женщина может быть прекраснее Веры?

На «Уралмаше» Ройзман работает в бригаде Героя Социалистического Труда Феофанова. С Верой такая любовь, что, по выражению старшей сестры Инны Ройзман, — летят искры. Но надо же понимать, что такое бригада Героя Социалистического Труда. Она обречена вечно ставить рекорды. Даже когда сломался цеховой консольный кран и нечем подтащить к станку железную болванку. Подтащить болванку просят Ройзмана. Он самый молодой, самый здоровый и самый глупый, коли соглашается так надрывать. И вскоре надорвет спину. А искрящаяся любовь с Верой тоже надорвется как-то, впрочем, уже тогда, когда родится общая дочь.

Теперь от Ройзмана не допросишься внятной хронологии событий. События в его памяти словно бы навалены в кучу. Точно установить можно только, что три года после тюрьмы ушли на завод, Веру и вечернюю школу, а в 86 году поступил в университет. Да, но и первую выставку авангардных художников на Ленина, 11, в бывшем здании Станции вольных почт тоже ведь устроил в 86 году. (Вольные почты! Представляю себе, какими разбойниками были эти вольные почтальоны!) Это-то когда? Это как? Бывший зэк, рабочий и вечерний школьник, устраивающий чуть ли не первую на Урале авангардную выставку?

Надо представить себе эту круговерть подпольной жизни в 86 году.

Художники. Виктор Манохин, про которого пока не понятно, гений он или эксцентричный пьяница. Миша Шаевич Брусиловский, про которого известно, что образование свое он начал в интернате для одаренных беспризорников (sic!), но еще не известно, что станет заслуженным художником

России, картины будет продавать по всему миру и при жизни получит в Екатеринбурге памятник.

Музыканты. Расцвет Свердловского рок-клуба. Вячеслав Бутусов поет песню «Скованные одной цепью». Именно в 86 году и написана. Группа «Чайф» впервые выступает на Свердловском рок-фестивале и записывает первый альбом, тогда как лидеры группы Шахрин и Бегунов продолжают работать строителями и возводить многоэтажные дома, глядящие на озеро Шарташ.

Разбойники. Перестройка ведь начинается — первые кооперативные предприятия, а с ними и первые бандитские крыши.

И в том же году Борис Ельцин, бывший первый секретарь Свердловского обкома избран кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС.

А Ройзман поступает в Свердловский университет на исторический факультет. Но заниматься будет не захватывающей историей славянских народов, не битвой на Косовом поле, а древней иудаикой. Кажется, в пикку тому обстоятельству, что единственная сомнительная национальность в многонациональном Свердловске в те годы была — еврей.

Юля каким увидела его в тот год, таким навсегда и запомнила. В клетчатой рубашке, в джинсах, в черных кедах с красными кругляшами на шиколотках. Больше на Юлиной памяти он не надевал клетчатых рубашек. Да и кеды не носил никогда, предпочитал кроссовки.

А она — дурочка девятнадцатилетняя. Девочка из Златоуста. С длинной пушистой косой. Студентка биологического факультета — зверушек любит. И стихи. А еще — аквалангистка, экзотический по тем временам спорт. Опоздала в колхоз на практику по причине спортивных сборов.

Приехала на десять дней позже, а все уже грязные, обветренные, исхудавшие от труда, и только он веселый. Взрослый, высокий, красивый, из другого, не известного девушке, мира. Сильный, легко забрасывает тяжеленные мешки с картошкой в кузов грузовика. И поэт. Но не такой поэт, как все, не в очках и не щуплый. А какой-то такой поэт, что при случае может и в бубен дать — это видно. Но как-то не так он готов дать в бубен любому обидчику, не как гопники у них в Златоусте, не мрачно, а с дерзкой улыбкой. И ее заметил сразу же, в первый же день. Но, кажется, не заметил в ней ничего женского, а только детское. Позаботился, как если бы встретил потерявшегося ребенка, помог что-то — тюфяк, кружку, ложку. А потом в ее день рождения спел ей песню про белый шиповник, как в классической русской литературе взрослые, бывает, танцуют с девочками — с бережной нежностью.

И беспечно исчез, когда колхоз закончился и началась учеба. Ни телефонами не обменялись, ни о встречах никаких не договаривались. Он на историческом учился, она — на биологическом. Как встречаться? А только несколько месяцев спустя он зашел в гости, но не к ней, а к девочке, с которой Юля делила комнату в общежитии. Как будто вчера расстались. Сказал «Привет». Читали стихи какие-то. И потом стал заходить уже к ней, к Юле. Никаких ухаживаний — читали. Друга привел, тоже поэта по имени Салават. Принес самиздатовского Хармса и целыми вечерами: «Снимите с меня бандажи и набрюшники, я солью питаюсь, а вы сахаром». Смеялись, хохотали над строчками: «Нет ничего на свете гаже, чем тело вымыть пополам». Или про падающих старушек. Или над литературными анекдотами. Или иногда жутковато становилось, когда Женя декламировал:

«Он шел все прямо и вперед и все вперед глядел, не пил, не спал, не спал, не пил, не пил, не спал, не ел».

Юля ничего про Женю не знала. Ни где живет, ни есть ли у него девушка (или без счета — девушек), ни чем зарабатывает, хотя деньги у него вроде водились. Они втроем, Женя, Юля и Салават, придумали называть себя поэтической группой «Интернационал». Женя купил пишущую машинку, Юля печатала на ней и делала в пяти экземплярах маленькие поэтические сборники. А больше ничего Юля про Женю не знала. Он мог просидеть целый вечер беззаботно, как будто ему совсем никуда не надо идти. А потом исчезнуть на несколько дней. А потом вдруг прийти с новой книжкой и читать вместе. Или прийти с большой сумкой и спросить: «Можно у тебя вещи оставить?» Оставить вещи и опять исчезнуть.

И однажды исчез совсем. Месяц его не было или больше. Потом зашел общий приятель и сказал: «Юль, Женины вещи у тебя?» Забрал сумку с вещами и ушел, ничего не объяснив. Так что несколько дней понадобилось Юле выпытать у девушки этого приятеля, что случилось с Женей, где он и жив ли вообще. В первую секунду даже подумала, что вещи нужны — хоронить.

А Ройзман был в Москве. По золотым делам. Его бизнес в то время был — скупать на Урале золото у черных старателей, возить в Харьков к подпольным ювелирам, а из Харькова на Урал возить дефицитные золотые цепочки. Хороший был бизнес, прибыльный. Но по советским временам — совершенно незаконный. За ним следили. Еще немного, и он бы снова попал в тюрьму, теперь уж за незаконный оборот драгоценных металлов и спекуляцию золотыми изделиями. Но эта самая слезка, она и спасла ему жизнь.

Он приехал в Москву с большим количеством денег, с карманами, полными золота. Когда выдалась минутка между тайными сделками, быстрыми встречами и переговорами тихим голосом — зашел в букинистическую лавку. Стоял, листал какое-то академическое издание и примеривался, не купить ли. (К пятидесяти годам он соберет целую библиотеку, тысячу томов, наверное, издательства Academia.) Как вдруг подошел к нему незнакомый человек и сказал, что распродает старинную библиотеку. Не желаете ли посмотреть?

В назначенный срок Ройзман поднялся по широкой лестнице в историческом доме, вошел через высокую дверь в старинную квартиру, и вот она — библиотека. Стеллажи до самого потолка, приставная лесенка. Книги по истории, по юриспруденции. Пахнущие слегка плесневелым сыром кожаные переплеты. А вот и Academia. Кто, интересно, жил в этой квартире, когда библиотека собиралась, и чем, интересно, занимается потомок ученого, распродающий богатство предков?

Ройзман думал об этом, склонившись над очередным академическим изданием, и вдруг... Он даже не почувствовал это как удар. Даже боли не было. Просто голова зазвела, как колокол. А распрямился, и тепло потекло с затылка за шиворот. И Ройзман догадался, что это кровь. Ударили по голове. Чем-то острым. Топором? Слабовато ударили. Взял топор — бей. Стал разворачиваться, чтобы посмотреть, кто. Но движения получались медленные. Как в киселе. А книжные стеллажи стали кривиться на сторону и плыть перед глазами. И Ройзман подумал, что теряет сознание. И если упадет, то тут-то ему и конец.

Но ведь люди вокруг, многоквартирный дом. Двор с детской площадкой, мамы с детишками гуляют. Надо их

позвать на помощь. Он схватил первое попавшееся, кажется вазу, и швырнул в плывущий перед глазами светлый прямоугольник окна. Попал. Зазвенели стекла и здесь, и внизу на мостовой. Схватил еще что-то. Радиоприемник? И швырнул в окно. Опять зазвенели стекла, и люди закричали внизу, и хлопнула дверь подъезда, потому что, наверное, кто-то бежал к нему на помощь. Он кинул в оконный проем еще что-то тяжелое. Махнул кулаком в направлении грабителя с топором, которого уж не различал. Да тут и позволил себе упасть. В дверь барабанили. Дверь высаживали снаружи дюжими опытными ударами.

Примерно так рассказала эту историю Юле девушка приятеля. А Женя толком не рассказывал. Ройзман не любит вспоминать про это. Вообще не любит вспоминать свои ошибки и признавать, что они были допущены. Потому что ведь кто-то из его партнеров по золотому бизнесу навел на него грабителей. Подсказал же им кто-то, что можно заманить его старинными книгами. А он и поверил. Не разведал ничего, пошел один. Экое легкомыслие. Разве так можно было вести себя в Москве конца 80-х, да еще имея в карманах крупную сумму денег? Глупо.

Да и кто спас его? Не товарищ, не брат, не сват, а те самые менты, которые за ним следили. И если бы не они, вряд ли кто-то из соседей спроворился бы так ловко выломать дверь, так быстро остановить кровь, вызвать скорую, довести живым до больницы. А раз они его выследили, так, стало быть, были умней его, ловчей и профессиональнее. И надо бы поблагодарить их, да где их теперь найдешь?

Этот эпизод своей жизни Ройзман вспоминать не любит. Зато Юля любит вспоминать его. Потому что когда Женя

вернулся, исхудавший, бледный, в одежде, висевшей мешком, и с металлической пластиной в голове, Юля потрогала у него в голове металлическую пластину и почувствовала, что должна быть с ним, а он должен быть с ней. Что-то такое она почувствовала, прикоснувшись к титановой заплатке у него на темени, что было важнее всех их будущих неурядиц — его измен, ее обид, штампа в паспорте, коммунальных комнат, исчезновений, денег, которые легко зарабатывали, но еще легче транжирили, скандалов, страхов... Что-то она почувствовала важнее всего этого. Как будто прикасаясь к живой человеческой душе, которую удерживают в теле жалкая пластинка и жалкие винтики. По-вашему, так сказать, — это проявление дурного вкуса? Да! Но Юля почувствовала что-то поважнее, чем дурной или хороший вкус.

Они еще не стали жить вместе. Это постепенно. Они стали любовниками. Но и тут Юля не понимала, любима ли. Иногда казалось, что да! Очень! Сильно! Когда он тащил ее куда-то показать что-нибудь совершенно прекрасное ей первой — церковь старинную, утес над речным порогом, уникальную резную избу... Когда заботился, оберегал от всех на свете опасностей, включая, например, муравьев, — заметив под ногами безобидную их тропу, говорил: «Смотри! Осторожно!» — и чуть ли не переносил на руках. Когда красовался перед ней: покорял что-нибудь горное, сплавлялся на чем-нибудь водном, гнал машину или просто прохаживался перед ней после тренировки и душа, обернув полотенцем чресла и поигрывая мышцами. Когда доверял ей слабости: оставался у нее болеть или только ей одной описывал грозные симптомы напридуманных болезней и приносил лекарства, которые через день уже забывал принимать. Тогда Юле казалось, что она любима и нужна.

Но он не жил с нею. Даже не возвращался к ней, а только приходил время от времени, не считая нужным предупредить, надолго ли уходит и когда придет. Иногда ей казалось, что Женя — это вообще несколько человек, выглядящих одинаково и не подозревающих о существовании друг друга.

Бывало, найдя на столе половинку песочного пирожного, он ел его жадно, говорил: «Как я люблю эти песочные пирожные!» И на следующий день Юля бежала в булочную, покупала песочных пирожных целый килограмм, приносила ему: «На, любимый, ешь!» А он отвечал: «Да я не ем такие пирожные». «Как? Ты ведь говорил, что любишь». «Я говорил? Песочные пирожные? Ты что? Я не мог такого сказать».

И хуже всего было то, что он забывал не только свои слова. Иногда он забывал Юлю. Веселый, счастливый, нежный, тащил на чемпионат по волейболу. Обнимал, смешил, интересно комментировал спортивные перипетии. А по окончании матча оставлял всего лишь на пару минут, всего лишь пока он зайдет в раздевалку к приятелям-спортсменам поздравить их с победой. «Не могу же я тебя взять в мужскую раздевалку!» И она ждала. Четверть часа, час, два часа. И уже свет гасили на стадионе, и люди все уходили. И спортивные раздевалки оказывались пусты. И про Женю выяснялось, что он уехал, забыв ее. Она потом его спрашивала: «Как это? Что это было?» И он говорил: «Прости, я правда забыл. Прости, прости, мне почему-то показалось, что я один приехал, а не с тобой».

Когда она забеременела, решила поступить так, как поступают многие безнадежно влюбленные женщины, — уехать к маме и родить ребенка. Она думала, что Женя никогда не будет с нею, но зато у нее на всю жизнь будет частичка его — ребенок.

Так и родилась у Юли старшая дочь Нина. Почти до двух ее лет жили в Златоусте. А Женя только приезжал иногда, как не живущие с матерью отцы приезжают навещать детей. Юля коллекционировала его знаки внимания, как коллекционируют редкости. Вот записался отцом в метрике, вот взял ребенка на руки, повозился. Благодаря тому, что она эти знаки внимания коллекционировала, Юля не могла не видеть, что знаков внимания становилось все больше.

Обычно мужчины поначалу предлагают женщинам всю свою жизнь, а потом начинают отгрызать независимость по кусочку. С Женей и Юлей было наоборот. Он ей поначалу ничего не предлагал, зато потом по кусочку дарил. Приезжал погостить в Златоуст все чаще, потом приглашал к себе в Екатеринбург, купил комнату в Екатеринбурге, квартиру в Екатеринбурге, перевез. Позвал работать в свой легальный уже и успешный ювелирный бизнес. Это не значило, что она единственная. Но значило, что имеет права. Юля научилась ювелирной торговле, разобралась в технологиях, стала независимой, купила даже квартиру, устав от затяжного его романа с другой женщиной. Он говорил: «Прости меня и пойми». А она была уже настолько самостоятельной, что могла не прощать и не понимать. И совсем чуть было не ушла окончательно. Даже уже и с Ниной поговорила про то, что будут жить от папы отдельно.

Но к началу 2000-х что-то вдруг изменилось. Как-то вдруг в связи с этой его антинаркотической войной Юля и Женя стали жить настолько вместе, насколько вместе не жили никогда. Даже впервые в жизни сложили в общий котел его и ее деньги.

И родилась младшая дочка Женя. И он впервые рвался со своих ночных операций, со своих переговоров и встреч,

со своих митингов и интервью, со своих даже автомобильных гонок по болотам — домой, искупать девочку своими руками и своими руками уложить спать.

Такого раньше не бывало. Как-то оказалась вдруг связана опасная война против наркоторговцев с тем, что Евгений Ройзман почти к сорока годам стал любящим мужем и заботливым отцом. Впервые в жизни они спали с младенцем в одной постели. И впервые в жизни Юля не спала не от растерянности, не от обиды, а от счастья. Лежала в темноте, смотрела, как большой Женя спит, закинув руки за голову, а маленькая Женя спит у него под боком. Слушала, как большой Женя храпит богатырским храпом, а маленькая Женя посвистывает носом. Большой Женя вздумывал было во сне ворочаться, но прикоснувшись локтем к маленькой Жене, замирал. Не просыпаясь, отодвигался бережно и ложился так, словно хотел оградить девочку от всего на свете.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Презрение

А война с наркоторговлей была устроена так. На пейджер «Без наркотиков» сыпались сообщения. Дескать, по такому-то адресу торгуют героином. И в таком-то доме, такой-то квартире — наркоторговая точка. Или вот я живу на пятом этаже, а на четвертом этаже подо мной — наркопритон: шприцы валяются на лестнице и воняет постоянно уксусом, бензином, жжеными тряпками или чем там должно вонять из наркопритона.

Таких сообщений иногда приходили десятки в день. Но сразу же по указанным адресам сотрудники фонда «Город без наркотиков» не ехали, ждали подтверждений, проверяли. Потому что людям ведь свойственно добрососедство. Написать на пейджер парням, пользующимся грозной славой борцов с наркотиками, сосед ваш может не потому, что у вас и вправду наркопритон. А потому что вы, например, развели под окнами цветочную клумбу и у вас зацвели садовые маки. Или вы установили железную дверь, а сосед ваш не установил железной двери. Да еще с тех пор, как тема наркоторговли стала в городе обсуждаемой, и Телевизионное агентство Урала стало чуть ли не каждый день гнать репортажи про наркоторговцев, все

городские сумасшедшие, которых прежде зомбировали из соседней квартиры инопланетяне или облучали из соседней квартиры агенты противоречивых спецслужб, — свихнулись на наркопритонах.

И все же толковых сообщений приходило больше. Игорь Варов (он поначалу стал в Фонде президентом) настаивал на том, чтобы сообщения эти регистрировались и протоколировались, заносились в компьютер и складывались в подробную базу данных. Он был торговцем, владельцем нескольких магазинов, но возглавляемый им Фонд мечтался Варову этакой разветвленной спецслужбой, которая рано или поздно разовьется до того, чтобы победить всемирную наркомафию. А себя Варов, похоже, воображал таким Джоном Гувером, создателем «картотеки подозрительных лиц», которая со временем превратилась в Федеральное бюро расследований США.

Ройзману тоже нравилась идея с базой данных. Но уже как историку. Он верил, что аккуратно собранные и систематизированные данные приводят к пониманию причин и прослеживанию закономерностей.

Один только Дюша Кабанов не верил ни во что это. «Хватит говно пинать по дорогам революции», — говорил Дюша, заглядывая в компьютер через плечо Варову. Предпочитал поехать в цыганский поселок и прокричать наркоторговке маме Розе через зарешеченное окно особняка: «Еще хоть грамм отсюда продашь, приедем, ноги переломаем!»

Впрочем, вскоре и Дюша признал полезность систематического сбора информации. Просто так врываться в притоны, орать на невменяемых наркопотребителей не имело смысла. Бить их тоже не имело смысла, они не чувствовали боли. Заваривать автогенom двери — эффектная была мера,

но не эффективная. Долго ли простоит заваренная дверь, если у квартиры есть законный владелец?

Наиболее эффективным способом борьбы с наркоторговлей, как это ни странно, оказался способ законный. Получить на пейджер наводку о притоне по такому-то адресу. Следить за квартирой и понять, когда там действительно будут наркотики, а не только грязь и неприятный запах. Договориться с соответствующим отделом по борьбе с наркотиками о совместной операции. Ворваться с ментами в притон, снимая каждый шаг на видео. Найти реально наркотики. Выступить сотрудникам Фонда в качестве понятых. Запугать кого-то из пойманных в притоне наркоманов тюремным сроком за хранение большой партии героина и склонить к сотрудничеству со следствием. Передать этому согласившемуся меченые деньги и отправить закупаться большой партией к его поставщику. И вот уж поставщика взять на продаже, да под видеокамеру, да с объемом наркотиков, тянущим на серьезный срок. И опять же сотрудникам Фонда выступать понятыми и свидетелями в суде. Это работало. За 2001 год таким образом, совместно сотрудниками Фонда и милиционерами, проведено было 207 операций. 412 наркоторговцев оказались в тюрьме.

Проблема была только в том, чтобы уговорить прокурорских, фээсбэшников и милиционеров вот так вместе работать. Не все хотели. Например, начальник Чкаловского ОБНОН Назир Салимов — не хотел.

В то время работа Ройзмана — именно что искать союзников в средствах массовой информации и правоохранительных структурах. Кто-то же должен изнутри разорвать, поломать эту порочную систему, в которой менты покрывают наркоторговцев, а журналисты восхваляют подвиги ментов.

Вот, например, неподалеку от Екатеринбурга есть город Березовский. И там сам собой возник как-то особый Березовский патриотизм. Как-то так принято, что, встретив земляка в Екатеринбурге, березовские обязательно здороваются или приветственно сигналият, если за рулем. Принято, что березовские друг другу помогают, пропускают в очереди и на перекрестке, подвозят, если надо доехать. И есть в Березовском мэр Брозовский, всенародно и честно избранный, потому что не было никакому начальству дела до того, кто мэр маленького Березовского. И он старается, заботится о городе, нередко привлекая к городским нуждам ресурсы собственной успешной компании. Помогает ли должность Брозовского его бизнесу — другой вопрос. Но горожане уважают его.

Так приехать к мэру Березовского и сказать:

— Что же это у вас наркотиками торгуют?

— Где торгуют? Кто?

— Да мы знаем точки. Нам и на пейджер пишут, и сами проверяли. Точно торгуют. Показать?

И вот уж милицейские операции против наркоторговцев оказываются в городе Березовском под личным присмотром мэра. И менты березовские понимают, что на них смотрит не только мэр, но и земляки, соседи. И наркоторговые точки не надо искать, потому что вот они, уже найдены. И вечной проблемы с понятими нет, потому что сотрудники Фонда готовы стать понятиями. А значит, дело против наркоторговцев быстро будет доведено до суда. Преступление будет раскрыто, что улучшит милицейскую статистику. А не повиснет нераскрытым и бездоказательным, как бывало прежде. И в несколько операций вычищают наркоторговцев из Березовского, нельзя больше в Березовском купить героин.

Или вот есть в Екатеринбурге известный судья Киякин. А брат у судьи известный бандит — тоже уважаемый в своей среде. Братья не разговаривают друг с другом — непримиримы. Но есть одна вещь, которая объединяет судью и бандита, — ненависть к наркотикам. Потому что сын у судьи и племянник у бандита — наркоман.

Так подать же дело одного из наркоторговцев именно этому судье. И судья влепит восемь лет всего за одну героиную фитюльку. Всего за одну десятую часть грамма — восемь лет, максимум по таким делам. Приговорит не дрогнув и тем самым значительно ужесточит в Екатеринбурге по отношению к наркоторговцам правоприменительную практику.

Или вот в одном из притонов ловят совместно милиционеры и фондовцы молодого человека — наркомана и наркоторговца. А у наркоторговца этого отец — милицейский генерал. И приезжает генерал сына отмазывать. Может, и не потому, что сам вовлечен в наркоторговлю. И не из отеческой мягкотелости. А от отчаяния. Генерал знает все про сына, пытался спасти, увещевал, грозил, отправлял лечиться. Только героин оказался сильнее генерала, и генерал сдался. Не противостоит больше никак ни болезни сына, ни преступлениям. Разжаловал из сыновей. Проклял, знать не хочет. Всю свою отцовскую любовь перенес на младшую дочку. А этого мерзавца отмазывает, просто чтобы не портить свою генеральскую репутацию и дочкино реноме в институте. Так кажется.

Ну и сказать же генералу, что не только сын у него наркоман, но и младшая дочь — наркоманка. Точно знаем, проверяли. И кровью нальются у генерала глаза. Звериный инстинкт проснется в генерале — защищать детеныша. Потому

что на сына он давно рукой махнул, а за дочку горло готов перегрызть кому хочешь, да поздно. Ранен генерал, убит этим известием. И не будет препятствовать хотя бы тому, чтобы его подчиненные пресекли наркоторговлю, идущую через его сына.

Вот чем занимается Ройзман. Вот на какие переговоры мотается, в то время как Юля ждет его дома купать младенца.

Впрочем, недолго тот генерал будет с Ройзманом заодно. Один только вечер. Вскоре уже выступит на суде над наркоторговкой Танькой Морозовской свидетелем защиты. Вот оно что! Теперь про генерала понятно. А Танька Морозовская торгует наркотиками почти в открытую. Дом ее в цыганском поселке на Шаумяна, 11, знают все — и наркоманы, и милиционеры, и фондовцы. Но сделать ничего нельзя. Разве что джип ей поджечь. Сгоревшая машина, конечно, огорчает Таньку, но не заставляет свернуть наркоторговлю, наоборот — активизировать. Танька хвастается, что ментов, дескать, покупает целыми райотделами. И похоже, недалеко это хвастовство от истины. Потому что сколько раз брали Таньку с поличным, сколько заводили на нее уголовных дел. И все они рассасываются как-то — какие закрываются под сомнительным предлогом, какие просто канут в милицейских архивах, теряются в сейфах, заваливаются грудой бумаг.

Вот (прав оказался Варов!) на что нужна база данных. Однажды Ройзман вытаскивает из фондовского компьютера всю информацию по Морозовской и едет к областному прокурору Золотову. Говорит:

— Юрий Михайлович, смотрите, сколько дел было возбуждено. Где они? Затребуйте эти дела. Посмотрите, что с ними. Почему не доведено до суда ни одно?

И на стол к прокурору ложится сразу целая пачка потерянных уголовных дел Морозовской. И садится Морозовская на четырнадцать лет с конфискацией. Да судья еще и особо подчеркивает в приговоре, что столь широкомасштабная наркоторговля без помощи милиции — невозможна.

И как-то же устроено это в голове наркоторговцев. Не боятся они, не дрожат. Недалека их наглость от эндемичной уральской дерзости (может, тут воздух такой?). И не считают они себя врагами рода человеческого, совратителями и отравителями. Логичного, стройного оправдания наркоторговли у них нет, но какое-то оправдание есть все же. Оправдания эти разнятся в зависимости от этноса и культуры, но основываются всегда — на презрении.

Русский наркоторговец торгует героином мрачно, из жалости к себе и презрения к окружающим: сам употребляет, ждет смерти, а пока смерть не пришла, хочет забыться и потому торгует. И про всех людей на земле думает, что и они рассуждают так же, ненавидят друг друга, изводят. Так он, в отличие от всех их, хотя бы не лицемер, не прикидывается альтруистом. Хотя бы честен в своей торговле смертью, потому что смерть можно продать, а жизнь нельзя. И в основе его самооправдания — презрение к лицемерам.

Наркоторговец-таджик торгует из послушания. Ему велют старшие, и он торгует. Продает героин русским, которые ничего про послушание не знают. В основе его самооправдания — презрение к наглецам.

У цыган-наркоторговцев оправданий много. Картина мира пестрая, как цыганский платок. И все же в основе — презрение. Цыганские наркоторговки, например, исходят из того, что продают героин проституткам. А видели ли вы когда-нибудь цыганку-проститутку? Я не видел.

Цыганка — жена, мать. Никогда не одевается в сексуальные шмотки. В яркие шмотки — пожалуйста, но без того, чтобы выставлять тело напоказ. И страсти у нее могут быть какие угодно. Но не напоказ никогда. А если муж обидел, то надо терпеть, не прекословить. И если ворвется ОБНОН с Фондом устраивать обыск, если найдут героин, надо бросаться, кричать, виснуть на руках, брать всю вину на себя, защищать мужчину всеми правдами и неправдами. Потому что мужчина глава семьи, отец, авторитет, добытчик. Разве поступают так русские проститутки ради мужчин? Никогда не поступают. То есть никакого понятия жизненного не имеют, презренные твари, и почему же тогда не продать презренным тварям хоть бы и героин?

А парням героин можно продавать, потому что они крысы. Крысятничают, воруют у своих. Шубу у матери. Радиоприемник у отца. Разве цыгане так поступают? Цыгане — все в дом. Дома у них богатые. Мебель витая, резная, мягкая, укрытая кружевами и покрывалами. Повсюду ковры, хрустальные люстры, вазы. Тесно, как в антикварной лавке, только ничего антикварного, все новое. Цветной телевизор включен всегда. Стереосистема с большими колонками не включена никогда, но есть. Картины: натюрморты красивые с яркими фруктами и дичью. А в туалете — писающий мальчик, и даже не всегда пластмассовый, может быть из черненого серебра. Богато. И иконы, конечно, потому что цыгане никогда не забывают Бога — оттого и иконы. Хорошие! Не то, что у Ройзмана — потемневшее старье, а новенькие, сверкающие, все в серебре и золоте. А если вдруг пропадает какая-нибудь вещь, если сынок взял деньги из тайника или продал что-нибудь дорогое, то неужели же мать не признает, что сама сыну дорогую вещь подарила?

Вернее, какая бы ни была вещь, в мужских ли комнатах или в женских, а изначально сыну и принадлежала, потому что он мужчина в доме, а мужчине принадлежит все.

Цыган-наркоторговец сидит сложа руки. Только теоретически его задача добывать крупные партии наркотиков, чтобы жена фасовала в розницу. На самом деле даже и этого не делает, поручает жене. А сам занят политикой: кушает шашлыки с ментами, кушает шашлыки с поставщиками из Таджикистана, уважаемые люди, между прочим, президентская семья. Выпьет водки или покурит травки и давай вести переговоры, то бишь рассказывать о близком своем родстве с цыганским королем, живущим в молдавском городе Сорока, каковой король вот-вот будет короноваться, и приедут со всей земли английская королева, бельгийская королева, джайпурский раджа — все родственники, потому что все коронованные особы на земле родственники. Ну, и он, рассказчик — родственник и потому здесь, на Урале, — старший, баро. А рассказав все это, возьмет вдруг гармошку или аккордеон и затянет унылую песню, сочиненную в то время, когда никаких домов, устеленных коврами, не было, а были кибитки, покрытые коврами. Да вдруг унылая песня станет за полтакта веселой, потому что все у них так — грусть пополам с весельем, правда пополам с небылицами, верность пополам с ветреностью, и даже на свадьбах то воют, то пляшут, а на похоронах, если умер ребенок, сначала покойника женят, играют веселую свадьбу, а отпевают уж потом, ибо что же это у человека была за жизнь, если не было в ней свадьбы.

Любят цыгане детей. А в расчете на то, что детей любят и все остальные люди на свете, прячут в детские коляски расфасованный наркотик — авось не придет в голову

обыскивать никому. А когда врываются ОБНОН с Фондом искать в доме наркотики, посылают пятилетнюю дочку спрятать героин в игрушках или спустить в унитаз — неужели же не пустят ребенка по нужде?

Миновал обыск — опять поют, хлопают в ладоши: «Переулочком пхэрэл, телеграммочку марэл». Но, может быть, не аккордеон и не гармошка. Встав из-за стола, наркоторговец Колчапа может не музыкальный инструмент взять, а маузер. И выйти на улицу, и тогда слова его песни будут написаны кровью. Но тоже как-то и не всерьез. Маузерные пули легкие, Колчапа пьян. Хоть и погибнет однажды Колчапа от пули, а все же цыганская стрельба — это по большей части эксцентрическое развлечение на свадьбах. Потому и не верит Ройзман, когда приглашают в ФСБ, предупреждают, что была, дескать, у цыган в Одессе общая сходка, и постановили цыгане Ройзмана убить и наняли киллеров. Предупреждают, стало быть, и советуют взять фээсбэшную охрану. А Ройзман не верит. Общий цыганский сход в Одессе — такая же легенда, как коронация цыганского короля в городе Сорока. Нанятые киллеры — такое же фанфаронство, как Колчапин маузер. А вот если согласиться и допустить к себе специально обученных телохранителей, так они и убьют, а спишут на цыган.

У ментов ведь тоже как-то это устроено в голове. Редко ведь найдешь среди них человека, который, будучи продажной тварью, считал бы себя продажной тварью. Наоборот, говорят про честь офицера и располагают секретными данными, способными весь мир вывернуть наизнанку. Вот, например, начальник Чкаловского ОБНОН следователь Надир Салимов. Настанет время, когда рыжий Дюша открыто назовет Салимова наркобарыгой, плюнет ему в лицо. А Ройзман

будет рассказывать журналистам, что Салимов, дескать, по килограмму конфискованного героина в месяц раздает наркоманам прямо в отделении милиции. Что прямо и колются клиенты Салимова в его милицейском кабинете. Что даже и скорую вызывали в Чкаловский ОБНОН на передозировки. И все это для того делается, чтобы наркоторговля продолжалась, и Салимов получал взятки с наркоторговцев за закрытие уголовных дел.

Но разве так видит Салимов свою работу? Нет. Борьба с незаконным оборотом наркотиков — это вам не нарков по подворотням ловить, как хотелось бы думать обывателю, на простых страхах которого спекулирует Ройзман. Борьба с незаконным оборотом наркотиков — это сложная игра, агентурная работа, стратегия. Не наркопотребителя надо поймать, который украл в родительском доме хрустальную вазу и обменял на героиновую фитюльку. И даже не дилера его надо поймать. И даже не посредника, у которого получает вещество дилер. А надо поймать поставщика. Крупную рыбу. И не с двумя граммами на кармане, а терпеливо выждав день, когда придет из Таджикистана крупная поставка, — на крупной поставке. Ради этого плетется агентурная сеть.

Как сплести агентурную сеть? Чем привлечь агентов? Ну, наркотиками, разумеется — они же наркоманы. Десять человек, двадцать должны знать, что в Чкаловском ОБНОН следователь Салимов даст им раскумариться, если придет нужда. Но прежде расспросит, разумеется: «У кого берешь наркотики, если не у меня? А он у кого берет? А тот у кого? Не знаешь? А можешь узнать? Через неделю? Вот через неделю и приходи еще».

Не логично ли предположить, что наркоман, получивший такое задание, не за неделю его выполнит, а за сутки? Более

того, уже и не отбросом общества будет себя ощущать наркопотребитель, а борцом с незаконным оборотом наркотиков. Сам пропал, конечно, но зато других оберегает от попадания в лапы наркомафии. Борется со злом.

А может быть, и слезет рано или поздно с иглы. Салимов ведь смотрит в глаза по-отечески, гладит по руке красавицу-наркоманку Элю Штроб: «Растут у тебя дозы, девочка. Растут. Надо бы тебе на детокс. Я помогу». И действительно помогает. И Эля всерьез считает Салимова хорошим человеком, а Ройзмана негодяем с его методами. И после больницы, с которой помог Салимов, правда не употребляет пару недель, а потом хоть и срывается, но на меньшие дозы. И оправдывает свой срыв тем, что выводит зато Салимова на крупного поставщика, которого Салимов арестовывает при попытке сбыть крупную партию героина.

Берет и отпускает. Но ведь это хитрая игра, агентурная сеть, стратегия. Конечно, надо отпустить поставщика Эли Штроб, чтобы тот вывел на своего поставщика, куда более крупного. И да, кроме обещания сотрудничать надо взять с этого поставщика еще и деньги, чтобы ему не казалось, будто обещания сотрудничать достаточно, чтобы отпустили. Пусть знает, мерзавец, что сотрудничать придется действительно, иначе Салимов опять возьмет его с поличным и опять придется платить крупный выкуп.

Кстати сказать, не только наркотики, изъятые при обысках, вкладываются у Салимова в плетение агентурной сети, но и деньги, полученные с наркоторговцев за временное прекращение их уголовных дел, тоже вкладываются в плетение агентурной сети, в стратегию, в тонкую игру и охоту за крупной рыбой. Потому что агентурная работа — дорогое удовольствие, а непрофессионалы в федеральной

и местной власти даже и понятия не имеют, сколько такая работа стоит. И да, часть денег идет на поощрение сотрудников, включая самого Салимова, потому что знаете сколько должен зарабатывать высокого уровня профессионал? Вот и сравните с денежным довольствием офицера милиции. А тут журналисты еще мешаются под ногами. И Ройзман этот с Кабановым, которым лишь бы шашкой махать да по мелочи громить под видеокамеры наркопритоны. Показушники, пиарщики — думает Салимов про Варова, Кабанова и Ройзмана, — а может быть, и того хуже, может быть, нарочно разрушают профессионалам-следователям всю стратегию борьбы с наркоторговлей, и, может быть, даже переделывают рынок, тщатся отнять розничную и мелкооптовую наркоторговлю у цыган, которых Салимов оплел агентурными сетями, и передать Уралмашевской преступной группировке, с которой всю агентурную работу Салимову придется начинать заново.

Вот что примерно Салимов думает. Вот почему отказывается от сотрудничества с фондом «Город без наркотиков». Сотрудничать Салимову с Фондом — это, на взгляд Салимова, все равно как микрохирургу сотрудничать с мясником.

Однако же считаться приходится. Чуть ли не каждый день, раз уж в неделю точно Телевизионное агентство Урала дает в эфир сюжет про то, как сотрудники фонда «Город без наркотиков» совместно с милицией (только не Чкаловским ОБНОН!) накрыли, разгромили, уничтожили очередной наркопритон.

Приходится и Салимову приглашать телевизионщиков, устраивать показательные обыски, арестовывать своих собственных агентов, разрушать понемногу собственную агентурную сеть (это его цыгане научили, они тоже держат

рабов-таджиков нарочно, чтобы можно было их сдать, свалить на них всю вину, если найдут героин при обыске). Арестовывает своих людей со своим же героином и ждет только случая разделаться с презренными дилетантами, зарабатывающими дешевую славу на профанации сыска.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Настоящие люди

Помним же мы, с чего начинался Фонд — с презрения. Со слов Дюши о том, что наркомания не болезнь, и наркоман — не человек. Это позволило действовать. Был бы наркоман больным человеком, так надо ведь как-то лечить его, сострадать ему, разговаривать с ним. А как с ним поговоришь, если он ничего не соображает, если воля его растворена героином и направлена только на то, чтобы достать героин? Презрение позволило действовать: громить, врываться, хватать, бить, сдавать ментам — ничего этого нельзя делать ни по уральским понятиям, ни даже просто по дворовым, мальчишеским, — пока не найдешь причин для презрения.

В отношении наркопотребителей Ройзман нарочно ведь употреблял уничижительные слова — «говнокуры», «нарколыги». Когда спрашиваешь Ройзмана, нельзя ли употреблять слова покорректнее, отвечает — нет, нельзя: уничижительные слова для того и нужны, чтобы развенчать романтический флер наркопотребления хотя бы в глазах подростков. А то ведь было у них принято граффити «Кто не колетса, тот лох». И не наркоторговцы ли это писали? Так что это осознанные оскорбления — «говнокуры», «нарколыги».

А в отношении наркоторговцев Ройзман никогда не употребляет красивых и иностранных слов «дилер», «пушер», «курьер», но исключительно слово «барыга», потому что оно обидное и уничижительное. Цыган-наркоторговцев, таджиков-наркоторговцев, азербайджанцев-наркоторговцев зовет Ройзман еще и оккупантами. Обращается таким образом и к звериному народному национализму, и к священной памяти о Великой войне. В Екатеринбурге, городе военных заводов, память о войне сильнее и священнее, дети во время дворовых игр до сих пор словом «оккупант» обзываются, так к этому же и апеллировать! И русских наркоторговцев, стало быть, звать предателями.

Ройзман говорит, что вся эта его уничижительная риторика предназначена для подростков в первую очередь, для мальчишек с Уралмаша. Но ведь и для него самого. Он ведь сам мальчишка с Уралмаша, и себя должен убедить в первую очередь в целесообразности насилия и в собственной правоте насильника. Нет, не насильника — воина, сражающегося против оккупантов и предателей, которые отравляют тут наших детей.

Логическая неувязка в том, что только же что сами же Ройзман Варов и Кабанов называли наркопотребителей говнокурами и нарколыгами. А когда пришло время называть барыг оккупантами и предателями, само как-то сказалось, что отравляют наших детей. Так кто же эти говнокуры и нарколыги — нелюди или дети, отравленные оккупантами? Если оккупанты и предатели отравляют говнокуров, то не зачем и вмешиваться. А если отравляют детей, то нельзя же с оккупантами и предателями бороться, а отравленным детям не помогать.

По логике, следовало как-то Ройзману уложить у себя в голове, что «наркологи» и «отравленные наши дети» — это одни и те же люди. Фонду «Город без наркотиков» логично было не только громить барыг, но и открыть и для наркопотребителей реабилитационные центры.

И вот однажды вечером Игорь Варов подходит к своему офису. Самый центр города. Темно. 2000 год. Небоскреба «Высоцкий» еще нет на этом месте, а кривятся приземистые домики, в которых у Варова магазинчики и склады. И стоит, покачивается человек. Не в себе. Как на ветру дерево. Вмазанный человек.

И есть у них в компании такое обыкновение обращаться к прохожим на улице. Относиться к миллионному городу как к деревне, где все друг друга знают и всем до всего есть дело. Если сидят у дома старушки на лавочке, то: «Здравствуйте, девушки». Если бежит по улице стайка бритоголовых подростков, то: «Привет, парни, вы что, в армию собрались?» — профилактика неонацизма. А вмазанному человеку Варов говорит, проходя мимо: «Что ж ты колешься, придурок!» А тот, вместо того, чтобы пропустить замечание мимо ушей, оправдывается, врет что-то, дескать, так сложились обстоятельства, дескать, химическая зависимость.

— А хочешь бросить? — Варов останавливается, смотрит в стеклянные глаза.

— Хочу, да как бросить-то? — врет или просит о помощи, то ли презренный говнокур, то ли отравленное дитя.

— Я тебе помогу, — говорит Варов. — Хочешь?

— Хочу!

И дальше Варов ведет себя двумя взаимоисключающими способами. Берет парня под руку, как раненого ребенка. Ведет в складской свой подвал, как предателя-пленника,

потому что торговал ведь наркотиками, наверняка торговал, все рано или поздно торгуют. Сажает на стул, заваривает чаю, как для немощного. Пристегивает наручниками к батарее центрального отопления, как врага. А сам бежит в магазин, закупить пациенту своему продуктов: фруктовых соков, колбасы, хлеба, свежих овощей — как больному ребенку. Приносит все это говнокуру и запирает в подвале как арестованного. И уходит, хоть подохни тут.

На следующий день Дюша говорит:

— Игорь, тебе это надо?

А пристегнутый к батарее человек корчится, плачет, просит вызвать скорую.

А Дюша:

— Ты мне прекрати этот спектакль! Я сам устраивал такие спектакли для друзей и родственников. Пристегнули тебя, сиди!

А Ройзман:

— Игорь, откуда у тебя наручники? — да потом и сам понимает, что глупый вопрос, такой же глупый, как спрашивать, откуда у самого Ройзмана в машине казачья шашка.

А реабилитант стонет, извивается, просит лекарств, хотя бы обезболивающих, промедола или трамала.

— Может ему правда плохо? — говорит Ройзман. — Ломка же.

— Да врет все! — отвечает Дюша. — У тебя похмелье было? Вот, ломка не тяжелее, чем похмелье. Ломка от слова «ломать комедию». Врет.

Эта сцена похожа на те минуты из ройзмановского детства, когда отец порол его. Порол только за вранье, но больно. Жестоко, но по любви. До синяков, но для его же пользы.

Так, наверное, и надо относиться к этим, не поймешь, то ли врагам, то ли отравленным детям: если наркоман врет что-то, просит дозу, хитрит, плачет — тогда он говонокур, наркоман и предатель, достойный только презрения, нарочников и даже битья. Если переламывается вопреки страданиям, борется, терпит — становится в глазах Ройзмана человеком, который был отравлен оккупантами и предателями, а теперь достоин сострадания.

Эту мысль Ройзман не формулирует. Это даже не мысль, но чувство, которое ляжет в основу реабилитационных центров фонда «Город без наркотиков».

Реабилитационный центр открылся вскоре неподалеку от Екатеринбурга в поселке Изоплит. Надо же было назвать поселок в честь изоляционной торфяной плиты. В советское время была там маленькая фабрика, производившая эти плиты. К 2000-м годам закрылась. Остались одноэтажные или двухэтажные домики на несколько квартир, гаражи, десяток улочек, пересекающихся под прямым углом, сосновый лес, тянущийся до озера Шарташ, да еще кладбище посреди сосен. В 90-е годы стали продавать в Изоплите участки и строить дачи. И один дачник посадил даже у себя на воротах скульптурных львов в натуральную величину.

Реабилитационный центр расположился в одноэтажном здании, где прежде бог знает что было, вероятно, клуб поселковый или барак — архитектура у дома была коридорная и невозможно представить себе, для какого человеческого занятия предназначенная.

Сделали, конечно, ремонт, но некрасивый. Нарочно некрасивый. Во-первых, потому, что не было денег, и бюджет Фонда составлялся из личных пожертвований Варова, Ройзмана и Кабанова. А во-вторых, некрасивый потому, что посчитали

нужным держать наркоманов в строгости, без излишеств. Посчитали, что просто чистые стены, не пожелтевший от паров йода потолок и просто отсутствие вони — это уже прекрасные условия для людей, прибывших из наркопритонов.

Первых реабилитантов привозили силой. Некоторых родители уговаривали. Некоторых скручивали, сажали в машину и везли к Ройзману. Некоторых не сажали даже, а кидали в багажник. А в дверях Фонда встречали наркомана крепкие парни и тащили к Ройзману. Если наркоман пытался держаться дерзко, его запугивали. Ройзман говорил, например, что вот, парень, у тебя в кармане наркотики, сейчас мы сдадим тебя отделу по борьбе с наркотиками, выступим понятыми, и поедешь ты в тюрьму на семь лет, хочешь? Или лучше в реабилитационный центр на год? Поехать в тюрьму дерзости ни у кого не хватало. И это сотрудникам Фонда был повод для презрения.

А бывало и по-другому. Бывало, что приходили в Фонд родители наркомана одни, без сына. Жаловались на сына, просили забрать и вылечить. Тогда сотрудники Фонда научали родителей дожидаться, пока вечером сын ляжет спать, а самим выйти из квартиры, оставив открытой дверь. Крепкие парни из Фонда поднимались в квартиру, заходили тихо, набрасывались на спящего, скручивали, тащили вниз, сажали в машину и везли в Изоплит. Никто не сопротивлялся, все боялись. И эта лукавая покорность наркоманов была сотрудникам Фонда — повод для презрения.

Дюшина парадигма работала: вы — наркоманы, стало быть, вы не люди, а мы не наркоманы и, стало быть, — люди, а потому имеем право на насилие в отношении вас.

Вновь поступивших сажали в карантин — большую комнату, где стояло штук двадцать двухъярусных железных

кроватей, как в казарме. Пристегивали к кровати наручниками. А на дверях карантина — решетка. И на окнах — решетка. В туалет водили под конвоем. Кормили черным хлебом, луком, чесноком и водой, чтобы через неделю тяга к наркотикам заменилась у реабилитанта волчьим голодом. Это была тюрьма. И даже сразу установилось как-то, что людей зовут не по именам, а кличками — Котлета (от фамилии Мясоедов), Моня, Чира, Самодел (заведовал слесарной мастерской), Изжога (повар), — людей звали не именами, а погонялами, потому что это была тюрьма. Но сотрудники Фонда, включая и самого Ройзмана, с трудом могли представить себе какой-нибудь способ исправить человека, кроме тюрьмы. Тюрьму же представляли себе хорошо.

Первую неделю реабилитанты не могли уснуть, кричали, плакали, просили обезболивающих, трамала или промедола. В ответ Дюша притащил две бейсбольные биты, на одной написал «трамал», на другой «промедол». В Дюшином исполнении это была скорее шутка, грубая, но всего лишь бравада. В ответ на жалобы реабилитантов Дюша спрашивал: «Трамала тебе? Или промедола?» И заходил в карантин, жонглируя бейсбольной битой с надписью «промедол». Но в отсутствие Дюши дежурные и впрямь могли пустить биту в ход.

Ройзман довольно быстро заметил, что грозный, уличный и даже бандитский стиль Фонда многие новые сотрудники и помощники понимают буквально. Так бывало. Однажды приехали парни из маленького соседнего городка, сказали, что тоже хотят фонд «Город без наркотиков» и попросили организационных советов.

— Какие организационные советы! — гаркнул Дюша. — Соберите всех барыг на стадионе, да перебейте на хрен!

И несколько не по себе стало Ройзману, когда парни так и сделали. Вернулись к себе в городок, созвали наркобарыг на городской стадион на стрелку якобы с целью поделить рынок, а там, на стадионе, перебили всех бейсбольными битами. Да еще и хвастаться приехали в Екатеринбург.

— Ну, вы это... — Дюша чесал в затылке. — Может, не надо было так буквально-то...

Через месяц, когда проходила ломка, восстанавливался сон, и главным чувством реабилитанта становилось смирение, из карантина выпускали. Примерно с этого момента к нему начинали относиться как к человеку. Ну, не совсем как к человеку. Как к Эдику.

Эдик был обезьяной. Довольно крупной обезьяной, которую какой-то наркоман пытался однажды продать барыге, а сотрудники Фонда как раз поймали и барыгу, и обезьяну. Поселили в реабилитационном центре в клетке (как и людей поначалу селили в клетке), а когда показалось, что Эдик привык и приручился, стали из клетки выпускать. Зверь ходил по комнатам, освоился, отъелся. А когда наступила весна — сбежал. Его видели иногда в роще, скакал по вершинам сосен. Пытались поймать, но как ты поймаешь обезьяну, скачущую по веткам?

— Сам придет, — махнул рукой Ройзман.

Но до наступления холодов обезьяна и не думала приходить сама. Довольно быстро Эдик догадался, что самое хлебное место в округе — кладбище. Люди приносят еду на могилы: куличи на Пасху, яйца, яблоки на Яблочный Спас, мед — на Медовый. Местные старушки жаловались, что вот, придешь, дескать, к вечеру ближе на кладбище поправить могилку мужа, а в сумерках почти выходит из-за могильного камня обезьяна, так что хоть крестись при виде такого беса.

Или тянется из-за гранитного памятника к оставленному для покойника яблоку сморщенная маленькая рука и не исчезает, даже если осенить ее крестным знамением.

С первым снегом Эдик действительно пришел сам. Нахотленный, тощий, блохастый сидел на окне и дрожал. Его приняли, конечно, и опять водворили в клетку. Как поступали и с людьми, потому что люди, употреблявшие наркотики, вели себя не лучше обезьяны — та же ловкость, та же дерзость, та же привычка жить сегодняшним днем.

Некоторые наркопотребители приходили сами, приносили восемь тысяч рублей, ибо такова была в реабилитационном центре месячная плата, подписывали контракт на год, за месяц переламывались и требовали их отпустить.

— Ты же снова колоться начнешь, — говорил Ройзман.

— Это не ваше дело! — наглые были, самоуверенные. — Я вашу услугу оплатил только на месяц. Вы не можете мне свою услугу навязывать.

Тут-то их и ломать. Как обезьяну Эдика заперли в клетку, так и этих запирали. Сносились с родителями, убеждали родителей, что месячная передышка в наркопотреблении от наркомании не излечивает, уговаривали родителей оставить сына в реабилитационном центре еще на месяц, на три, на полгода, на год. А наркоманы кричали, что это тюрьма, что вот они вырвутся отсюда и первое, что сделают, — уколются. И год требовался, чтобы совсем сломать их волю, чтобы не только прошла физическая зависимость от героина, но и внедрилась в мозги мысль о вездесущности и всеильности фонда «Город без наркотиков», мысль, что если будешь колоться, то тебя найдут, достанут из-под земли и снова водворят сюда, в тюрьму, потому что Изоплит был тюрьмой, пока тут не появились дети.

Дети жили в центре города. Тоже неподалеку от варовского офиса, в подземных теплотрассах. Беспризорники лет по девять–двенадцать. Десять человек мальчиков и одна девочка. Мальчишки хвастались, что в очередь занимаются с девочкой сексом. Варов, который работал неподалеку от их катакомб, слыша мальчишескую уличную похвальбу, бывал охвачен яростью, пытался догнать, но разве же их догонишь? Санников приезжал со съемочной группой, привозил мальчишкам еду, и за еду мальчишки позволяли снимать под землей свои лежки на теплых подземных трубах. Но в руки не давались, в приюты не хотели, просили водки. А Санников детям в водке отказывал и вечерами после съемок пил ее сам, пока не отпускало диккенсовское какое-то чувство тоски по детям в катакомбах.

Они все были токсикоманами, эти дети. У каждого в рукаве был полиэтиленовый пакет с клеем «Момент», и каждые пару минут каждый катакомбный ребенок неприметно, но и не слишком таясь, делал из пакета глубокий вдох — даже и в толпе на улице. Если клея не было, нюхали бензин или растворитель. Бензин легче достать. На каждой заправочной станции, в каждом заправочном пистолете после каждой заправки остается плевков бензина, которым можно дышать несколько часов. Только в отличие от клея, капля которого лежит на дне пакета, пока не затвердеет, бензин текучий, летучий — выливается из пакета на одежду, а пары его пропитывают изнутри рукав. Так и жили.

Из всех детей самым веселым был Вася девяти лет. Надыхавшись бензина, он почему-то не любил лежать в состоянии между сном и галлюцинацией, а любил выбежать на улицу, танцевать на тротуаре под одному ему слышавшуюся музыку, кланчить у прохожих деньги и воровать товары

у зазевавшихся магазинных грузчиков. Этого Васю Варов знал больше всех и больше всех жалел — веселый мальчишка. И милиционеры местные тоже лучше всех знали Васю, потому что он был ловчее других, воровал дерзко и больше всех беспризорников доставлял милиционерам хлопот.

И вот однажды Варов, подходя к своему офису, увидел Васю. Мальчик танцевал как всегда, напевал что-то себе под нос, в левой руке держал безусловно ворованную шоколадку, а к правому рукаву прикладывался время от времени носом и делал вдох. Мимо шли люди, и Варов видел, как сзади, быстрым шагом и стараясь оставаться незаметными, приближались к мальчику два милиционера. Несколько мгновений. Варов не успел даже крикнуть. Один из милиционеров выхватил дубинку и ударил мальчишку по ногам. Второй подхватил за шиворот. И потащили в подворотню.

Варов побежал следом, и когда добежал, милиционеров в подворотне уже не было, а мальчик горел как факел, притопывая, приплясывая и размахивая особенно ярко горевшим правым рукавом. Смеялся, кричал и пел, не только от бензинового опьянения, но и от огненной эйфории.

Варов бросился тушить мальчишку, срывать одежду, заматал в свою куртку, и через несколько часов Вася сидел уже на кухне в изоплитовском реабилитационном центре, ел гречневую кашу, а взрослые мужики-наркопотребители и их тюремщики (тоже в основном наркопотребители) стояли вокруг, приговаривали «Ешь, ешь давай» и спрашивали мальчишку, хочет ли он учиться в школе, какие у него были оценки по чтению, куда делась его мать и есть ли у Васи дом. Вася отвечал разумно, а когда явилась вдруг на столе перед Васей банка сгущенки, съел ее один и уснул.

С появлением детей, говорит Ройзман, атмосфера в реабилитационном центре радикально изменилась. Наручники остались, ими по-прежнему приковывали к кроватям реабилитантов в карантине. И бейсбольная бита «грамал» — осталась, ею по-прежнему грозили тем, кто закатывал истерики. Но атмосфера изменилась. С появлением детей наркоманы в ломке перестали позволять себе громко материться, а ключники и дежурные перестали позволять себе крики и битье.

Дядькой у детей (кроме Васи вскоре появились и другие катакомбные) вызвался быть Заяц. До этого Зайца никто не уважал, потому что он был не столько наркопотребителем, сколько наркоторговцем. Но теперь, когда после обеда Заяц усаживал детей делать уроки, сам силился вспомнить с ними, как умножают дроби и сам с ними твердил вслух «Гонимы вешними лучами», — Зайцу хотелось помогать.

А Ройзман открыл вдруг для себя неизвестное отцу девочек счастье общения с мальчишками. Сажал Васю на колени к себе за руль, нажимал потихоньку на газ, позволял рулить и подправлял потихоньку: «Пошире, пошире дугу, еще налево. Вот так, выровнивай. А про эту собаку, Вась, ты реши сразу, хорошая она или плохая, потому что если она хорошая, надо повернуть направо, пока ты ее не сбил. Правее, правее, еще правее, не бойся крутить руль».

И лучше всяких разговоров о пользе учения оказалось взять мальчишек с собой на гонки, на трофи по бездорожью. Кормить весь день бутербродами и кашей из полевой кухни, поить чаем из термоса, а к ночи уже привезти в Изоплит усталыми, заляпанными болотной грязью, спящими на заднем сиденье «Ленд Крузера».

Кажется, тогда Ройзман и не знал еще термина «педагогика приключений», но именно педагогикой приключений

и занялся. Не только трофи с мальчишками, но и со взрослыми реабилитантами — тоже педагогика приключений: вот, например, сломали своими руками в цыганском поселке незаконно построенный дом одного из наркоторговцев. Махали кувалдами, упирались слегами, заваливали огромные куски кирпичной стены, кричали «навались» и «ура», когда стена упала. Педагогика приключений, как выяснилось, лучше действовала, чем педагогика насилия. И для работников Фонда все эти ночные рейды, все эти заставы и облавы тоже ведь были педагогикой приключений.

Тогда, кажется, Ройзман впервые не подумал даже, а почувствовал, что людей нельзя исправить и нельзя заставить иметь смысл жизни. Но можно увлечь. Нельзя подчинить совсем, но можно мобилизовать на некоторое время.

Так это выглядело. Или теперь, десять лет спустя, выглядит так.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Период полураспада

Когда мужчине к сорока годам, когда несколько его отчаянных начинаний подряд завершились успехом, когда его показывают по телевизору, а знакомые люди на улицах здороваются с ним и благодарят, — начинает казаться, будто причастен к какой-то тайне, знаешь какой-то секрет и обладаешь универсальным рецептом исправления всего на свете. И будто все на свете люди должны тебя слушаться. Вероятно, именно это и произошло с Варовым в 2002 году.

Возглавляемый им Фонд исправно работал: оперативники ловили наркоторговцев, устраивали засады, громили наркопритоны. Судьи давали наркоторговцам внушительные сроки. Кроме первого реабилитационного центра в поселке Изоплит, открывался второй — в Белоярске, на берегу Белоярского водохранилища. Варов показывал журналистам строящийся корпус реабилитационного центра и уверенным голосом пояснял, как именно реабилитанты будут тут заниматься трудотерапией. Стояла зима. Варов был одет в приличный костюм с галстуком, на руке у него были дорогие часы, а поверх костюма — распахнутая куртка-аляска с откиннутым капюшоном. И никакой шапки. Как у Путина.

Варов одевался как Путин, и в 2002 году это, вероятно, символизировало наведение порядка.

Как вдруг появилась кассета. Вероятно, враждебные Фонду милиционеры выкрали ее, переписали, скопировали и распространили по лоткам пиратской видеопродукции — домашнее видео, в котором Варов занимался сексом с женой. Ничего предосудительного не было в том факте, что человек занимается с женой любовью, однако же занимающийся сексом человек выглядит смешно, незащитно, наивно. Нельзя заниматься сексом с тем же серьезным видом, с каким шлешь на задание оперативников или обустройства реабилитационный центр. Нельзя олицетворять собою наведение порядка, если — вот же, факт! — взял своими руками, настроил камеру и, подобно прыщавому подростку, запечатлел на видео собственные фрикции. В домашнем порно нельзя быть похожим на Путина — все равно будешь похож на незадачливого порнодебютанта. И Варов был шокирован.

Недоброжелатели фонда «Город без наркотиков» тогда говорили и до сих пор говорят, что Варов потому и был так шокирован появлением этой порнокассеты, что в воровском мире открытые проявления сексуальности табуированы. Дескать, потому так и стеснялся своей голой задницы на экране, что принадлежал к преступной группировке и не знал, как после такого видео смотреть в глаза криминальным авторитетам, с которыми имел дело. Так говорят.

Но я думаю — глупости все. Просто в этом заснятом на видео эпизоде Варов выглядел смешно, как и любой сорокалетний мужчина выглядел бы на его месте. Боролся со злом, одевался как Путин, мнил себя Джоном Гувером, и вдруг на тебе — глупая смешная оплошность.

В 2002 году глупых и смешных оплошностей Варов допустил несколько. Так всегда случается с людьми, стоит им всерьез поверить, будто они причастны к какой-то тайне, знают какой-то секрет и будто другие люди должны их слушаться. Стоит тебе поверить во что-нибудь патетическое, как глядишь — люди плюют на твою тайну, смеются над твоим секретом и всякие твои претензии на власть разрушают всего лишь словами: «Да пошел ты!».

— Да пошел ты! — так сказал Дюша, покидая кабинет Варова, хлопая дверью, размахивая руками и направляясь в кабинет к Ройзману. — Женька, ты видел?! Игореха кокаириста на стенку повесил, охренел совсем!

И это была вторая глупая оплошность, которую Варов допустил почти одновременно с изготовлением домашнего порно. Мы уже говорили, что в своих мечтах Варов, кажется, воображал себе фонд «Город без наркотиков» разросшимся до масштабов международной спецслужбы. Про наркоторговцев Варову нравилось думать не как про горстку обнаглевших цыган и бессловесных таджиков, а как про всемирную, разветвленную и эшелонированную мафию. Нравилось собирать досье на каждого пушера и каждую наркоточку. Нравилось сводить досье в базу данных. Нравилось общаться с агентами Федеральной службы безопасности, тем более что с ментами общение складывалось через два раза на третий. Нравилось вообще понимать мир и говорить о мире в этой их шпионской парадигме. И нравились их чекистские символы, главным из которых был, конечно, Дзержинский. Вот Варов и повесил на стену в своем кабинете портрет Дзержинского, совершенно позабыв как-то, что Дзержинский, по слухам, был кокаиристом. Глупая оплошность, конечно, вешать

на стену портрет наркомана в фонде, который борется с наркотиками.

На этот раз как-то помирились. Варов снял Дзержинского со стены, несколько дней думал, куда бы Железного Феликса пристроить, да так и затерял где-то в шкафу. Прошло немного времени, Дюша опять зашел к Варову в кабинет и застал там делегацию сайнтологов. Сайнтологи вежливо поздоровались, а Дюша заорал:

— Игореха, гони их в шею! Ты охренел? Это же сектанты!

Варов пытался объяснять, что сайнтологическая церковь является международной, разветвленной и эшелонированной организацией, почти такой же, как наркомафия, но выступающей за трезвость. Он пытался объяснять, что сайнтологи являются тактическими союзниками, что можно их использовать, как КГБ использовало красные бригады, а ЦРУ использовало Аль-Каиду.

Но Дюша и слушать не хотел. Он был уверен, что избавился от наркозависимости благодаря православной церкви, и потому хуже сектантов в его системе ценностей могли быть разве что только наркобарыги.

— Да пошел ты! — Дюша опять хлопнул дверью. — Женька, ты видел?! Игореха сектантов привел! Охренел совсем! Ты видел?

В этот ли раз или в другой подобный Варов не выдержал и покинул Фонд. Эта отставка казалась Варову несправедливой. Он так много сделал для Фонда, но не был оценен. Чтобы подчеркнуть значительность своего вклада в дело борьбы с наркотиками, Варов, покидая свой кабинет, забрал все: личные вещи, мебель, и даже линолеум с пола велел рабочим скатать и вынести. Вспылил, конечно, обиделся.

И наверняка через несколько дней пожалел об этой своей последней смешной оплошности.

Фонд возглавил Ройзман, но, кажется, тогда еще не понимая, что даже если ты президент «Города без наркотиков», это не значит, что люди станут слушаться тебя. Сочувствие людей переменчиво, на сотрудничество можно рассчитывать через раз. Это касается и власти, и наркопотребителей, и милиции, и даже собственных сотрудников.

Теоретически любой реабилитант «Города без наркотиков» мог из реабилитационного центра уйти. Надо было только объяснить, почему хочешь уйти, и объяснить это надо было в присутствии товарищей и глядя в глаза директору реабилитационного центра Максиму Курчику. Курчик был кряжистый человек с булыжными кулаками, детской улыбкой и холодным взглядом. Он был с Уралмаша — когда говорят так, имеют в виду не завод, а район вокруг завода. Он учился с Ройзманом в одной школе, и еще мальчишкой пользовался славой человека, безусловно справедливого. То есть пускал булыжные кулаки в ход только по делу и никогда зря.

Теперь некоторые реабилитанты пытались с Курчиком говорить, но ничего не получалось.

— Я хочу уйти отсюда.

— Зачем?

— Я же больше не колюсь.

— Зачем ты хочешь уйти? Куда?

— Домой. Найду работу.

— Врешь. Ты хочешь уйти, чтобы колотьяся.

Реабилитант отводил глаза, а десяток таких же, как он, слышали этот разговор и понимали, что да, врет, хочет уйти, чтобы колотьяся, зачем же еще.

— Я плачу вам деньги. Все! Вы мне помогли. Больше я в помощи не нуждаюсь.

— Врешь. Нуждаешься. И деньги платишь не ты, а твоя мать.

И десяток наркоманов вокруг, таких же, как этот, понимали, что да, врет, нуждается в помощи, и деньги, восемь тысяч рублей в месяц за реабилитацию, платит не он, а его мать, потому что все свои деньги, какие были, он давно уж сколот.

— Вы не имеете права меня удерживать! Я свободный человек!

— Врешь! Какой ты свободный?

С этими словами Курчик клал на стол булыжные кулаки, и десяток наркоманов вокруг понимали, что нельзя считать свободным человека, который зависит от белого порошка.

Теоретически уйти из реабилитационного центра можно было, просто заявив, что хочешь уйти. Практически никто так не делал, потому что никто не мог выдержать разговор с Курчиком.

Из реабилитационного центра бежали. Сговаривались по двое, по трое. Отвинчивали спинку кровати в карантине. Ночью, когда к дверной решетке карантина подходил ключник, хватали ключника, продевали железную спинку кровати сквозь решетку, прижимали ключника за шею к прутьям. Двое держали, один отбирал ключи. Теми самыми наручниками, которые предназначались для пристегивания реабилитанта к кровати, пристегивали ключника к решетке. И бежали. А реабилитант Илья Букакин (в милицейских отчетах — Букакин) распилил решетку на окне в туалете и в ночь на 12 мая 2002 года бежал через окно вместе с другим реабилитантом, Алексеем Степановым. (Тут,

кстати, расхождения еще хронологические и численные: по милицейским отчетам — 12 мая бежали двое, у Ройзмана в онлайн-дневнике написано — 17-го бежали трое.)

Милиционеры говорят, что Букатин и Степанов бежали к матери Букатина. Это было довольно глупо — бежать из реабилитационного центра к матери, которая ведь и сдала тебя в реабилитационный центр. Но наркоманы часто делают глупости. Не успел Букатин с другом добежать до дома, как туда приехали сотрудники Фонда, схватили молодых людей, запихали в багажник автомобиля, привезли в реабилитационный центр и там забили Букатина до смерти «трамалом», который к тому времени был уже не бейсбольной битой, а куском металлического кабеля в пластиковой оплетке. На кабеле не было написано «трамал», трамалом эту дубинку называли по старой памяти. Так рассказывает эту историю пресс-секретарь областной милиции Валерий Горелых.

Курчик рассказывает иначе. Да, Букатин и Степанов ночью выпилили решетку и бежали. Но не к матери Букатина, а к ночному клубу. У ночного клуба Букатин снял проститутку, но не для того, чтобы заняться с нею сексом, а ошибочно определив, что девушка — наркоманка и можно отнять у нее героин. И он отнял у нее героин. Но девушка пожаловалась охране ночного клуба. Охранники догнали Букатина и избили. Крепко избили, тем более что Букатин был под действием героина и не чувствовал боли, и избивавшим все казалось, что похититель героина избит недостаточно. И вот уже избитый Букатин поплелся к матери, не понимая, насколько избит, и не желая обращаться за медицинской помощью. И вот уже тогда сотрудники Фонда нашли Букатина, погрузили в машину и увезли в реабилитационный центр

вместо того, чтобы отвезти к врачу. А в реабилитационном центре — да, еще били и, возможно, куском металлического кабеля. Во всяком случае, такая дубинка в реабилитационном центре действительно была и действительно называлась «трамал». Так рассказывает Курчик. Так он восстановил события на следующий день, потому что участником этих событий он не был. В ночь на 12 мая Курчика не было в реабилитационном центре.

А дежурил в ту ночь Александр Терешонок, сын полковника милиции из Пыть-Яха, наркоман из тех, кому после года трезвости кажется, будто можно и нужно причинять людям добро, посредством битья и унижений принуждать всех подряд к трезвости.

(А лужи были огромные. Середина мая, дороги развезло. Почки разворачивались, первая зелень. Ямы были залиты водой, пока не въедешь, не поймешь, глубоко ли. Машина ныряла так, что грязь вздыбливалась на манер цунами и захлестывала через капот, а то и через крышу. А на ровных местах — все равно грязь, и машину вело юзом. Ройзману приходилось быстро выкручивать руль в сторону заноса и добавлять газу, иначе понесло бы штурманской дверью на сосну, а не было у гонщика страха больше, чем убить штурмана.)

В тот день, когда погиб Букатин (избит ли сутенерами у ночного клуба, добит ли после клубных охранников Терешонок, сам ли умер от передозировки наркотиков — теперь уж не восстановишь), Курчика в реабилитационном центре не было, а Ройзмана вообще не было в Екатеринбурге. Ройзман был на соревнованиях, на ралли по бездорожью. «Вогульские дебри», этап чемпионата России. Черт-те где в болотах, вне зоны действия сети, даже позвонить ему было

нельзя. Алиби из железа, машинного масла, внедорожной резины, жидкой грязи и первых энцефалитных клещей.

Обнаружив в крови Букатина смертельную дозу героина, следователи тогда уголовное дело закрыли, но возобновят через год, когда Ройзман станет баллотироваться в депутаты. Резонансное будет дело, компрометирующее. Следователи попытаются доказать не только то, что Терешонок убил Букатина, но что убил по прямому указанию Курчика, а Курчик, дескать, выполнял распоряжения Ройзмана. Первое удастся: Терешонок Курчика сдаст, наговорит с три короба. Но второе не удастся ни в коей мере: на следствии и на суде, выложив булыжные свои кулаки на перекладки клетки для подсудимых, Курчик настоит на том, что Ройзман никаких распоряжений ему не давал, ничего о происшествии с реабилитантом Букатиным не знал и знать не мог и вообще в день гибели реабилитанта в Екатеринбурге отсутствовал, на телефонные звонки не отвечал, гонялся.

(Ночь уже была. Фары, залепленные грязью, почти не светили. Дворники грязь на лобовом стекле не стирали, а размазывали. К финишу пришли первыми, но, как выяснилось, пропустив две промежуточные контрольные вешки. Так поглядишь — вроде победили, эдак поглядишь — дисквалифицированы.)

Если бы Курчику оговорить Ройзмана, получил бы существенное снисхождение. Но не оговорит, упрется. И за упрямство получит шесть лет строгого режима с отбыванием в полярной колонии поселка Харп в низовьях Оби. Да еще улыбаться будет в зале суда, радоваться, что мало дали. А Ройзману — вообще ничего. По мнению Курчика, справедливо — не было ведь Ройзмана в городе, правда ведь не было.

А вот когда летом 2003-го громили женский реабилитационный центр — Ройзман был.

Женский реабилитационный центр на озере Шарташ открылся в феврале 2003-го, и с ним сразу начались проблемы. Стараниями милиционеров во многом, по городу ползли слухи, будто Ройзман для того содержит девочек, подлечивает и прилично одевает, чтобы использовать в качестве сексуальных рабынь. Тот факт, что в основном девочки были ВИЧ-положительные, никого не смущал — мало ли ВИЧ-положительных проституток? Оправдываться было сложно.

Еще сложнее было с самими девочками. Они хитрили и обманывали точно так же, как парни, но, по ройзмановским понятиям, за ложь им нельзя было вломить, потому что «нельзя бить девочек» — заповедь с детского сада, где мама работала воспитательницей. А пристегнуть к койке наручниками, если и можно было, то как-то нежно. И удерживать насильно нельзя, потому что насилие по отношению к мужчине — это просто насилие, а насилие по отношению к женщине — всегда сексуальное насилие. Так, кажется, устроено в голове у Ройзмана. А еще они пекут пироги, строгают салаты, садятся напротив и смотрят, вздыхая, как ты ешь, всякий раз, когда приедешь проведать реабилитационный центр. И есть в этом что-то домашнее, семейное. И еще они плачут по любому поводу и просто так — над загубленной своей молодостью. А естественная реакция на женские слезы — обнять, но обнимать нельзя, потому что обнять — это сексуальные домогательства. Да есть же среди реабилитируемых наркопотребительниц и несовершеннолетние, и по отношению к ним сексуальные домогательства (обнять плачущую) — это и вовсе уголовная статья.

И всякий твой поступок может обернуться уголовным преследованием. Вот в мае 2003-го звонит реабилитантка Таня, плачет, просится домой. Реабилитация ее не окончена, только-только бросила колоться, но какие-то там у нее семейные обстоятельства. И не просто надо ее отпустить из реабилитационного центра, но приехать надо за ней на Шарташ и домой отвезти, потому что как же она поедет домой одна — девушка? Ройзман приезжает, сажает Таню в свою машину, везет в город, по дороге уговаривает не колоться и вернуться на реабилитацию сразу, как только семейные обстоятельства уладятся. На том и расстаются.

А Таня, едва расставшись с Ройзманом, идет в Чкаловский районный отдел милиции и пишет заявление, что ее, дескать, в реабилитационном центре насильно удерживали. Тот самый Чкаловский райотдел, в котором работает следователь Салимов, главный по тем временам враг Фонда, обвиняемый Фондом в наркоторговле. Милиционеры приезжают на Шарташ, женский центр обыскивают, находят наручники, заводят дела. Это в мае.

А в августе никакой предательницы вроде Тани не отыскивается, но милиционеры приезжают все равно. На этот раз поводом является анонимный звонок в милицию. (Кто поверит, что это они не сами себе из кабинета в кабинет звонили?) Аноним сообщает, что в женском реабилитационном центре фонда «Город без наркотиков» на Шарташе — склад оружия. По такому опасному поводу приезжают уже не оперативники из Чкаловского райотдела, а СОБР — специальный отряд быстрого реагирования — элитное подразделение Министерства внутренних дел, парни с автоматами, в броне и в масках.

Только вот вместо того, чтобы искать оружие, они ищут Элю Штроб, красавицу-блондинку, которая вскоре на суде должна свидетельствовать против следователя Салимова, рассказывать, что Салимов — наркоторговец, что была Эля у Салимова информаторшей за наркотики и что видела, как Салимов подбросил наркотики некоему Нежданову, которого обвиняет теперь в том, что тот торговал наркотиками, будучи сотрудником фонда «Город без наркотиков».

И опять гонка. Опять Ройзман за рулем. Гонит что есть духу на Шарташ в женский реабилитационный центр. Правой рукой рулит, а в левой держит телефон. Звонит окружному прокурору. Объясняет, что и оружия-то никакого в женском реабилитационном центре нет, и Нежданов в Фонде никогда не работал, и что ищут собровцы не оружие, а Элю. И обыск останавливать не надо, черт с ним, с обыском, разберемся. Но приезжайте, спасите девчонку! Ее же на иглу опять посадят! У вас же свидетеля не будет на суде.

Окружной прокурор выезжает, и у него есть некоторый запас времени, потому что сотрудники СОБРа как выглядит Эля Штроб — не знают. А сама Эля не сознается в том, что она Эля, и девчонки ее не выдают. Вот если бы следователь Салимов тут был, операция закончилась бы за минуту. Но нельзя следователю Салимову, возглавляющему отдел по борьбе с наркотиками, участвовать в операции, которая проводится СОБРОм и цель которой — искать оружие. На этот раз Элю Штроб спасает милицейская бюрократия.

Оружие, разумеется, не найдено. Но найдены сорок женщин, реабилитантки центра, которых СОБР классифицирует как незаконно удерживаемых, грузит в автобус и собирается везти в город, чтобы допросить и отпустить.

— Куда их отпустить! — взвывается Дюша, он уже приехал на Шарташ, и Ройзман приехал. — Они же колотья станут сегодня уже к вечеру!

— Колотья или не колотья, — отвечает один из парней в масках, — это личное дело каждого.

После этих слов с Дюшей случается что-то вроде истерики. Он орет. С голыми руками, даже отводя руки за спину, чтобы нельзя было инкриминировать нападение на милиционера при исполнении, набрасывается на вооруженных парней. Выкрикивает номера статей уголовного кодекса, которые СОБР, по Дюшиному мнению, нарушает. Кричит про то, что девчонки к вечеру все будут на героине. Кричит про то, что использовать девок в мужских разборках — это за-падло. А когда бойцы СОБР угрожают ему оружием, кричит: «Стреляй! Давай! Девоч погрузил, теперь давай, стреляй!»

Какой-то из Дюшиных криков кажется особенно оскорбительным. Несколько бойцов СОБРа валят Дюшу на землю, заламывают руки за спину, надевают наручники. А Дюша горлопанит: «Давай! Крепи Дюшу! Россия за вами!»

Ройзман пытается вступить за друга, но тоже без рук, держа руки вверх, чтобы никак не положе было на сопротивление сотрудникам правоохранительных органов. Оно и не положе, но Ройзмана валят на землю, просаживают коленом по печени, чтобы не дергался, и надевают наручники.

В этот момент примерно приезжает окружной прокурор, чтобы забрать Элю Штроб. Прокурор увозит ее, важную свидетельницу, и прячет.

А Ройзмана и Кабанова везут в камеру предварительного заключения. Офицер конвоя говорит им, что если они будут осуждены на любой срок, даже и на пятнадцать суток, если попадут в тюрьму, то не доживут до освобождения. В наших

тюрьмах умеют инсценировать самоубийство в камере. Офицер конвоя им сочувствует, но никак не может помочь.

Он говорит:

— Что хотите делайте, только не попадайте в тюрьму.

Они лежат в камере предварительного заключения на полу, ждут суда. И Дюша говорит:

— Жека, тебе надо идти в депутаты! Иначе нам хана. Жека, если судья тебя отпустит, иди в депутаты. Тебя, может быть, отпустит.

— А ты как?

— А я на суд не пойду. Я в больничку пойду.

После этих слов Дюша зовет конвоиров и принимается виртуозно симулировать insult и инфаркт одновременно. Ройзман стучит в дверь, кричит: «Ему плохо! Человеку плохо!» И еще через час Дюшу увозят по скорой. Перед судом по обвинению в сопротивлении сотрудникам полиции Ройзман предстает один.

И судья — оправдывает. С этого момента начинается предвыборная кампания. Странники и союзники в зале аплодируют и кричат «ура!». А офицер конвоя говорит:

— Вы далеко не уйдете. Вас схватят или убьют. Давайте я вас выведу черным ходом.

Поверить или не верить? Вдруг этому офицеру-то и поручено схватить, убить? Или честный офицер? Сочувствующий? Ройзман смотрит конвоиру в глаза, решает довериться, и через полчаса — выведен черным ходом, свободен, невредим и в безопасности. Может баллотироваться в депутаты Государственной думы.

В те времена депутатами Государственной думы становились у нас не только по партийным спискам, но и по одномандатным округам. Это Ройзмону было на руку: к партии

он не принадлежал ни к какой, но человеком в городе был известным, что кандидату-одномандатнику и требуется. К тому же по 165-му Орджоникидзевскому одномандатному округу принято было избирать своего — уральского человека, екатеринбургского, а лучше прямо уж уралмашевского. Наибольшее число голосов по 165-му округу набирали именно такие кандидаты — Брусницын, Карелова и «против всех» — вот уж не придумаешь ничего более уральского. Так было все 90-е. А в начале 2000-х депутатом от Уралмаша был Николай Овчинников — свой, конечно, но мент, начальник городской милиции. Четыре года побыв депутатом, Овчинников совсем уж переехал в Москву и свой мандат уралмашевского представителя в федеральном парламенте намеревался передать другому высокопоставленному милиционеру — Василию Руденко.

А тут Ройзман! Его выдвижение путало Овчинникову все карты, разрушало «лествицу», по которой за годы службы милиционеру можно было выбиться в городские милицмейские начальники, потом в депутаты, а там уж — Москва.

Предвыборная кампания Ройзмана на том и строилась, что вот менты у власти, а защищать себя приходится нам самим. И тут всякое лыко было в строку — и заранее спланированные события, и случайные.

Ройзман придумал лозунг «Сила в правде». Слова эти были цитатой из популярных тогда фильмов «Брат» и «Брат-2» — историй про одинокого героя, который восстанавливает справедливость криминальными методами.

Как и во всяком начинании Ройзмана, в предвыборной его кампании важную роль играли машины. Это уральская любовь к танкам, запомним ее. Но танков не было, и для начала избирательной кампании Ройзман придумал устроить

на главной площади парад джипов. Ехали клином, стройными рядами, медленно. Мимо памятника Ленину, мимо здания городской администрации. Седьмое ноября было. Люди привыкли к тому, что в этот день — парад. И это был парад. И тем легче было парад устроить, что в тот же день неподалеку от Екатеринбурга на военном полигоне Ройзман (или друзья Ройзмана, как официально заявлялось) организовали закрытие трофи-сезона, последние до снега автогонки по бездорожью. Вот все участники трофи и проследовали по главной площади железной колонной. (Кстати, Ройзман соревнования проиграл по вине лопнувшего колеса, но все же дойдет до финиша на помятом ободе, что, может быть, даже эффективнее, чем выиграть.)

А кроме парада внедорожников на площади будет еще и демонстрация, организованная в поддержку Ройзмана обществом трезвенников. В памяти участников демонстрация эта путается с другой, спонтанной, антитаджикской и антимилицейской. Никто толком теперь не может вспомнить, была ли это одна демонстрация или две разных. Вот жена ройзмановского приятеля, молодая и красивая женщина, идет то ли в магазин, то ли по другим каким делам, как вдруг на нее нападают несколько таджиков-гастарбайтеров, тащат за гаражи, пытаются изнасиловать. Женщина кое-как отбивается, прибегает домой в разорванной одежде, плачет, жалуется мужу. И тут уж — охота. Муж звонит друзьям, парни съезжаются на джипах большой ватагой, прочесывают весь район, насильников ловят (а заодно и всех, кто подходит под описание, — таджиков) и сдают в милицию. Но спустя пару часов из милиции таджиков отпускают. И тут уж — бунт.

На той самой площади, где прошли или пройдут вскоре (никто теперь не помнит последовательности) колонны

внедорожников и демонстрация трезвенников, собирается митинг. Некоторые говорят, в пять тысяч человек, некоторые говорят — в десять тысяч. Андрей Санников в своей телевизионной программе рассказывает эту историю про отпущенных таджиков-насильников, перескакивает на таджиков-наркоторговцев и заканчивает тем, что проклинает всех таджиков вообще. «Это наша земля, — обращается Санников к таджикам. — Жрите сами свой героин!» И зовет екатеринбуржцев на площадь. И этот призыв выводит на площадь тысячи. Шутить демонстранты не расположены. Демонстрация против власти, против ментов — что ж вы нас не защищаете! — а стало быть, против бывшего депутата от ментов Николая Овчинникова, против нового кандидата от ментов Василия Руденко и — за Ройзмана.

Спустя несколько дней Ройзман прилетает по делам в Москву, идет в ресторан поужинать и видит одинокого за одиноким столиком Николая Овчинникова собственной персоной. Овчинников уже не депутат, он снова милиционер, начальник главного управления МВД по борьбе с организованной преступностью (а станет и замминистра). И Ройзман всерьез полагает, что Овчинников из Москвы не только поддерживает его соперника Руденко на выборах, но и все милицейские операции против Ройзмана с тех пор, как президент «Города без наркотиков» баллотировался в депутаты, санкционирует тоже Овчинников.

— Николай Александрович, здравствуйте, можно присесть? — Ройзман всегда отменно вежлив в подобных случаях.

— Присаживайтесь, Евгений Вадимович, — Овчинников тоже вежлив.

— Николай Александрович, есть ли ко мне какие-то претензии?

— К вам лично никаких.

— А к Фонду?

— Ваш Фонд, Евгений Вадимович, пытается взять на себя функции государства.

— Так заберите обратно!

Ройзман всегда так говорит. Стоит кому-то из государственных чиновников упрекнуть Ройзмана в стремлении к власти, Ройзман разводит руками и принимается доказывать, что власти вовсе не хочет, заберите. Я поэт, говорит Ройзман, у меня успешный ювелирный бизнес, у меня музей икон — я этим хочу заниматься, а борьбой с наркотиками, выслеживанием и засуживанием наркоторговцев занимаюсь только потому, что этим не занимается милиция. И реабилитацией наркоманов занимаюсь только потому, что ею не занимается Минздрав. Возьмите! Возьмите обратно свои функции!

Эти слова были бы обезоруживающими. Но никто из людей, облеченных властью, никогда отрекающемуся от власти Ройзману не верит.

Пока Ройзман сидит в московском ресторане и вежливо разговаривает с главным своим по тем временам врагом, в Екатеринбурге, в созданном Ройзманом музее невянской иконы идет обыск. У следователей есть заявления от старушек, у которых украли икону Казанской Божией Матери, Господа Вседержителя и Ильи-пророка. Вот следователи и ищут, не найдется ли в коллекции Ройзмана таких икон. И, разумеется, находят. Это популярные сюжеты. А бабушки готовы признать иконы своими, потому что иконы ведь им отдадут потом. А иконы дорогие.

Вскоре после этого разговора в ресторане с милицейским генералом Овчинниковым подчиненные Овчинникова

в Екатеринбурге в самую ночь выборов на темной улице останавливают машину помощницы Ройзмана Татьяны Комаровской. Комаровская в машине с мужем и сыном. Милиционеры просят всех троих проехать в ближайшее отделение для выяснения каких-то там обстоятельств. Но Комаровская думает, что милиционеры для того так делают, чтобы машина ее осталась пустой на темной улице, чтобы можно было милиционерам подбросить в машину избирательные бюллетени, а потом как бы случайно найти и обвинить сотрудницу штаба Ройзмана в попытке вброса на выборах. И результаты выборов отменить. Комаровская из машины не выходит, звонит журналистам. Милиционеры силой Комаровскую из машины вытаскивают. Муж Комаровской валется на земле, цепляется за бампер, чтобы не оттащили, кричит. Но тут приезжают три телевизионные камеры.

— Уберите камеры! — кричат милиционеры.

— Почему это милиция приказывает нам убрать камеры?! — парирует Андрей Санников.

И под камеры не смеют милиционеры ничего в машину Комаровской подбросить, только задерживают сына Комаровской на несколько часов, а потом отпускают.

И в ту же ночь выборов милиционеры едут по избирательным участкам. Пытаются пачками подбрасывать в избирательные урны бюллетени за Руденко. Но на участках полно наблюдателей, сочувствующих Ройзману, — студенты, инженеры, учителя — образованные люди. Не дают подбросить, не дают.

И Ройзман побеждает. Он набирает 40%, вдвое больше, чем набирал на этом же участке Овчинников. И кажется, не верит своей победе. Сидит ошарашенный в своем предвыборном штабе, а за спиной у него доска, а на доске

фломастером написано: «Ройзман победил всех». И говорит репортерам:

— Я простой уралмашевский парень, судимый, еврей с еврейской фамилией. Против меня были все, а за меня просто люди. Я людям теперь должен.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Государственные дела

Какой уж он был депутат — бог весть. По голосованиям судя, довольно левых взглядов. Во всяком случае, голосовал против монетизации льгот, которая существенно льготы для бедных ограничила.

Запомнился вежливым, даже застенчивым, каковая застенчивость бывает присуща провинциалам, не вполне освоившимся в столице. На правительственных часах в Думе, вопреки тогдашнему нашему парламентскому стилю, никаким министрам не хамил, даже министру культуры, а только просил скромно, раз уж речь зашла о музеях, думать не только об Эрмитаже и Третьяковской галерее, но и о провинциальных музеях ведь тоже, им же тяжело. Имел в виду, разумеется, и свой собственный музей невянской иконы в Екатеринбурге. Не оторвался от дома, не стал москвичом.

Что еще? Входил в комитет по безопасности. Это было логично, поскольку, на взгляд Ройзмана, да и на самом деле наркотики в России являются, пожалуй, главной угрозой национальной безопасности, так кому же и бороться? В этом комитете несколько своих взглядов на борьбу с наркотиками не цивилизовал, не научился с важным видом

выпускать брошюры о профилактике, а наоборот, утвердился в варварском своем представлении о злокозненности наркоторговцев-таджиков, поскольку коллега по комитету депутат Гришанков рассказал Ройзману, что лично, будучи офицером ФСБ, арестовывал за торговлю наркотиками членов правящей в Таджикистане семьи. Стало быть, это у них государственная политика в Таджикистане — наркотиками торговать.

Теперь уж трудно оценить, какие достижения и какие ошибки были у Ройзмана за четыре года в законотворчестве. Однако же точно можно сказать, что карьерных ошибок за это время он наделал множество.

Когда его только избрали, позвонила девушка из Москвы, представилась сотрудницей аппарата Думы. Принялась разъяснять, как закажет ему из Екатеринбурга авиабилет бизнес-классом...

— Да мне не надо бизнес-классом, я экономом полечу, сам билет куплю, не беспокойтесь.

... да как по прилете в Москву ему надо пройти через депутатский ВИП-зал...

— Да мне не надо ВИП-зал, я нормально выйду.

... да как будет его ждать служебная машина с мигалкой и государственным номером таким-то...

— Да мне не надо служебную машину, я на такси нормально доеду.

Это все были аппаратные ошибки со стороны Ройзмана. Льготные билеты, ВИП-залы, служебные машины для того и придуманы, чтобы с первого своего дня депутат оказался повязан материальными благами, привыкал бы к ним, боялся бы потерять. А если депутат отказывается от льгот — это что же значит? Что не хочет быть повязан?

Со служебной депутатской квартирой у Ройзмана тоже получилось неправильно. Тут ведь есть два способа. Можно переехать в Москву со всей семьей, просить квартиру побольше, а потом всеми правдами и неправдами стараться квартиру эту приватизировать, пока не истекли депутатские полномочия. Это в карьерном смысле хорошо: такому депутату доверяют, он оказывается повязан с тем чиновником, который выделял ему большую квартиру, а еще с тем, который помогал приватизировать.

Или можно наоборот — переехать одному. Семью оставить дома, а самому тут в Москве начать совсем новую жизнь в новой квартире с новой женщиной, с новыми планами на будущее. И тут опять же оказываешься повязан приватизацией и обязан тому человеку, который новую карьеру в Москве обеспечит. Лояльность какая-то образовывается в обоих случаях.

Ройзман же, вопреки обычаю, переехал в Москву не с семьей, но и не один, а со старшей дочкой, жену и младшую дочку оставив дома. И квартиру побольше не просил. И приватизировать не пытался. Несколько дней жил в Москве, на пару дней почти каждую неделю возвращался в Екатеринбург, вел прием населения, да еще ведь и свидетелем был на суде у Курчика, и делами Фонда занимался понемножку, хоть и передал президентские полномочия Дюше. Да и было чем заниматься. С одной стороны, продолжались милицейские наезды на Фонд, с которыми легче было справиться, имея депутатский статус. С другой стороны, пошло и обратное движение, Фонд стал ломить. В конце декабря 2000-го, сразу после избрания Ройзмана, челябинское ФСБ задержало милицейского подполковника Даврона Хусенова, про которого Ройзман давно говорил, что тот наркоторговец.

С двенадцатью килограммами героина задержали. А в феврале 2004-го задержали и главного в допарламентские времена врага Фонда следователя Надира Салимова. Он попался на взятке в 200 000 рублей, за которые обещал закрыть дело наркоторговца Болотова. Ройзман продолжал вариться в этих новостях, не оставлял этих дел. Откуда ж тут возьмется лояльность по отношению к новым московским начальникам? Как повязать человека, который не хочет квартиру в Москве, не хочет остаться в столице, а хочет принимать законы для екатеринбуржцев, выслушивать жалобы екатеринбуржцев и спустя четыре года вернуться домой? Никто ведь не поверит, что он поэт, историк, коллекционер икон и борец с наркотиками. Хоть на второй-то срок он переизбраться хочет?

На второй срок Ройзман переизбраться хотел. Он видел в депутатской работе пользу и ценил государственный статус, предоставлявший личную безопасность, возможность прикрывать Фонд и надежду вытащить Курчика из зоны строгого режима в поселке Харп.

Он хотел переизбраться депутатом на второй срок. И переизбрался бы, если бы все осталось по-прежнему. В 165-м одномандатном округе рейтинг его не падал. Наоборот, популярность росла благодаря почти еженедельному приему населения и ползущим по Екатеринбургскому слухам, что, дескать, этому помог и тому помог, старушке забор поправили, мальчишкам баскетбольную площадку построили — наш депутат, уральский. Он бы переизбрался с триумфом. Но законы изменились. Отменились одномандатные округа. Теперь переизбраться в Думу можно было только по списку какой-нибудь из парламентских партий.

Решение президента Путина отменить выборы по одномандатным округам и выборы губернаторов принято считать

нелогичным. Принято думать, что электоральная реформа эта осуществлена была после теракта в Беслане. Принято говорить, что народ просто перепугался тогда и стерпел попрание своих избирательных прав. «Какое отношение имеет отмена губернаторских выборов к теракту?!» — так принято восклицать, и это неверная мысль. Потому что выборы губернаторов и выборы по одномандатным округам отменены были вовсе не из-за теракта в Беслане. А из-за митинга в Екатеринбурге.

Года еще не прошло с тех пор, как Ройзман стал депутатом. 1 сентября 2004 года террористы захватили школу в Беслане. 3 сентября погибли там в Осетии сотни детей. Страна была шокирована. А 15 сентября в Екатеринбурге в сквере между оперным театром и гостиницей «Большой Урал» состоялся бандитский митинг. О, как же это было похоже на памятный митинг 22 сентября 1999 года в цыганском поселке. Сходные события имеют обыкновение смешиваться у людей в головах. Как смешались в людской памяти митинг против освобождения таджиков-наильников с митингом трезвенников в поддержку Ройзмана, так смешались в одно и эти два митинга — в цыганском поселке и у гостиницы «Большой Урал». Точно так же съехались суровые парни в черном, но только не в цыганский поселок, а на одну из центральных площадей города. Точно так же стояли мрачно. Точно так же присутствовал лидер ОПГ Уралмаш Александр Хабаров. Ройзмана не было, конечно, но некоторые сотрудники фонда «Город без наркотиков» по старой памяти были. И говорили в частности о том, что недопустима наркоторговля.

Криминальная жизнь идет ведь своим чередом. Пока страна переживала бесланский теракт, какой-то там у воров

состоялся большой совет в Москве. На совете этом раскороновали Трофу (Андрея Трофимова, лидера екатеринбургских «Синих», того самого, помните, что распорядился не поддерживать наркоторговцев на зонах). И вроде бы московские воры постановили, что вместо Трофы смотреть за Екатеринбургом будут теперь какие-то Авто, Тимур и Изо... Криминальные хроникеры в газетах даже и не писали об этом: все работали в Беслане, все пытались выяснить, как проехали через восемь блокпостов грузовики с оружием и кто такой террорист Магас. Никому дела не было до того, что раскороновали Трофу.

Но Александру Хабарову было до этого дело. Речь Хабарова изобиловала криминальными терминами. «Всем передайте, что Дима Грузин положенцем на тюрьме не будет», — гремел голос Хабарова в сквере у оперного театра. Простому прохожему даже и понять было нельзя, о чем Хабаров говорит. Но для самого Хабарова раскоронование Трофы и стремление Димы Грузина стать положенцем на тюрьме, кажется, было настоящей катастрофой и предвещало большую криминальную войну, настолько опасную, что Хабаров не надеялся остановить вторжение на Урал чуждых криминальных группировок собственными силами и силами своих бойцов. И выкладывал последние козыри. В связи с этим криминальным переделом рынка апеллировал к вертикали власти, сам будучи депутатом городской думы. И обращался к гражданам, к своей пятилетней давности славе борца с наркотиками — говорил, что вместе с вновь коронованными ворами в Екатеринбург придут новые волны героина.

Это выглядело как черт знает что такое! Бандитские группировки в центре Екатеринбурга, на площади, открыто собирают огромную сходку и во всеуслышание, в микрофон

обсуждают планы начинающейся криминальной войны. А губернатор куда смотрит? А власть вообще в городе есть? А милиция? Эти вопросы через несколько буквально дней задавал на пленарном заседании Государственной думы депутат Митрофанов, давнишний и испытанный ретранслятор того, что думают в Кремле. Похоже, этим демонстративным бандитским сходом в Екатеринбурге центральные власти были напуганы даже больше, чем бесланским терактом. Беслан — на Кавказе, никакой новости не было в том, что на Кавказе центральная власть бессильна. Но взбунтовавшийся Екатеринбург, центр России, русский регион? Наверняка вопрос обсуждался и на заседаниях комитета по безопасности, в который входил Ройзман. Но, слава богу, не посчитали тогда Ройзмана причастным к открытому де-маршу екатеринбургских воров.

Меры были приняты незамедлительно. В октябре (месяца не прошло) попросился в партию «Единая Россия», то есть продемонстрировал свою лояльность, до того независимый екатеринбургский губернатор Эдуард Россель. В декабре был арестован Александр Хабаров. А в январе 2005-го — задушен в камере лампасами от тренировочных штанов. Погиб той самой смертью, которую предрекал и Ройзману в день разгрома женского реабилитационного центра сочувствующий офицер конвоя. Траурная фотография Хабарова долго еще стояла в кафе «Шоко» на барной стойке. А еще отменены были губернаторские выборы и выборы по одномандатным округам.

Ройзману до поры до времени про связи его с Хабаровым никто не напоминал, но перед Ройзманом встала серьезная проблема — в какую партию вступить, чтобы стать депутатом еще раз?

Долго приглашения ждать не пришлось. В то время из нескольких партий, в разное время созданных Кремлем, чтобы имитировать политическую борьбу, складывалась, как неуклюжий пазл, большая оппозиционная партия «Справедливая Россия». Аналитики говорили, что партия эта должна была всего лишь имитировать оппозиционность. Но один за другим в «Справедливую Россию» входили и вполне приличные люди — независимые депутаты, депутаты из «Яблока»... Вроде как становилось не стыдно быть членом партии «Справедливая Россия». Вот и Ройзман получил предложение.

Про эти переговоры Ройзман рассказывает путано. Где они происходили? В ресторане? На прогулке, что было по тем временам модно? В кабинете лидера новой партии Сергея Миронова? Вероятней всего, переговоров было несколько, но в памяти Ройзмана они слились в один длинный разговор, как в памяти газетных хроникеров в одну слились демонстрации в цыганском поселке и у гостиницы «Большой Урал».

Сергей Миронов был человеком лет пятидесяти, крепким, но расплывшимся в талии, седым и с седою щетиной вместо бороды. На первый взгляд, на второй и на третий он производил впечатление мужчины, хоть и старающегося выглядеть грозно, но робкого и нерешительного. Однако же этому впечатлению противоречил тот факт, что в молодости Миронов служил в десантных войсках, каковым обстоятельством не переставал бравировать, и Ройзман уважал это — парашютные прыжки, марш-броски с полной выкладкой, рукопашный бой...

Кабинет у Миронова был большой, обитый деревянными панелями на советский еще манер. На стене висел портрет

президента Путина, а в углу стоял российский государственный флаг на тяжелом деревянном древке.

Деятельность Ройзмана Миронов не называл ни борьбой с наркотиками, ни реабилитацией наркозависимых, ни антинаркотической политикой, а называл «темой». «Это хорошая тема». «С нами вы сможете продвигать вашу тему сначала на весь Урал, а потом и на всю Россию». «Вы сможете оформить вашу тему законодательно». Черт! Про что он? Почему «тема»? Или мы тут школьное сочинение пишем?

Тем не менее «тема» борьбы с наркотиками действительно была для Миронова очень выигрышной. Это ведь оппозиционная деятельность, поскольку идет вразрез с привычками местной милиции, и ведь оппозиционную Миронов создает партию. Но, с другой стороны, дело государственное, нисколько не бросает тени на президента и предполагает сотрудничество со всеми силовыми структурами. Вот ведь и сам Миронов такой — оппозиционер, но государственный, и даже в президенты выдвинется на ближайших выборах в качестве кандидата, альтернативного Путину. Но не для того, чтобы занять вместо Путина президентский пост, а для того, чтобы использовать отведенные кандидату электоральный фонд и эфирное время — Владимиру Путину в поддержку.

У Ройзмана от этой византийской логики слегка покружилась голова. Но, с другой стороны, разве не то предлагал Миронов, чего Ройзман хотел? Возглавить отделение партии в Екатеринбурге, создать структуры партии по всему Уралу, писать антинаркотические законы и от имени партии вносить в парламент.

— Мы вас поддержим, — резюмировал Миронов и протянул руку. — Даю слово десантника.

Ройзман пожал эту руку, крепкую, но для десантника пухловатую. Для Ройзмана имел значение этот пусть устный, но договор, скрепленный словом десантника и рукопожатием.

Прошло немного времени, как то же предложение, что от «Справедливой России», Ройзман получил и от «России Единой».

Строго говоря, предложение от «Единой России» было лучше. Во-первых, потому, что «Единая Россия» — правящая партия, и если фигурируешь в начале ее предвыборных списков, то наверняка станешь депутатом опять. Во-вторых, политический вес «Единой России» в то время был таков, что и Фонд наверняка оставили бы в покое, и Курчика выпустили бы по какому-нибудь УДО, и ментов обязали бы по первому зову проводить совместные с Фондом операции, и минздрав екатеринбургский заставили бы признать научно обоснованными реабилитационные методы Изоплита.

Входить в списки «Единой России» было, как ни крути, выгодно. Но что же делать с рукопожатием? Нельзя же презреть честное слово уралмашевского парня, данное в ответ на честное слово десантника. На переговоры с «Единой Россией» Ройзман шел с единственной целью — вежливо отказаться.

С кем именно он вел переговоры и сколько было раундов, Ройзман толком не рассказывает. С Володиным, тогдашним начальником партийного аппарата? С Грызловым, тогдашним лидером партии?

Ройзман рассказывает только, что кто-то из переговорщиков сказал ему про Миронова:

— Он же кинет тебя!

А Ройзман будто бы отвечал:

— Даже если он меня кинет, это же не повод мне его кинуть первым.

И Ройзман не понимал тогда, что слова «Он же кинет тебя!» — это не аргумент в переговорах — это угроза.

С партией «Справедливая Россия» с самого начала отношения стали складываться наперекосяк, но в полном соответствии с демократическими процедурами. Ройзмону казалось естественным, что именно он возглавит отделение партии на Урале. Кто же, как не он? Да и с Мироновым про это говорили. Но на самом деле — нет.

На самом деле сразу же после того, как в октябре 2006-го партия «Справедливая Россия» создавалась официально, начались интриги, в которых Ройзман оказался не так силен, как в деле мобилизации народных масс.

Да, его любили в Екатеринбурге, но лидера уральских справороссов должен был выбрать не народ, а партийцы. И выяснилось вдруг, что партийцы хотят видеть своим лидером не Евгения Ройзмана вовсе, а скорее Евгения Зяблицева, партийного функционера.

Ройзман вел прием населения, поправлял старушкам заборы, громил наркопритоны, сажал наркобарыг, выводил на чистую воду продажных милиционеров, создавал музеи, наконец... Но Зяблицев проводил совещания, кооптировал кого-то куда-то, собирал кворум, когда надо, не собирал кворум, когда не надо, — и выигрывал в аппаратной борьбе.

Ройзман рвался поговорить с Зяблицевым как мужчина с мужчиной, публично, глаза в глаза. Но Зяблицев избегал прямого разговора так долго, как только было возможно. Ройзман нервничал, злился и на долгожданный прямой разговор с Зяблицевым в эфире одной из местных радиостанций пришел уже взвинченным. И не задумывался заранее над тем, какую Зяблицев изберет тактику.

А Зяблицев избрал тактику прямого вранья в глаза. Зяблицев перевернул факты, рассказывал небывалое, заслуги Ройзмана выставлял провалами. И Ройзман даже не знал, что возразить, потому что труднее всего доказывать очевидное (эти слова станут у Ройзмана поговоркой), нельзя возразить, когда тебе глядя в глаза говорят, что солнце встает на западе, и Земля вертится вокруг Луны.

Наконец, Зяблицев безапелляционно заявил, что Ройзман, дескать, не может возглавлять уральскую «Справедливую Россию», потому что партия против монетизации льгот, а Ройзман голосовал за монетизацию.

— Как это я голосовал за монетизацию? — Ройзман опешил. — Я же голосовал против. Можно же проверить по протоколам.

То, что Ройзман голосовал против монетизации льгот, действительно можно было проверить по парламентским протоколам. Но не было у них в студии под рукой парламентских протоколов. Проверить можно было назавтра. И тогда уже после драки сколько угодно махать кулаками, обвиняя противника в клевете.

И ничто не мешало Зяблицеву врать дальше.

— Вот, — сказал Зяблицев, — Ройзман голосовал за монетизацию льгот, а говорит, будто голосовал против. И это доказывает только то, что Ройзман всегда лжет. Ройзман. Всегда. Лжет, — повторил Зяблицев отдельно.

И тут Ройзман ему двинул. Прямо через стол. Левым крюком. С доворотом корпуса. Ройзман называет это пощечиной, но пощечина была такова, что бедный Зяблицев опрокинулся на сторону вместе с креслом.

Публике хук понравился. Но следственные действия по поводу рукоприкладства пошли своим чередом. Нет-нет,

«Справедливая Россия» не отвергла Ройзмана сразу. Пока суд да дело, Ройзман вступил в партию и стал членом центрального совета. Но вскоре на конференции в Екатеринбурге лидер «Единой России» Борис Грызлов обвинил «Справедливую Россию», что та, дескать, протаскивает во власть бандитов, вот, например, Ройзмана, который связан с урал-машевской преступной группировкой и бьет коллег-депутатов в прямом эфире по лицу. Само по себе знакомство Ройзмана с Хабаровым не доказывало причастности Ройзмана к криминалу. Мало ли депутатов знакомы с криминальными авторитетами — да все! И пощечина в прямом эфире тоже не доказывала криминальных наклонностей. Депутаты в эфире тогда часто дрались. Но мы живем в информационном обществе. Газетчики приучили нас к тому, что новость из одного недостоверного источника — не новость, но новость из двух недостоверных источников — общепризнанный факт. Вот так и с Ройзманом: два ничего не доказывающих обстоятельства вместе сложились в неопровержимое — бандит.

Однако ж и тут слово десантника продолжало оставаться в силе. Еще через месяц Миронов рекомендовал-таки избрать Ройзмана уральским региональным лидером своей партии. И четвертая внеочередная конференция «Справедливой России» в Екатеринбурге — выбрала.

Но тут Генеральная прокуратура обратилась в Государственную думу с просьбой лишить депутатской неприкосновенности депутата Ройзмана. Это был май. Близилось лето. Парламентские каникулы. А сразу после каникул опубликованы были предвыборные списки партии «Справедливая Россия».

И Ройзмана в них не было.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Любовный треугольник

Эсэмэски приходили каждый день. Кто-то неизвестный каждый день желал Аксане Пановой доброго утра, спокойной ночи. Просто писал что-нибудь нежное или что-нибудь смешное. Поначалу Аксана не отвечала. Мало ли кто может слать эсэмэски стройной блондинке. Да все время кто-нибудь шлет. С личной жизнью у Аксаны все было в порядке. Мужчина, с которым она жила, был веселым, успешным и великодушным — от добра добра не ищут. И Аксана не отвечала кому ни попадя на эсэмэски, отправленные с неизвестного номера. Обычно эти телефонные поклонники не выдерживали больше трех-пяти романтических эсэмэсок, начинали просить встречи, требовать внимания, жаловаться на что-нибудь, и тут уж можно было с полным правом послать их, совершенно не считая себя бесчувственной сукой, что Аксана и делала.

Но только не с этим неизвестным. Он ничего не требовал, ни на что не жаловался, не искал встреч. Просто желал доброго утра, спокойной ночи или смешил. Постепенно Аксана к его эсэмэскам привыкла. Стала даже отвечать иногда. Желала доброго утра в ответ на пожелание доброго утра.

Она думала, что это мог быть кто-нибудь из коллег. У нее было полно знакомых. Еще в те времена, когда Аксана работала корреспондентом программы «Взгляд» в Екатеринбурге, у нее была чуть ли не самая богатая в городе записная книжка. Она знала все телефоны, включая секретные мобильные телефоны высшего начальства и домашние телефоны любовниц высшего начальства, даже если это были секретные любовницы. А уж теперь, когда Аксана стала владелицей и главным редактором самого влиятельного на Урале интернет-портала URA.RU, она и подавно знала телефоны всех на свете, а все на свете знали ее телефон.

Кто угодно мог слать ей эсмэски с добрым утром. Только если бы неизвестный был коллегой-журналистом, он хотел бы выведать что-нибудь или что-нибудь предложить. А он не предлагал ничего и не выводывал. Если бы неизвестный был государственным чиновником или милицейским начальником... (такое бывает: начальники имеют обыкновение держать журналисток за проституток), он бы предложил свидание. Но неизвестный не предлагал свидания. Просто желал спокойной ночи.

Каждый день. Но однажды наступил день, когда эсмэска от неизвестного не пришла. Никакой спокойной ночи. Аксана сначала не придавала этому значения. Но на следующее утро не было и эсмэски с добрым утром. Аксана пошла на работу, провела летучку, пожурила сотрудников, похвалила сотрудников, съездила на трудные переговоры, отредактировала сенсационный материал, базировавшийся на слухах, про которые из самого достоверного источника Аксане было известно, что слухи — правда. Но то и дело поглядывала в телефон. И в течение дня кто угодно звонил ей и кто угодно слал эсмэски, только не неизвестный.

К концу дня Аксана призналась себе, что она ждет этих эсэмэсок и что они нужны ей. Но эсэмэсок от неизвестного все равно не было.

Аксана подождала еще день и еще два дня. Да что же он молчит-то? Может, случилось что? Аксана поймала себя на том, что проглядывает ленту новостей и в криминальной хронике, в сводках о погибших и пропавших без вести пытается вычислить своего неизвестного. Черт! Детский сад какой-то!

Наконец Аксана сдалась и отправила неизвестному эсэмэску: «Ты тут?» она долго обдумывала эту эсэмэску, хотела написать как можно более нейтрально — «Ты тут?» А получилось взволнованно — «Ты тут?»

Неизвестный ничего не ответил. При этом Аксана же видела, что он получил эсэмэску и прочел эсэмэску. Так почему же ничего не ответил?

Наконец, Аксана сдалась совсем, набрала номер неизвестного, и голос неизвестного ответил: «Алло». Это был знакомый голос. Аксана сразу узнала его, потому что слышала его много раз и живьем, и по телевизору. А в последний раз несколькими месяцами ранее слышала с закрытыми глазами.

Это был 2010 год, Аксана летела из Мюнхена через Москву домой в Екатеринбург после операции на сердце. У нее большое сердце. С детства. Операция прошла успешно, Аксану выписали с наилучшими прогнозами на выздоровление или, по крайней мере, радикальное улучшение состояния, но все равно Аксана паршиво себя чувствовала. Кое-как добралась до своего ряда в самолете, кое-как закинула ручную кладь на полку, плюхнулась в кресло у прохода, попросила стюардессу не будить ее ради самолетной еды, натянула черную повязку на глаза и мгновенно заснула.

Не проспала и пяти минут, как кто-то похлопал ее по плечу, и голос сказал бесцеремонно: «Девушка, это мое место». Тот самый голос, который теперь ответил «Алло» по телефону неизвестного. А тогда Аксана приподняла свою черную повязку с глаз и скривила недовольную гримасу. Ройзман! Черт, Ройзман!

Аксана не любила Ройзмана. В 99 году, когда только создавался фонд «Город без наркотиков» и парни, создававшие его, были народные герои, Аксана из них троих симпатизировала Варову. Варов был любезный. Варов был вежливый. А Ройзман, на Аксанин вкус, кривлялся, корчил из себя какого-то, черт бы его побрал, Айвенго, играл мускулами, целовал саблю, даренную какими-то офицерами, прижимал руки к сердцу, восклицал «Люди добрые, послушайте!»... Короче, Аксана не любила Ройзмана.

И когда Варов ушел из фонда «Город без наркотиков», Аксана перестала интересоваться Фондом. А когда Ройзман избирался в депутаты, Аксане было наплевать. И когда Ройзман из депутатов вылетел, Аксане было наплевать тем более. И про то, чем Ройзман занимался, вернувшись в Екатеринбург, Аксана понятия не имела, кроме тех случаев, когда новости про Ройзмана попадали на странички ее информационного портала.

Ей было неприятно встретить Ройзмана в самолете. Еще неприятнее было двигаться и уступать Ройзману место, оказавшееся действительно его местом. Совсем уж отвратительно было то, что всю дорогу до Екатеринбурга Ройзман не давал Аксане спать, говорил что-то, прижимал руки к сердцу, втолковывал какие-то банальности. Аксана едва выдержала два часа полета, спустилась по трапу, даже не попрощалась или попрощалась через губу. Прошло несколько месяцев и...

Как же так вышло, что вот теперь она сама ему звонит, а он тихонько посмеивается и назначает свидание, а она соглашается, овца, и даже радуется:

— Да, кафе «Шоко»? Конечно, кафе «Шоко»!

Заниматься журналистикой в провинции — не то, что в Москве. И уж тем более совсем не то, что на Западе. Здесь на Урале люди не начинают утро с ежедневной газеты в кафе. Здесь используют газету, чтобы разделать на ней сеledку или чтобы сделать из газеты кулек для семечек. Если и читают, то в процессе изготовления кулька.

Здесь нет международных сетевых агентств, которые собирали бы для средств массовой информации международную сетевую рекламу. Хорошей рекламой здесь считается объявление про маленькую компанию, торгующую пластиковыми окнами, или про магазин дешевой одежды, или даже про потомственную колдунью Лилиану, успешно снимающую приворот и сглаз. Никакого вам Армани, никакой кока-колы и никакого «Мерседеса» — профессиональную редакцию содержать не на что. И даже если вы экономите на бумаге и типографии, даже если делаете интернет-портал, даже если успешный, — у вас все равно катастрофически мало рекламы, и публике, читающей в Интернете ваши новости, никогда не приходит в голову за новости платить. Аксана очень хорошо знала это. Мало кто в стране лучше нее разбирался в экономике региональных СМИ.

Здесь, в провинции, в отсутствие рекламного рынка и платежеспособных потребителей газеты, интернет-порталы и даже телевизионные каналы зарабатывают на «договорах информационной поддержки», которые по сути не что иное, как государственные субсидии. Или, можно даже сказать, легализованная взятка журналистам от государства.

Вот есть, к примеру, губернатор. И всем в губернии интересно, какой губернатор вор, какие дураки и мерзавцы его помощники, как расцвел бизнес жены губернатора на губернских бюджетных заказах, ну и заодно — кто у губернатора любовница. Это все интересно читателям, но только бесплатно. Даже за такие новости читатель в русской провинции не готов платить.

А губернатор готов платить. Из бюджета и довольно много. Но только за новости о том, как он, губернатор, торжественно разрезал ленточку на открытии нового завода, как он, губернатор, заложил новый городской парк, как помог областной больнице, как добился проведения в регионе каких-нибудь мирового значения спортивных соревнований, как приехал с подарками к детишкам в сиротский приют...

Дальше начинается торговля. Люди губернатора понимают, что новости не могут состоять исключительно из праздничных реляций про разрезание ленточек — такую газету никто не станет читать. Нужны ведь и скандалы. Это люди губернатора понимают. Но пусть скандалы будут не про губернатора, а про мэра, с которым у губернатора плохие отношения. А про губернатора пусть скандалы если и будут (надо ведь газете казаться независимой), то не очень скандальные и редко. За это губернатор готов платить. Степень скандальности и частота скандалов, степень праздничности и частота праздничных реляций, степень ненависти к мэру, которого ненавидит губернатор, — все это предмет переговоров. И Аксана умела вести такие переговоры.

Благодаря сложности этих переговоров и благодаря тому, что Аксана вела их каждый день со всеми одновременно, ей даже удавалось отстаивать для своего интернет-портала

относительную независимость. Губернаторские люди становятся сговорчивее, если знают, что ты одновременно ведешь переговоры и с людьми мэра. Люди мэра позволяют твоим журналистам больше, если знают, что тебя защищает губернатор. Заручившись поддержкой Управления внутренних дел, можно затеять расследование деятельности Управления Федеральной службы безопасности. И наоборот, если менты станут слишком многого требовать за свою поддержку, можно ведь помириться с фээсбэшниками. Это рискованная игра. Но Аксана умела в нее играть.

В конце концов, неформальные условия договоров информационной поддержки, которые она заключала с сильными мира, почти что совпадали с условиями, прописанными формально. Формально ведь губернатор давал деньги не на то, чтобы его хвалили. Формально ведь просто поддерживал независимое региональное СМИ. Почти так и было, если не считать интриг. Аксана понимала, что разные эшелоны власти — губернатор, мэр, ФСБ, МВД — враждуют друг с другом, и умела лавировать, используя эту их вражду.

И все у нее получалось, пока она не сделала две ошибки — переоценила главу фонда «Город без наркотиков» Евгения Ройзмана и недооценила полномочного представителя президента в Уральском федеральном округе Евгения Куйвашева. Или наоборот — недооценила первого и переоценила второго.

Трудно сказать, называется ли это любовью. Во всяком случае, не в патриархальном смысле слова «любовь». Многие женщины влюбляются напропалую, принимают мужчину таким, какой он есть, со всеми его подвигами и подлостями, женами и детьми, мечтами и страхами, привычками и склонностями. Юля когда-то так влюбилась в Ройзмана, если верить ее воспоминаниям юности.

Аксана влюбилась по-другому. Как ювелир влюбляется в необработанный алмаз. Не сам алмаз нравится, а то, каким он в руках этого ювелира может стать бриллиантом. Не Ройзман — какой он есть, а Ройзман, каким он может стать, будь рядом Аксана, — вот что ей нравилось, если я правильно понял ее рассказы. И рассказы Дюши, который, кажется, ревновал друга к этой женщине, не проявлявшей приличной покорности и приличной слабости.

Аксана никогда не скрывала, что у них с Ройзманом роман. Нарочно не афишировала, если не считать вывешенных в онлайн-дневнике совместных фотографий, но и не скрывала уж точно.

Нуждалась ли она в нем? Да, нуждалась. Вся ее жизнь и весь ее бизнес был устроен так, что она нуждалась в покровителях. В ментах против фээсбэшников и наоборот. В губернаторах против мэров и наоборот. И Ройзман производил впечатление человека, способного на покровительство. Он обсуждал с нею рискованные информационные войны. Он участвовал с нею в трудных переговорах.

В 2011 году, когда союз самого влиятельного на Урале информационного портала и самого влиятельного на Урале общественного деятеля стал представлять федерального масштаба опасность, к Аксане приехал человек из администрации президента и предложил сделку. Предложил продать URA.RU, получить хорошие деньги, сохранить редакцию, оставаться главным редактором, а взамен... ну, она же понимала, что не сможет больше вполне определять редакционную политику своего портала с тех пор, как продаст его.

Это было предложение, от которого нельзя отказаться. Прежде чем предложить эту сделку, власти (федеральные? Или тогдашний губернатор Мишарин?) провели

артподготовку, устроили на URA.RU несколько хакерских атак, забрали в армию несколько ведущих корреспондентов призывного возраста, несколько раз отключали свет в офисе и наслали несколько налоговых, пожарных и санитарных проверок. Победить их было нельзя. Можно было погубить издание или сдать на почетных условиях. А условия почетной капитуляции обсуждались на переговорах. И Ройзман принимал участие в этих переговорах. Встречался вместе с Аксаной с какими-то подставными бизнесменами. Ездил вместе с Аксаной в Вену на подписание контракта...

Ройзман был нужен Аксане. Но и Аксана была нужна Ройзмону. В начале 2000-х, когда история фонда «Город без наркотиков» только начиналась, Ройзмана поддерживали почти все екатеринбургские журналисты. К концу 2000-х сторонников поубавилось. Даже Телевизионное агентство Урала, которое поначалу делало о ройзмановской борьбе с наркотиками еженедельный восторженный репортаж, теперь занимало в лучшем случае нейтральную позицию.

Операции против наркоторговцев, работа реабилитационных центров, реставрация церкви в Быньгах, общественная приемная, в которую по старой памяти шли и шли люди жаловаться Ройзмону, — все это имело смысл без освещения в прессе, но не имело перспектив. И Аксана с ее самым популярным на Урале информационным интернет-порталом давала Ройзмону перспективы.

Более того, Телеграфное агентство Урала вещает на Урал. Екатеринбургские газеты и радиостанции не достают дальше Тагила. Пока только они говорили и писали о Ройзмоне, он был героем местного значения, сверхпопулярным на малой родине, но неизвестным в Москве. Даже четыре года депутатства не сделали Ройзмана политиком федерального

масштаба. И Аксана давала ему это — федеральный масштаб, федеральных друзей и недругов, скандалы и славу — на всю страну. Интернет ведь читают везде.

Мы еще увидим, как частная несправедливость, про которую пришли к Ройзману жаловаться простые мужики из маленького поселка Сагра, прогремит благодаря Аксанному порталу подобно взрыву. Мы еще увидим, как слетятся к Ройзману разруливать конфликт высшие федеральные чиновники. А пока...

Однажды Аксане позвонил тот самый человек, посредством которого заключалась сделка, оставившая Аксану весьма обеспеченной, но уже не владелицей созданного ею агентства. Этот человек позвонил и сказал, что Аксану приглашает в гости полномочный представитель президента в Уральском округе Евгений Куйвашев. Просто познакомиться. Дело было поздно вечером.

Аксана понимала, что федеральные интриганы никогда никого не зовут просто познакомиться, и что человек, который звонил ей, был федеральным интриганом. Возможно, он хотел с помощью Аксаны усилить в Екатеринбурге президентского полпреда. Теоретически полпред является начальником губернатору, но практически — нет. Все местные деньги, все договоренности местных элит завязаны на губернатора, а у президентского полпреда есть только протекция президента, до которого пойдешь еще достучись. Возможно, звонивший хотел полпреда усилить. А может быть, полпред, назначенный в Екатеринбург из Тюмени и не успевший освоиться, просто скучал один долгими вечерами, мечтал познакомиться с интересной женщиной и не позволял себе неинтересных женщин из эскорт-агентства. Возможно и то, и другое, и третье: полпред скучал вечерами, хотел

познакомиться с интересной женщиной, которая при этом была самой влиятельной журналисткой в регионе, каковое знакомство усилило бы его, а усиление понравилось бы московскому начальству.

Так или иначе, Аксана побоялась одна идти знакомиться с полпредом поздним вечером, сказала, что если и придет, то с Ройзманом, и полпред Куйвашев через посредника ответил: «Пусть приходит с Ройзманом». (Так рассказывает Аксана. А Куйвашев теперь говорит, будто ничего этого не было и все, что рассказывает Аксана про их отношения, — вранье с первого до последнего слова.) Аксана рассказывает так.

Полпред Евгений Куйвашев жил в маленькой служебной квартире и был тезке своему Евгению Ройзману полной противоположностью. Ройзман стройный, атлетичный, уверенный в своей силе, несмотря на почти пятьдесят лет. Куйвашев растерянный, крепкий от природы, но с животиком поверх ремня, с расплывающимися боками. Ройзман местный, устроенный, чуть ли не со всеми в городе знакомый лично. Куйвашев чужой, не знающий никого, ни в какие дома не входящий, кроме официального своего дома приемов. У Ройзмана прекрасная квартира с богатой библиотекой в самом центре города, собственный музей иконы, собственный музей современной живописи, Фонд, и никто на свете без санкции прокурора не смеет совать нос в его дела. У Куйвашева — казенная жилплощадь, на кухне нет даже острого ножа, чтобы порезать колбасу, когда пришли гости, а прикрепленные к полпреду сотрудники ФСО не стесняются через два дня на третий перерывать личные вещи охраняемого объекта просто потому, что им кажется, будто так сподручнее охранять.

В самый вечер знакомства Аксана испытала к полпреду сочувствие, принялась резать у него на кухне салат, готовить

бутерброды и заваривать чай. И Ройзман тоже испытал сочувствие, и оно помешало Ройзмону посчитать Куйвашева соперником, а побудило дружить, опекать и помогать освоиться в незнакомом городе.

Первое время, если верить Аксане, они и правда дружили. Дожидались, пока вечером охрана привезет полпреда домой и оставит в покое. Приезжали в гости, занимали разговорами. Про город, про политическое его устройство, про уральскую горнозаводскую цивилизацию, про выборы, про то, что никогда в этом городе не будет доверия губернатору, если его не выберут люди.

Или везли куда-нибудь. В музей невянской иконы, например. Ройзман вел для Куйвашева экскурсию по пустым залам. «Вот смотри, Илья-пророк на огненной колеснице, в пламени. Гари имелись в виду, поджечь себя и умереть в огне — это считалась хорошая смерть. А вот еще, смотри, Николай-угодник, популярный у старообрядцев святой, считалось, что это святой, который говорил сильным мира правду в глаза», — так рассказывал Ройзман, полагая себя не святым угодником, разумеется, но тоже человеком, говорящим сильным мира правду в глаза.

Или они ехали по пустой темной дороге в Быньги, прыгали на скорости сто шестьдесят километров там, где дорога ныряет с холма. И у полпреда Куйвашева захватывало дух, потому что ради того все там и прыгают, чтобы захватывало дух. А еще потому, что полпред чувствовал себя немного мальчишкой, который сбежал от взрослых и вот мчитесь куда-то по темной пустой дороге. И в Быньгах была тьма, и полпред видел над головой звезды, которые забыл как выглядят. И они осматривали быньговский храм, пили чай с отцом Виктором, пили чай с парнями в реабилитационном

центре, заезжали в женский реабилитационный центр, ели испеченные девчонками пироги. И у полпреда слегка захватывало дух от того, что вот он сбежал от охраны, пьет чай с ВИЧ-положительными наркоманами и ест пироги, испеченные ВИЧ-положительными наркоманками.

Или просто ходили в ресторан. Просто ужинали. И к Ройзмону все посетители любого ресторана подходили здороваться, а к Куйвашеву не подходил никто. Его просто не знали. Он сидел накупившись, даже поздним вечером в пиджаке и галстуке. И Аксана говорила ему: «Да сними ты этот свой чертов галстук!» А на Ройзмоне была красная майка и вольная кофта, но даже в красной майке Ройзман как-то серьезней выглядел, чем Куйвашев в костюме.

Так рассказывает Аксана. Она рассказывает, что некоторое время спустя заметила, как Куйвашев правдами или неправдами старается подстроить их встречи так, чтобы выходило без Ройзмана. Он или дожидался, когда Ройзман уедет, что было не трудно, потому что Ройзман то и дело куда-то ехал. Или повод, по которому Куйвашев звал Аксану встретиться, был совсем уж какой-то не для Ройзмана. Куйвашев звонил, например, просил Аксану сходить с ним в одежный магазин, помочь ему выбрать сорочки: «Ты же говорила, что мне нужно сменить имидж и не носить сорочки, в которых кладут в гроб». А она и вправду говорила. И активно над переменой его имиджа работала. И даже наняла ему педагога по сценической речи, знаменитую на весь Урал Азалию Всеволодовну. И да — сорочки. Действительно глупо было как-то Аксане звать Ройзмана выбирать Куйвашеву сорочки. Она говорила: «Я поеду помогу Жене выбрать сорочки». А Ройзман отвечал мрачно: «Женя тут я». Понемногу ревновал.

А Аксане пожалуй даже льстило, что первый мужик на Урале ревнует ее к первому на Урале чиновнику, а первый чиновник выбрал ее в имиджмейкеры. Ей нравилось давать полпреду советы. «Пойди в программу “Правда жизни”, в прямой эфир, не бойся... Выступи за прямые выборы мэра... Выступи за прямые выборы губернатора... Зачем тебе поддерживать президента, лучше стань президентом сам. Хочешь стать президентом? Я сделаю из тебя президента!»

Эти слова Аксана сказала Куйвашеву однажды, когда тот похвастался ей проникновенно, что именно ему поручено вести на Урале предвыборную кампанию Путина, избравшегося на третий свой президентский срок. Куйвашев сказал, что ради президентской кампании пригонит из Тагила танк — усвоил, что на Урале люди неравнодушны к танкам.

— Ты с ума сошел! — завопила Аксана. — Какой к черту танк! Он же не доедет из Тагила! Представляешь, какой позор будет, если твой танк сломается по дороге!

— Почему это не доедет?

— Потому что наши танки не ездят! Вспомни сколько танков во время грузинской войны просто не доехали до Цхинвала. Просто сломались по дороге.

— Ну, — полпреду все же нравилось пригнать в город танк. — Мы привезем танк на платформе.

— С ума сошел! Ты представляешь, какой будет позор, если ты привезешь танк на платформе. Весь город будет смеяться и говорить, что тагильские танки не умеют ездить своим ходом. А когда ты будешь спускать танк с платформы, он разобьет асфальт, и сто лет потом люди будут пенять тебе испорченным асфальтом. Приехал чужак из Тюмени и испортил нам тут асфальт! Представляешь?

От танка Куйвашев отказался, но от чести вести на Урале президентскую предвыборную кампанию отказаться и не подумал. Повел весьма уверенно. И одновременно затеял организовывать на весь Урал реабилитационные центры для наркозависимых: проект назывался «Урал без наркотиков», эмблема была похожа на эмблему ройзмановского «Города без наркотиков», но дело не пошло как-то. Одновременно Куйвашев предостерегал Аксану от информационной войны с полицейским управлением. Говорил, что это Ройзман придумал воевать с ментами и втянул Аксану. И еще говорил:

— Я задушу Ройзмана своими руками, если хоть волос упадет с твоей головы.

И даже стал в свободное от работы время носить красную майку. И однажды прислал лаконичную эсэмэску «люблю» (теперь отрицает, говорит, что эсэмэска эта была всего лишь ответом на вопрос, любит ли он креветки). И был вознагражден.

Однажды довольно поздно вечером Аксана сидела дома с сыном, собиралась отправить мальчика спать, а Куйвашев позвонил ей. Сказал, что звонит из аэропорта, что вот буквально минуту назад прилетел из Москвы, что надо срочно встретиться, потому что он, Куйвашев, должен рассказать Аксане важную новость. Ей первой.

От аэропорта ехать недолго. Особенно поздно вечером. Пока Аксана одевалась, чтобы выйти и поговорить с Куйвашевым на улице, позвонил Ройзман. Сказал, что возвращается из Быньгов, что в Быньгах заработала у них пекарня, что он сейчас заедет и привезет Аксане свежего, еще теплого, реабилитантами выпеченного хлеба.

И это значило, что вот они сейчас вместе заедут, встретятся. И поди объясни Ройзману, как получилось, что

у Аксаны ближе к ночи — Куйвашев. А Куйвашеву поди объясни, что не нарочно же она вызвала Ройзмана услышать новость, про которую полпред просил конфиденциальный разговор. Несколько минут Аксана судорожно думала, как бы эту коллизию развести, как бы сделать, чтобы мужчины не встретились... А потом махнула рукой и решила, что она взрослая женщина, что встречается когда хочет и с кем хочет и никому ничего не должна объяснять.

И вышла на улицу.

Даже уже когда полпред вылезал из служебной своей машины, было видно, что он взволнован. Новость свою он нес Аксане как подарок. Она должна была обрадоваться. Он был так взволнован, что ему недостаточно было просто говорить, а требовалось действовать как-то. Обнять ее, схватить на руки, кружить... Но Аксана остановила его взглядом, и он не прикоснулся, просто быстро пошел в темноту, и она пошла рядом с ним.

— Я только что из аэропорта. Говорю тебе первой. Я буду губернатором!

Чего он ждал? Что Аксана завизжит от радости и запрыгает на одной ножке? Завизжит от радости и бросится ему на шею? Как он представлял себе это?

Аксана остановилась и молчала. К тому времени уже был принят, и вот-вот должен был вступить в силу закон, возвращавший прямые губернаторские выборы. Срок действовавшего тогда губернатора Мишарина подходил к концу. Аксана думала, что вот будут губернаторские выборы, Ройзман будет в губернаторских выборах участвовать и, конечно, выиграет их. Но президент схитрил. В последние буквально дни, когда губернаторов можно было не выбирать на местах, а назначать из Москвы, назначил

нового губернатора — Куйвашева. И теперь Куйвашев будет полномочным губернатором еще пять лет. Выборы переносились на пять лет. И друг ее Женя Куйвашев, которому она помогала выбирать сорочки, согласился на это.

— Это подло, — сказала Аксана. — У нас должны были быть прямые выборы губернатора. Ройзман бы их выиграл.

— Я буду хорошим губернатором, — Куйвашев потупился.

— Скажи всем, что пойдешь на прямые выборы. И если ты их выиграешь, то вот тогда и станешь хорошим губернатором.

В конце темной и пустой улицы, на которой происходил этот разговор, показалась машина. Показалось, что «Тойота Ленд Крузер». Машина Ройзмана. Или как у Ройзмана. Не видно было, фары слепили. Аксане показалось, что стекло опустилось, что из салона полетели в придорожные кусты два длинных батона. Потом машина свернула в переулок и умчалась. Аксана не смогла ее разглядеть.

— Я буду хорошим губернатором, — сказал Куйвашев. — Ты мне поможешь?

Не ответив ничего определенного, Аксана вернулась домой. Ройзман в тот вечер так к ней и не приехал.

Через несколько дней вновь назначенный губернатор Куйвашев позвонил Аксане Пановой и попросил отредактировать с ним его инаугурационную речь.

Я не знаю, зачем она согласилась, но она согласилась. Пошла к Куйвашеву редактировать текст инаугурационной речи, а Куйвашев поставил в CD-плеер новый диск певца Александра Новикова «Расстанься с ней». Заглавная песня звучала на шансонно-блатной манер. Парою лет раньше лидер партии «Единая Россия», к которой принадлежал

Куйвашев, обвинял певца Новикова в связях с организованной преступностью. Как и Ройзмана. В песне пелось:

«Расстанься с ней!» — весь мир кричал, вопил.

Но я ее любил.

«Она грешна, ей места нет в раю».

Но я ее люблю.

Пока Аксана редактировала текст и пыталась настроить Куйвашева на редактирование текста, он ставил эту песню несколько раз подряд. Говорил, что очень нравится песня.

Еще через несколько дней Аксана помирилась с Ройзманом. Уезжала в Москву по делам, а когда вернулась, Ройзман встречал ее в аэропорту. И едва выехав со стоянки, поставил в магнитоле новый диск певца Александра Новикова «Расстанься с ней». И опять Аксане в уши гремело:

«Расстанься с ней!» — весь мир кричал, вопил.

Но я ее любил.

«Она грешна, ей места нет в раю».

Но я ее люблю.

А спустя еще сколько-то времени губернатор Куйвашев пригласил Аксану на инаугурацию, сказал, что после официальной части будет концерт, будет петь Александр Новиков, исполнит свою новую программу «Расстанься с ней».

И на ту же дату Ройзман пригласил Аксану поехать на денек в Красноярск, потому что там, в Красноярске, — концерт Саши Новикова, он будет петь свою новую программу «Расстанься с ней».

— Как это Саша Новиков в Красноярске? — переспросила Аксана. — Он же в тот же день поет у Куйвашева на инаугурации, нет?

И выяснилось, что сразу после красноярского концерта певец Новиков должен сесть в присланный губернатором Куйвашевым частный самолет, перелететь в Екатеринбург и, учитывая разницу во времени, успеть в Екатеринбург к инаугурации.

Аксане надо было выбрать, и она выбрала. Поехала с Ройзманом в Красноярск, на инаугурацию к Куйвашеву не явилась. В Красноярске тысячный раз слушала песню «Расстанься с ней»:

«Смирить ей пыл тебе не хватит сил».

Но я ее любил.

«А локоны совьют тебе петлю».

Но я ее люблю.

Подозреваю, от этих слов Аксану уже подташнивало. Или просто подташнивало. И вскоре Аксана намекнула в фейсбуке, что беременна. А потом и прямо объявила — от Ройзмана.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Сагринские хроники

Та война с екатеринбургским полицейским начальством, в развязывании которой Куйвашев винил Ройзмана и от которой тщился защитить Аксану, началась почти годом раньше. И Аксана имела к этой войне самое непосредственное отношение.

Сначала известно стало, что 1 июня 2011-го в поселке Сагра неподалеку от Екатеринбурга случилась между местными мужиками и приезжими кавказцами пьяная драка на бытовой почве, но со стрельбой. Один из местных мужиков вроде как даже одного азербайджанца застрелил. Так следовало понимать из милицейских сводок.

Потом вице-президент фонда «Город без наркотиков» Евгений Маленкин написал у себя в блоге, что, дескать, не пьяная это была драка, а целая банда вооруженных кавказцев, человек пятьдесят на пятнадцати машинах нарочно ехали в Сагру то ли жечь деревню, то ли громить, то ли еще как терроризировать местных жителей. А местные мужики, дескать, вдесятером и с тремя ружьями на всех встретили банду на околице, дали отпор и — ну, да! — застрелили одного из нападавших.

Еще через пару дней трое сагринцев сами приехали к Ройзману в здание Фонда на улице Белинского, лично

рассказать, что там у них в Сагре произошло. Такая традиция в Екатеринбурге заведена была еще с тех пор, как Ройзман был депутатом. Некуда идти? Не у кого просить помощи? Иди проси помощи у Ройзмана.

Эти трое (двое молодых, лет по тридцать, и один лет пятидесяти) вошли, помялись маленько у входа, а потом сели за стол против Ройзмана и принялись рассказывать. Выглядели смущенно, но прилично: аккуратные, крепкие, лица не пьяные, руки рабочие. Рассказчики они, конечно, были так себе, но рассказали вот что.

В конце мая у них в деревне случилась кража. Обокрали Серегу Зубарева. Серега мужик серьезный. В городе живет, бизнесом занимается. В Сагру с женой и детишками приезжает на выходные, как на дачу. А еще Серега Зубарев — спортсмен, каратист, то ли мастер спорта, то ли кандидат. Где сейчас Серега? В тюрьме. Посадили за незаконное ношение оружия.

Так вот, в конце мая Серегу Зубарева обокрали. Так, по мелочи. Дверь в дом взломали, инструменты дорогие стащили, еду, консервы. Телевизор и видеоплеер не тронули, то есть не настоящие воры, а шелупонь — воровали прожрать да прогулять.

Кто в Сагре ворует — вся Сагра знала. Рабочие, вернее бегунки, которые живут у Цыгана. Словом «бегунок» на Урале называется либо мелкий преступник, скрывающийся от закона, либо человек, выполняющий чьи-нибудь мелкие поручения. Рабочие Цыгана, похоже, были бегунками в обоих смыслах слова.

А Цыган жил на краю деревни. Он пришел в Сагру девять лет назад с женой и детьми, нищий. Поселился в пустующем доме. Ему помогали понемножку — одеждой, картошкой.

За девять лет Цыган справился, обжился, получил подряд на вырубку леса вдоль железнодорожного полотна, но мужики так подозревали, что приторговывал еще и наркотиками.

— Почему, думаете, наркотиками? — спросил Ройзман, у него лампочка зажглась в голове, сигнальный маячок: наркотики, цыган, наш случай.

— Машины к нему ездили непонятные. Люди на корточках у забора сидели. Со станции ходили, а на станции шприцы валяются, все видели.

Ройзман слушал, наклоня голову, как птица, прежде чем клюнуть жука. А мужики продолжали рассказ.

Сергея Зубарев, стало быть, позвал соседа дядю Вову, зашел к Сергею Городилову, который рядом с Цыганом живет, и втроем они направились к Цыгану, но дома не застали, а застали только жену его и работника, отругали их, дали работнику затрещину и велели передать Цыгану, чтобы убирался из деревни, раз от него воровство.

А к вечеру Цыган сам перезвонил Сергею: дескать, зачем выгоняешь, давай поговорим, встретимся, договоримся по хорошему. И забил стрелку назавтра на железнодорожном переезде.

«Стрелка» — это очень специфический способ договориться. Предполагается, что каждый из договаривающихся приводит с собой человек по десять мужиков и, может быть, вооруженных. Двое договариваются, а мужики с той и с другой стороны смотрят, следят за каждым жестом, слушают каждое слово, и каждую секунду нервы у них могут не выдержать, и начнется хорошо если драка, а то и бой. Поэтому договаривающиеся договариваются очень осторожно, не грубят, следят за словами, думают о последствиях.

На стрелку на следующий день сагринские мужики пришли, прихватив с собой еще и исетских мужиков, а Цыган — не пришел. Его ждали несколько часов. Подождали-подождали, да и разошлись: пятница была, у всех бани топились, а у Сереги Городилова был еще и день рождения.

— Пьяные были? — среагировал Ройзман на ключевые слова «пятница», «баня» и «день рождения».

— Нет, праздник на субботу намечался. Не пьяные. Со-
всем.

А к одиннадцати вечера позвонили кому-то знакомые из Исети. И передали, что едет в Сагру целая колонна машин. Ошибиться нельзя — в Сагру дорога одна. В колонне машин пятнадцать, в каждой машине кавказцы, человек шестьдесят всего и многие вооружены. И эта весть пошла распространяться по Сагре, как пожар. Серега Городилов (молодой, тот, что напротив Ройзмана слева) выскочил из дому и побежал к околице. Позвонил отцу. Отец его Виктор Городилов (немолодой, тот, что теперь напротив Ройзмана справа) схватил охотничье ружье, рассовал по карманам патроны, сел на мотоцикл и тоже поехал к околице. И Сереге Зубареву звонили, тот в бане парился с детьми. Выскочил, наскоро оделся, взял из-под застрехи обрез, сунул в рукав и — к околице. У Виктора Городилова ружье было зарегистрированное, у Сереги Зубарева обрез — незаконный, да.

Так, телефонными звонками и криками набралось десятеро мужиков. А стволов у них на всех было только три.

Колонну машин встретили за деревней. Машины остановились. Из передней вышел человек с обрезом. К обрезу был приделан самодельный глушитель из пластиковой бутылки. Закричал что-то. Серега Зубарев укрылся за стволом и выстрелил в их сторону. Виктор Городилов тоже выстрелил.

А у Сереги Городилова ствола не было, кинул в сторону нападавших шишку и крикнул «граната!»

Потом нападавшие рассыпались по лесу. Еще стреляли что-то, кричали. Потом прибежали бабы сагринские с граблями и с вилами. Кого-то из нападавших били.

Потом нападавшие отступили. У них было два раненых. Один сам дошел до машины на посеченных ногах. Другого азербайджанцы волокли. А может и не азербайджанцы они, а какие-то еще кавказцы, но, говорят, потом довели своего раненого до больницы, на пороге бросили и даже не поспали. А когда врачи, наконец, раненого у себя на пороге заметили в темноте, тот уж и умер от потери крови.

А еще потом менты возбудили уголовное дело. Только не против кавказских бандитов за попытку напасть на деревню. А против сагринских мужиков за то, что защищались. И вот теперь они, мужики, под следствием, а Серега Зубарев — в тюрьме.

Так примерно рассказали эту историю Ройзману сагринские мужики. Ройзман выслушал их и стал вести себя как обычно. Поехал к людям. В Сагру. Стоял на деревенском перекрестке, как когда-то стоял на перекрестке в цыганском поселке. Слушал, что люди рассказывают, как когда-то в цыганском поселке слушал, что рассказывает Дюша.

Его окружили бабы и долго на разные голоса повторяли все то, что Ройзман уже и так знал. И чем больше разъясняли, тем становилось запутаннее. Кто кому позвонил, кто был в бане, кто кого позвал — какое это имеет значение, кроме того, что людям важно, чтобы их выслушали?

В гуле разрозненных сведений о сагринском происшествии Ройзман выделил только одну существенную новость. Оказывается, сагринцы писали заявление в областную

прокуратуру, но заявление у них не приняли, сказали, что не в областную прокуратуру надо писать, а в районную. И Ройзман твердо людям пообещал, что лично возьмет у них заявление и лично передаст областному прокурору.

Он обещал это, потому что вот уже больше десяти лет именно это и делал — носил прокурорам заявления. А еще его фонд «Город без наркотиков» вот уже десять лет проводил расследования вместо милиционеров, чтобы прийти потом к милиционерам и сказать: «Мы за вас все расследовали, мы дадим вам понятых, пойдите просто и сделайте свою работу, потому что она уже фактически сделана нами». Так вести себя было привычно.

В случае Сагры тоже сотрудники Фонда взяли на себя функции следователей. Адвокат Настя Удеревская опросила всех, помогла оформить показания. Оперативники Фонда поехали в Сагру, прочесали лес, нашли стреляные гильзы, следы от пуль в стволах деревьев, телефонную сим-карту, которую кто-то из нападавших купил нарочно, чтобы пользоваться только в день нападения, а потом выбросил. Пробыли эту сим-карту по милицейским базам данных, вычислили человека, который эту карту покупал.

А еще нашли в кустах разрубленный мотоциклетный шлем. И выяснилось, что по дороге в Сагру нападавшие сбили мотоциклиста, расколотили ему шлем, а мотоциклист (спасибо, что живой) уехал домой и обращаться в полицию побоялся.

Постепенно это самодеятельное следствие под руководством Ройзмана накапливало материалы и, сложившись, должно было лечь областному прокурору на стол, даже уже и с написанным обвинительным заключением против кавказской банды — бери да в суд подавай.

Это дело против сагринского Цыгана и друзей его, кавказских бандитов, могло стать одним из множества подобных дел. Люди пожаловались Ройзмону, Ройзман с фондом «Город без наркотиков» разобрался, провели расследование, результаты доложили местным правоохранителям, заставили восстановить справедливость — частное дело было бы, локальное. Если бы не Аксана.

Потому что Аксана не мыслила категориями восстановления справедливости на местном уровне. Аксана мыслила в федеральном масштабе. И агентство URA.RU, в отличие от всех средств массовой информации, которые помогали Ройзмону прежде, было не местным, было федерального значения.

Первая же статья в URA.RU называлась «Война в Сагре. Русские взялись за вилы и обрезы». В этом заголовке было слово «вилы», отсылавшее к крестьянским восстаниям позапрошлых веков, было слово «обрезы», отсылавшее к гражданской войне прошлого века, и были, наконец, два современных слова федерального значения — «война» и «русские».

«Война» — в смысле не пятничная драка, пусть бы даже и со стрельбой. Не вооруженная разборка, ибо кого на Урале напугаешь вооруженными разборками? А «война» — страшное слово, которое в последний раз официально звучало в 1941 году, слово, которое привело сюда на Урал со всей страны военные заводы и приучило жителей знать, что как бы завод ни назывался — «Эльмаш», «Уралмаш» или «Уралвагон», — все равно там делают не машины и не вагоны, а оружие.

«Русские» — в том смысле, что события в Сагре становились в грозный ряд националистических бунтов, потрясавших Россию 2010-х годов. В один ряд с погромом

на Манежной площади в Москве. В один ряд с резней в карельской Кондопоге. Мрачная неуправляемая сила, разбиться с которой должна, без сомнения, федеральная власть. И если разбирается Ройзман, то выходит так, что он здесь был представителем федеральной власти, а тогдашний губернатор Мишарин только мешался ему.

Губернатор Мишарин приехал в Сагру в тот самый день, когда сагринские мужики ездили в Екатеринбург к Ройзману. Тоже лыко в строку. Скорее всего, это они случайно разминулись. Но получилось так, что к мужикам в Сагру едет губернатор, а мужики губернатора игнорируют, везут челобитную Ройзману, у которого даже и должности никакой нет, а есть только слава народного защитника.

Там, в Сагре губернатор Мишарин спрашивал начальника Главного управления МВД Михаила Бородин, жаловались ли сагринцы полицейским на Цыгана. А Бородин отвечал, что не жаловались, дескать. Ни на предполагаемое воровство, ни на предполагаемую торговлю наркотиками, ни на предполагаемые связи с преступным миром. И тут же URA.RU подхватывал: Бородин — не местный, прислан из Москвы, уральских реалий не знает, с людьми разговаривать не умеет, милицейскую работу «на земле» организовать не способен. И в этих оценках присланного из Москвы полицейского начальника выкристаллизовывалась еще одна проблема федерального уровня — региональный сепаратизм, всегдашнее недоверие, если не сказать ненависть, уральцев к москвичам.

Эти акценты, исподволь расставляемые URA.RU, а еще тот факт, что уральское это средство массовой информации читали и в Москве, за считанные дни превратили сагринскую историю в скандал общероссийский.

Разбираться от федеральной власти приехал глава следственного комитета Александр Бастрыкин. Спросил Михаила Бородин, как это так получилось, что милиция не приезжала на место событий два с половиной часа — ведь звонили сагринцы, звали же на помощь? И Бородин не нашел ничего лучше, как пробубнить, что пятница была, дескать, дачники ехали за город, милиция, дескать, застряла в пятничных пробках. Тут Бастрыкин вспылил: в одиннадцать вечера пробки? Милиция с мигалками не может объехать дачников? И пошел отчитывать екатеринбургских милиционеров за то, что, покрывая преступников и не приезжая стремглав на вызов, раздувают межнациональную вражду на всю страну.

А чуть позже приехал министр внутренних дел Рашид Нургалиев и чем свет ругал екатеринбургских ментов за непрофессионализм. Выяснилось к тому времени, что Цыган проживал по фальшивому паспорту.

А еще чуть позже заместитель генерального прокурора Золотов ставил уральским полицейским на вид, что нельзя работать эффективно, если не сотрудничаешь с местными общественными организациями. Ройзмана имел в виду, фонд «Город без наркотиков». Потому что прежде, чем стать заместителем генерального прокурора в Москве, Юрий Золотов был областным прокурором в Екатеринбурге, Ройзмана давно знал и, на расследования Ройзмана опираясь, лично срывал погоны с тогдашних своих коррумпированных подчиненных.

Дальше сагринская история разворачивалась в терминах совсем уж общенациональных и общегосударственных. Действия Ройзмана в Сагре приобрели символический характер, превратились в политические перформансы. Во главе

с Ройzmanом сотрудники «Города без наркотиков» установили при въезде в Сагру пограничный полосатый столб с надписью «Россия». Кого-то из богатых своих приятелей Ройzman уговорил оснастить сагринский фельдшерский пункт медицинским оборудованием и лекарствами, которые сам привез и которых сагринская фельдшерица не видала десятилетиями. От своего имени Ройzman вручил защитникам Сагры награду, статуэтку Серебряного льва — за храбрость. И в довершение собственными руками укрепил Ройzman на крыше фельдшерского пункта российский национальный флаг.

Все эти его поступки были хоть и символическими, но достойными президента страны. Устанавливать государственную границу, заботиться о здравоохранении, вручать награды, поднимать государственный флаг.

Не в годы своего депутатства, а именно здесь, в Сагре, Ройzman стал политиком федерального масштаба. И многие замечали тогда, что эти символические перформансы — Аксанин стиль.

Можно ведь было и по-другому освещать события в Сагре. Не так, как URA.RU. Вот журналист «Комсомольской правды» Семен Чирков про те же самые события пишет статью под заголовком «Массовая драка в поселке Сагра: защищая поселок, дачники убили человека». Не «война», стало быть, а «драка». Не «русские», стало быть, а «дачники». После серии статей про Сагру Чирков, который прежде был журналистом, с которым Ройzman охотно общался, превратился во врага, которому Ройzman отказывает в интервью и которого адвокат Ройзмана Анастасия Удеревская во всеуслышание называет продажным.

Впрочем, газете «Комсомольская правда» недостаточно показалось переквалифицировать «русских» в «дачников»

и «войну» — в «драку». На Урал отправлена была из Москвы броневой артиллерия — специальный корреспондент «Комсомолки» Ульяна Скойбеда.

В ее четырех печатных репортажах и двух документальных фильмах сагринские события предстают совершенной противоположностью той истории, которую в блоге своем рассказывает Ройзман и, вторя Ройзмону, Аксанин URA.RU.

Почему, спрашивает Скойбеда, в перестрелке между шестюдесятью вооруженными бандитами и десятью деревенскими мужиками ранены есть только на стороне бандитов? Не логично ли предположить, что среди сагринских мужиков раненых должно быть больше?

Почему у нападавших, которые все были задержаны, не изъято ни одного ствола, а только бейсбольные биты и топоры?

Почему тело погибшего во время нападения на Сагру Фаига Мусаева буквально изрешечено дробью? Разве может так разворотить человека один выстрел из дробовика? Незванный следователь говорит Скойбеде, что тело Мусаева буквально разворочено выстрелами от шеи до паха. Говорит, что стреляли в Мусаева как минимум четыре раза, причем уже в лежачего, почти в упор, добивали. Так анонимный следователь говорит, но труп не показывает.

По версии Скойбеда, сагринские мужики были пьяные, сами позвали криминальных знакомых Цыгана на разборку. И устроили засаду при въезде в Сагру.

По версии Скойбеда, Сергей Зубарев вовсе не в бане был, когда ему позвонили и позвали защищать поселок, а сидел в засаде при въезде в поселок, жарил с мужиками шашлыки, выпивал и набирался пьяной храбрости. Скойбеда называет Зубарева положенцем или смотрящим. По словам

Скойбеды, Зубарев претендовал на то, чтобы представлять в деревне какую-то банду и со всех, кто работает, собирать в деревне дань. И с Цыгана, рубившего лес возле железной дороги, требовал денег 25 000 рублей. А Цыган пожаловался родственнику жены, сидевшему в тюрьме. Что ж тут странного? Разве мы не знаем, что в тюрьме у заключенных есть телефоны, что родственник с воли может позвонить в тюрьму и из тюрьмы организуют ему помощь?

По версии Скойбеды, деревенские бандиты и городские бандиты просто не поделили Цыгана, зарабатывавшего на заготовке леса, просто не договорились о том, кто будет крышевать его, то есть получать дань и защищать от чужих преступных группировок.

Никаких наркотиков, никакого межнационального конфликта, никаких русских богатырей против понаехавших на Урал кавказцев. Никакой войны.

Но это и есть война. Сколько ни читай материалов по сагринскому делу, нельзя ничего понять. Нет ни одного подтвержденного факта. Есть версия Ройзмана, которую защищает URA.RU, и есть версия начальника ГУ МВД Михаила Бородина, которую защищает «Комсомольская правда».

Нельзя узнать правду. Правдой будет считаться та версия, которая победит в этой информационной войне.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Заложники

Во время инаугурации губернатор Куйвашев говорил долго. В его инаугурационной речи видна Аксанина рука. Он сказал в частности, что это свое назначенное губернаторство воспринимает исключительно как избирательную кампанию, предшествующую губернаторским выборам, которые вернутся ведь скоро. Та самая мысль, что высказала ему Аксана в ту самую ночь, когда Куйвашев, узнав о своем назначении, приехал к ней прямо из аэропорта, а Ройзман не довез Аксане из Быньгов теплые булки.

Инаугурация была 29 мая 2012 года.

А 17 июня умерла Таня Казанцева, пациентка женского реабилитационного центра в деревне Сарапулка. Эта Таня была из Тагила, ей было двадцать девять лет, у нее было двое детей, и наркотики она стала принимать уже совсем взрослой, кажется, в связи с тем, что никак не могла справиться с головными болями, мучившими ее после травмы черепа, полученной в автомобильной аварии.

Когда Таня поступила в реабилитационный центр, голова у нее болела почти ежедневно, и Таня не сразу поняла, что болит сильнее и иначе. Но однажды пожаловалась

все же — очень сильно болит. Игорь Шабалин, возглавлявший тогда женский центр в Сарапулке, позвонил в скорую, но в скорой не нашлось машин, чтобы ехать в деревню. Таня наелась анальгина и легла спать.

На следующий день боли только усилились. Опять позвонили в скорую и получили отказ. Тогда две девушки-реабилитантки побежали в фельдшерский пункт, который все же есть в Сарапулке. Пришла фельдшерница. Велела Тане нагнуть голову к груди, поднять ноги, с закрытыми глазами достать рукою нос — опасалась энцефалита, потому что лето ведь было, клещи. Но Таня смогла склонить голову, поднять ноги и коснуться носа, чего обычно больные энцефалитом не могут. Фельдшерница пожала плечами и ушла, так ничего и не предприняв.

Еще через пару дней Таня потеряла сознание. Тут уж скорая приехала, увезла Таню в больницу в город Березовский, и в больнице Таня, не приходя в сознание, умерла.

Сразу после Таниных похорон во все реабилитационные центры и в сам офис фонда «Город без наркотиков» пришла полиция. Обыскивали, изымали документы, предлагали реабилитантам уйти, если хотят уйти. И ведь известно, как ведут себя наркопотребители, люди, чья воля подавлена наркотиками: если сказать им, что надо остаться и проходить реабилитацию, — они остаются, если сказать, что надо уйти, — они уходят и берутся за наркотики снова. Большинство ушли. Многие из ушедших написали заявления в милицию о том, что их удерживали в реабилитационных центрах насильно. Число реабилитантов в центрах «Города без наркотиков» сократилось на шестьдесят человек, больше чем в половину. Но многие и остались. И многие не стали писать в милицию никаких заявлений.

Ройзман называл это спланированной атакой на Фонд. Атакой, которая только ждала повода, и, когда Таня Казанцева умерла от менингоэнцефалита — дождалась.

Но это было только начало атаки. Еще через неделю отряд СОБР окружил реабилитационный центр в Сарапулке. Бойцов пытались не пустить. Но они принялись ломать дверь кувалдой и сломали бы, потому что реабилитационный центр представляет собою обычную деревенскую избу. Перепуганные девушки-реабилитантки пустили бойцов СОБРа, а многие разбежались и попрятались в лесу. Полицейская пресс-служба потом скажет, что это Ройзман нарочно вывозил реабилитанток в лес и прятал.

Опять обыскивали, опять возили реабилитанток в отделение милиции, склоняли писать заявления, допрашивали до слез, добивались показаний, что, дескать, побои, незаконное лишение свободы, голод, пытки. Некоторые девушки написали такие заявления. Некоторые не написали и вернулись в Сарапулку.

А Ройзман раздавал интервью и говорил, что это атака, атака, атака, месть за то, что еще весной он обвинял полицейское начальство Екатеринбурга в коррупции и связях с наркоторговцами.

Ройзман отбивался, презрев простое правило, что если тебя атакуют силами полиции — беги. А не можешь бежать — затихни и ищи покровителей. И вот тут Аксана Панова и Евгений Ройзман допустили ошибку. Вместо того, чтобы бежать или затихнуть, Аксана отважилась на контратаку.

Это было нарушением договоренностей и это было просто глупо — Аксана теперь признает. Если воюешь с ментами, не трогай одновременно другие силовые структуры.

Не трогай фээсбэшников, не трогай прокурорских — нельзя воевать со всеми сразу. К тому же, продавая URA.RU подставному кремлевскому бизнесмену, Аксана обещала, что громких коррупционных скандалов на ее портале больше не будет. И нарушила обещание. И можно сколько угодно кричать, что менты первые нарушили шаткое перемирие, первые использовали трагическую смерть Тани Казанцевой, чтобы разгромить Фонд. Можно говорить даже, что это просто губернатор Куйвашев перестал защищать ее, Аксану, потому что Аксана окончательно из двух Евгениев выбрала Ройзмана. Ничего не изменится: нарушила договорности — получи войну.

1 августа 2012 года на сайте URA.RU за подписью Аксаны Пановой была опубликована статья «Именем заместителя генпрокурора». В статье рассказывалось про то, как екатеринбургский замгенпрокурора Пономарев построил себе дачу по подложным документам и прорубил к даче дорогу по территории заповедника. Аксана утверждает, что дальнейшие злоключения мертвой Тани Казанцевой и живых сторонников Евгения Ройзмана были прямым следствием этой статьи.

Сразу после публикации, чуть ли не на следующий день следователь, занимавшийся делом Тани Казанцевой, сказал отцу погибшей молодой женщины, что тело будут эксгумировать, что будут искать и найдут следы побоев. Что, по версии следствия, в смерти Тани виновен не энцефалитный клещ, не давнишняя травма черепа и даже не наркотики, а сотрудники Ройзмана — начальник реабилитационного центра Шабалин и вице-президент «Города без наркотиков» Маленкин. Что, дескать, они, с ведома Ройзмана, избивали Таню и однажды забили до смерти.

Так примерно сказал следователь, но Танин отец наотрез от эксгумации дочери отказался и даже — вот оно, уральское упрямство! — установил на могиле дочери автомобильную сигнализацию.

9 августа 2012 года сигнализация сработала. Отцу Тани Казанцевой пришла на телефон эсэмэска. Мужчина оделся быстро, сел в машину и помчал на кладбище.

А полицейские, когда сняли с могилы венки и выкорчевали крест, обнаружили, что венки и крест связаны проводами. И если полицейский в России видит провода, ему не приходит в голову, что это отец покойной провел сквозь венки автомобильную сигнализацию, дабы не допустить осквернения могилы дочки. Полицейский думает — бомба. И вызывает саперов. А с саперами приезжает ФСБ. А с ФСБ приезжают спецподразделения. И начинают действовать по плану, заранее разработанному на случай бомбы. Оцепляют всю территорию на расстояние взрывной волны. Выводят за оцепление всех гражданских. Не пускают журналистов. Никому ничего не говорят.

И отец молодой женщины, которую выкапывают сейчас из могилы, приехав на кладбище к дочке, натывается на оцепление. А сапер, разобрав провода, говорит: «Это ж сигнализация автомобильная. Во дает мужик!» И уезжает. А полицейские остаются эксгумировать как хотят — без понятых, без протоколов.

Тело достают из земли, еще раз обследуют и по итогам обследования арестовывают Игоря Шабалина, который был в Сарапулке, когда Тане стало плохо. А Игорь Шабалин дает показания против вице-президента Фонда Евгения Маленкина, который ведь и правда чуть ли не каждый день в Сарапулку ездил. Из показаний Шабалина (он заявит потом,

что даны они под пытками) следует, что это Маленкин велел ему применять к реабилитанткам физическую силу. Теперь Маленкин должен сказать следователям, что, в свою очередь, ему насильно девчонок удерживать, бить и не кормить велел Ройзман.

Только Маленкин этого не скажет. Маленкин сбежит.

Кто такой Евгений Маленкин — надо понимать. Евгений Маленкин — алкоголик, не пьющий пятнадцать лет. (Он, даже и когда его арестуют спустя год скитаний, скажет, что алкоголик, несмотря на пятнадцатилетнюю трезвость. И попадет на медицинское освидетельствование.) Алкоголик — это такой человек, чья жизнь подчинена алкоголю полностью, состоит из опьянения и похмелья. И вот однажды алкоголик понимает, что не может сам с этим справиться, погиб, пропал. И тогда идет на анонимную группу или в общество трезвенников и просит помочь. И получает помощь. Держится, не пьет, обсуждает свои новые ощущения от жизни на группе с такими же, как он, завязавшими алкоголиками. Ведет дневник. В письменном виде переосмысливает свою жизнь по модной ли западной системе «12 шагов», по доморощенной ли системе Шечко, — так или иначе перебирает свою жизнь поэпизодно, пытаюсь вспомнить, когда именно и почему именно алкоголь стал для него важнее работы, семьи, друзей, любви — всего на свете.

Однажды алкоголик понимает, что трезв уже долго и может оставаться трезвым всю жизнь, до самой смерти. Алкоголиком он остается потому, что ему нельзя на Новый год выпить бокал вина — сорвется, снова примется напиваться до чертиков. Но совсем не пить — может.

И, поняв это, алкоголик испытывает благодарность. К тем людям, которые помогли ему, к тем, кто не отверг

его, опустившегося, к анонимной своей группе или обществу трезвости, к женщине, которая его полюбила, к детям, которые согласны поиграть с ним или сходить с ним в кино. Второе сильное чувство, которое движет алкоголиком через год трезвости, — это желание помочь. Таким же, как он, алкоголикам и наркоманам, зависимым. Живущий в трезвости алкоголик чувствует себя как бы вышедшим на свободу узником. Главное его желание — помочь тем узникам, что остались в тюрьме. Алкогольную или наркотическую зависимость трезвый алкоголик всерьез считает главным в мире злом, и смысл жизни, следовательно, находит в том, чтобы с зависимостью бороться. К тому же у непьющего алкоголика обнаруживается непривычный избыток сил. Работать, жену носить на руках, с детишками возиться, по дому хозяйничать, спортом заниматься, еще общественное что-нибудь... Энергичность непьющего алкоголика иногда даже мучительна для окружающих. И вот такой человек — Евгений Маленкин.

У него есть жена Катя, женщина с ресницами, подобными мотылькам, совершенно уверенная, что ничего дурного и ничего страшного с нею и с детьми никогда случиться не может, потому что муж же есть и он решит все проблемы. И Маленкину, кажется, нравятся эти Катини иллюзии.

У него три дочки. И если бы они были мальчиками, Маленкин гонял бы с ними в футбол. А они девочки, и потому особенно трогательна неуклюжая нежность к ним хрупким со стороны огромного Маленкина.

Он состоит в обществе трезвости — том самом, которое устраивало митинг на площади к избирательной кампании Ройзмана в Государственную думу. Потому что Ройзман для Маленкина — что-то вроде Джедая, рыцаря, сражающегося

с абсолютным, на взгляд Маленкина, злом. И именно поэтому, даже когда его поймают через год скитаний, никаких показаний против Ройзмана Маленкин не даст.

А еще Маленкин провел в Екатеринбурге несколько кампаний против производителей паленой водки. Находил подпольные цеха, выяснял, откуда идут поставки, свидетельствовал в судах — так что все, кто попал в тюрьму по делам о паленой водке, ненавидят Маленкина.

А еще Маленкин был чуть ли не самым активным в Фонде оперативником. Сидел в засадах, врвался в наркопритоны, таранил своим автомобилем автомобили наркоторговцев, пытавшихся скрыться, свидетельствовал в судах. Сотни наркоторговцев в тюрьмах ненавидят Маленкина, потому что он посадил их.

Именно поэтому Маленкину нельзя в тюрьму. Его просто убьют в тюрьме. Даже если тюремное начальство не подсадит нарочно к Маленкину пойманных им наркоторговцев, рано или поздно Маленкин встретится с ними случайно. Нельзя будет спать ночей, нельзя будет отвернуться к стене — удавят самодельной веревкой, сплетенной из распущенных шерстяных носков или из распоротых штанов. Как удавили Хабарова. И скажут, что повесился в камере.

Поэтому Маленкину нельзя в тюрьму. Можно быть в Фонде вице-президентом. Можно особенно любить женский реабилитационный центр в Сарапулке. Относиться к тамошним пациенткам, как к дочкам. Ездить к ним каждый день. Возить им цветы, «потому что они девочки и им надо смотреть на красивое». Возить конфеты, «потому что они девочки и у них от шоколада радость». А в тюрьму нельзя.

И когда разгромили женский реабилитационный центр, Маленкин бежал. Написал в твиттере, что отправляется

в длительный отпуск-паломничество по святым местам. И исчез.

Дело было седьмого ноября, ночью. Жена Маленкина Катя, когда муж исчез, а в квартиру пришли полицейские с обыском, не смогла даже дозвониться никому из фондовских адвокатов, потому что обыски одновременно происходили и во всех остальных помещениях Фонда.

На следующий день Катя пошла к Ройзману, а Ройзман только сказал ей, чтобы она не беспокоилась о деньгах. Что зарплату мужа будут теперь привозить ей. Что ипотечный кредит помогут выплачивать. Что если какие-то непредвиденные расходы — помогут. Кате показалось, что Ройзман знает, где ее муж. И она даже попросила Ройзмана сказать ей по секрету. Но Ройзман только покачал головой. Молча. Не верил даже, что и в помещении Фонда не пишут полицейские жучки их разговора.

Промолчал и покачал головой, понимая, что если Маленкина найдут, то у Кати в тюрьме окажется муж, у Катиних дочек — отец, а у него, у Ройзмана, — заложник.

Маленкина найдут. Но год спустя. К тому времени Ройзман успеет собраться с силами, и то, что взяли заложника, будет уже не так страшно.

Шабалин... Маленкин... Третьим ройзмановским заложником к концу 2012 года оказалась Аксана. Есть у людей странное свойство, особенно здесь, на Урале, — чем страшнее события, которые происходят с ними, тем меньше страха.

На фоне этой своей информационной войны со всеми в Екатеринбурге силовыми структурами, Аксана затевает еще и рекламную кампанию URA.RU. Кампания, как принято говорить, креативная, получит еще «Каннских львов» — приз международного фестиваля рекламы.

В городе плохие дороги. На дорогах полно ям. Некоторые глубиной по полметра, и если машина попадает в такую яму, то стойкам конец и амортизаторам конец, и всех уральцев объединяет раздражение по поводу плохих дорог, потому что уральцы любят не только танки, но и автомобили. И вот Аксана придумывает вокруг ям на дорогах рисовать несмываемой краской портреты городских и областных руководителей, причем так, чтобы зияющая яма приходилась начальнику вместо рта. Портрет губернатора Куйвашева тоже красуется где-то на мостовой, и вместо рта у губернатора — яма. Весь город говорит об этом. С перепугу дорожные службы засыпают дорожные ямы мусором, и получается еще обиднее: портрет губернатора на мостовой, а во рту у губернатора — мусор. Куйвашев даже звонит и кричит, что вот в уплату за дружбу Аксана напихала ему в рот дерьма, как будто это Аксана засыпала ямы мусором, а не дорожная служба. К удивлению Аксаны, не только губернатор, но и прочие городские начальники воспринимают ее рекламную кампанию не как хоть и острую, но шутку, а оскорбляются всерьез. И глупо объяснять им, что это искусство, рекламное искусство, успешная коммуникация, вот же и «Каннских львов» дали... Оскорбляются смертельно. Не за эту рекламную кампанию именно, а за все Аксанины похождения в совокупности — и главное, за Ройзмана, — заводится против Аксаны четыре уголовных дела.

Предприниматель Кремко утверждает, что четырьмя годами ранее Аксана вымогала у него миллион рублей за то, чтобы не печатать в URA.RU статью о скором банкротстве его компании «Бона». А четыре года чего ж ждал, не обращался в полицию? Однако и через четыре года грозит по этому делу Аксане семь лет тюрьмы.

Директор областного телевидения Стуликов обвиняет Аксану в том, что вынудила его подписать с URA.RU договор информационного сотрудничества, а иначе грозились опубликовать про Стуликова порочащую информацию. И это почти правда: Стуликов через свою телекомпанию действительно распределял между екатеринбургскими средствами массовой информации деньги от губернатора Мишарина, чтобы писали про губернатора хорошее. И это, конечно, дурно с точки зрения рафинированной свободы слова. Это подкуп журналистов, и журналисты становятся подкупленные. Но так все делают в регионах, мы уже говорили, иначе не выживешь. И уж совсем вранье, что Аксана вынудила Стуликова передать ей губернаторскую подачку, угрожая компроматом каким-то. Ведь если Стуликов распределил Аксане губернаторские деньги, боясь, что Аксана напишет про Стуликова какую-нибудь гадость, то выходит, Стуликов растратил казенные деньги на решение личных проблем. И тем не менее по этому обвинению грозит Аксане от семи до пятнадцати лет тюрьмы.

Предприниматель Белоносов обвиняет Аксану в том, что перевел на счет URA.RU 100 000 рублей за то, чтобы издание не печатало компрометирующих статей про политика Шадрина. Но нет никаких документов, подтверждающих передачу той взятки. 100 000 рублей на счет URA.RU действительно были переведены, но сразу же отправлены обратно. И тем не менее шесть лет тюрьмы грозит Аксане по этому делу.

Наконец, налоговая инспекция обвиняет Аксану в том, что сняла со счета своей компании и обналичила 12 миллионов рублей. И вот это Аксана правда сделала. Сняла деньги и заплатила людям зарплату, потому что новые владельцы

URA.RU зарплату задерживали. И это правда незаконно — уход от налогов. По этому эпизоду Аксана идет в Главное управление МВД Свердловской области и пишет явку с повинной. За уклонение от налогов, в котором она сама же и призналась, Аксане полагается штраф. Но нет, следователи обвиняют Аксану в хищении средств (у себя же, Аксана со-владелица), и грозит Аксане еще четыре года тюрьмы.

Двадцатипятилетний срок может набежать в зависимости от того, как будет вести себя Аксана и даст ли показания против Ройзмана, и как будет вести себя Ройзман. Вот это заложник так заложник.

Обыски, выемки документов, задержания. Сын Аксаны рыдает, когда идет обыск в квартире. Бухгалтер URA.RU рыдает, когда после обыска в редакции ее арестовывают (отпустят вскоре и все обвинения снимут). Аксана публикует фотографии рыдающих. Война так война.

В довершение бед выясняется, что плод у Аксаны нежизнеспособен и беременность надо прерывать. Аксана публикует и это с тем намеком, что, дескать, довели правоохранители до гибели плода. И публикует фотографию эмбриона. И кто-то из журналистов докапывается, что не своего эмбриона Аксана опубликовала фотографию, а просто какую-то фотографию эмбриона, найденную в Сети. И поднимается вой, что Панова, дескать, вообще не была беременна, а придумала беременность ради информационной войны.

Никому никого не жалко. Война.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Разгром

С заложниками тяжело. Они живые люди, их жалко, совестно перед их семьями. Но каждое взятие заложника — это лишь эпизод, фрагмент общей картины разгрома. Разгром — по всем фронтам.

Вот лето 2011-го. Миллиардер Михаил Прохоров предпринимает попытку возродить партию «Правое дело», которая проиграла к тому времени все на свете выборы. И вторым номером в свой партийный список зовет Евгения Ройзмана. Для Ройзмана это — шанс опять пойти во власть, в ответ на давление не сдать, а наоборот, выиграть.

Они пожимают друг другу руки. Ройзман руку Прохорова удерживает, смотрит в глаза и спрашивает:

— Что будет, если тебе прикажут в Кремле выбросить меня из списка?

— Тогда мы уйдем вместе, — говорит Прохоров.

Ровно это вскоре и случается. Послушный Кремлю партийный съезд выгоняет Ройзмана из партии, и Прохоров уходит вместе с ним.

Вот май 2013-го. Мальчишка лет девяти сидит у Ройзмана на коленях в машине за рулем. Рулит. Ройзман уважительно называет мальчишку Сергеем Николаевичем, потому что Сергей

Николаевич вот уже год как бросил курить и пить. По обочине дороги бежит собака. Машина едет собаке наперерез.

— Сергей Николаевич, — говорит Ройзман, — ты реши сразу, это хорошая собака или плохая.

— Да вроде хорошая.

— Тогда не дави ее. Поворачивай руль. Поворачивай. Еще. Сильнее.

Мы едем из детского реабилитационного центра во взрослый. Несколько минут еще Сергей Николаевич рулит молча, а потом говорит:

— Мне домой надо. К бабке. На лето. Давно не был.

— Давай лучше ты на лето в лагерь поедешь. Сделаем в Быньгах лагерь. Велосипеды там будут, байдарки, в поход пойдем.

Так говорит Ройзман мальчишке, а мне потом скажет:

— Нельзя ему домой. Там вся деревня бухает. И он снова станет бухать.

До разгрома детского и взрослого реабилитационных центров в поселке Изоплит — два дня.

Два дня спустя. Мы сидим с Ройзманом в машине у запертых, заложённых изнутри лопатой вместо засова, ворот реабилитационного центра в поселке Изоплит. Нас не пускают. Внутри обыск. Реабилитант Роман Баскин, рэпер по прозвищу Рамзес, написал друзьям письмо, в котором говорил, что его в центре удерживают насильно. Друзья отнесли письмо в полицию, и вот она, полиция, — человек двадцать в масках и с автоматами.

Обыскивают, предлагают реабилитантам писать заявления, что их насильно удерживали. Увозят детей. Тут восемь детей из детского реабилитационного центра, который по соседству, в пяти минутах езды. Дети пришли, чтобы

взрослые помогли им с уроками. И нарвались на обыск. И женщина из детской комнаты милиции диктует детям заявление про то, что воспитателя своего они видят впервые. Когда дети напишут заявления под диктовку, тетка из детской комнаты милиции решит, что всех несовершеннолетних следует отправить в сиротский приемник-распределитель в город Богданович. Но не найдется машины. И спросит адвоката Анастасию Удеревскую, можно ли взять машину Фонда, чтобы отвезти в Богданович изъятых у Фонда детей. Удеревская откажет, конечно.

А родители рэпера Рамзеса тоже тут. Они считают сына наркоманом, потому что речь его часто бывала бессвязной. И им трудно было поверить, что речь бессвязна не потому, что сын под действием наркотиков, а потому, что общается с космическими существами седьмого уровня плотности, — так он сам объяснял. Они плачут и говорят, что Рома — хороший мальчик. А Ройзман раздает телефонные интервью по поводу обыска и кричит в трубку, что проклятого говнокура накрыло на второй неделе трезвости, что с солевыми так бывает и что все показания Рамзеса — типичный солевой гон, ничего больше.

Накануне я был здесь, один, без Ройзмана, ходил свободно по всему реабилитационному центру и общался с реабилитантами. Они все говорили, что находятся в центре добровольно. Рамзеса не помню. Но он мог бы сказать мне, что его держат здесь насильно.

Мы сидим с Ройзманом в машине и смотрим сквозь забор, как реабилитантов выводят на двор и везут в милицию. Многие напишут против Ройзмана заявления о насильственном удержании. Некоторые не напишут заявлений и вернутся. Но центр в поселке Изоплит все равно будет

закрыт вскоре. И детский будет закрыт. И заведено будет по поводу удержания Рамзеса уголовное дело. А я буду проходить по этому делу свидетелем.

Мы смотрим, как выводят реабилитантов, и Ройзман говорит:

— Тридцать человек на улице. Мало того, что они все сейчас станут колотья, так ведь еще и будут знать, что Фонда не надо бояться. Понимаешь, Валера, менты роняют мой авторитет, и это скажется на моей личной безопасности.

Тогда же. Май 2013-го. Ночь. Жена Ройзмана Юлия кормит нас, потому что мы голодные. Мы едим, а Юлия рассматривает справочник «Птицы Урала» и рассказывает Ройзману, как ездила с дочерью гулять в лес и каких птиц видела.

— Вот это кто, — говорит Юлия. — Это дрозд-рябинник.

Ройзман быстро жует и с набитым ртом рассказывает Юле, как разгромили в поселке Изоплит реабилитационный центр.

— А это огарь, смотри, огарь, — говорит Юлия и тычет пальцем в красивую красногрудую птичку.

Но Ройзман ее не слышит. Продолжает рассказывать про обыск в Изоплите. Юлия долго молчит и спрашивает потом:

— Женя, почему тебе интересно про этих твоих ужасных наркоманов и неинтересно про красивых птиц?

Тогда же. Май 2013-го. Через два дня после разгрома Ройзман устраивает субботник на берегу озера Шарташ. Съезжаются реабилитанты из разных центров, сотрудники Фонда, друзья, журналисты. В качестве почетного гостя — музыкант Владимир Бегунов из группы «Чайф». Опрыскивают запястья и щиколотки средством от клещей, потому что май и клещи уже начались. Убирают мусор. Варят на берегу плов в огромном котле. Девчонки приезжают из женского

реабилитационного центра. Приходят несколько реабилитантов, которых двумя днями раньше забирали в полицию. Вернулись. Некоторые вернулись. В том числе мальчишка Сергей Николаевич. Его и еще нескольких детей воспитатель спрятал, когда в реабилитационный центр явилась полиция с обыском.

Лето 2013-го. Поздний вечер. Ройзман везет реставраторам две иконы. Две огромные доски. Очень тяжелые. Мы втаскиваем их на второй этаж реставрационного училища и кладем на стол. Ройзман с реставраторами долго обсуждают детали реставрации. Они говорят слова, которых я не могу понять. Наконец мы выходим на улицу и садимся в машину. На дверях машины написано: «Иду в мэры. Ройзман». Он уже решил баллотироваться. Он садится в машину и говорит:

— Злости у меня нет, Валера. Надо, чтобы как следует мочить начали. Иначе у меня злости нет.

«Мочить» начнут. Очень скоро реставрационное училище будет закрыто, а иконы Ройзмана арестованы.

Тогда же. Лето 2013-го. Священник отец Виктор, настоятель церкви Николы-угодника в Быньгах говорит мне, что Ройзман явил ему чудо исцеления наркоманов. И что теперь отец Виктор готов за Ройзмана хоть бы даже и на каторгу. Как в воду глядит. Совсем скоро Ройзмана будут обвинять в том, что не реставрировал иконы из Быньговской церкви, а украл. И отец Виктор будет проходить по уголовному делу пока что свидетелем. А реабилитационный центр в Быньгах закроют, и чудо, которое лицеизрел батюшка ежедневно, — прекратится.

Тогда же. Лето 2013-го. В женском реабилитационном центре девчонки кормят нас пирогом с капустой. Этот центр тоже закроеется. Вот-вот.

Тогда же. В офисе фонда «Город без наркотиков» на улице Белинского Дюша Кабанов сидит в кабинете Ройзмана

и ждет, пока Ройзман поговорит с кем-то. Офис, между прочим, под судом. Губернатор Мишарин сдавал этот офис Ройзмону безвозмездно. А губернатор Куйвашев потребовал договор о безвозмездной аренде расторгнуть и заключить новый договор — на 300 000 рублей в месяц.

Дюша сидит и говорит:

— Не надо было с Прохоровым связываться. Это политика. И с Пановой не надо связываться. Пановой дадут орден за развал Фонда. Я скажу Женьке. И на Путина не надо переть. Это политика. Это война. Но состояние войны — Женькин кайф. Даже когда все хорошо, он ищет войны, а уж теперь-то... Надо остановиться, оценить ситуацию, говно отбить и переть дальше.

Через минуту Дюша попытается отговорить Ройзмана баллотироваться в мэры. И Ройзман не послушает его.

Тогда же. Лето 2013-го. Мой источник в екатеринбургской полиции скажет мне:

— Какого вероисповедания Ройзман?

Я пожму плечами.

— Чего ты не знаешь? Иудейского. И вот скажи мне, как иудей может заниматься православной иконой?

Тогда же. Ройзман организует традиционный для фонда «Город без наркотиков» футбольный турнир. Арендует семь футбольных площадок. На всякий случай. На тот случай, если в последний момент арендодатели расторгнут договор по надуманной причине. И правильно делает. В последний момент два стадиона действительно турнир проводить откажутся. Но ничего. Есть запасные варианты.

Тогда же примерно. Начальник отдела по борьбе с организованной преступностью Константин Строганов едет в отдаленную колонию, чтобы встретиться с националисткой

Василисой Ковалевой, осужденной на девятнадцать лет за соучастие в двойном убийстве. В первый день осужденная говорит со Строгановым только по-английски. Во второй, когда Строганов берет с собой переводчика, Ковалева говорит только по-французски. В третий день Ковалева дает показания, что была, дескать, любовницей Ройзмана, что вместе с ним торговала крупными партиями наркотиков и что вообще фонд «Город без наркотиков» — это наркотоновый синдикат.

Эти показания Ковалевой, снятые Строгановым на видео, покажет перед самыми мэскими выборами журналист Андрей Караулов в программе «Момент истины».

Ройзман вспомнит, что, действительно, с Ковалевой однажды виделся. Пришла молодая женщина с большой грудью и попросила Ройзмана с ней сфотографироваться. Сфотографировался. Каждый день уж десяток-то женщин точно просят Ройзмана сфотографироваться с ними.

Журналиста Караулова Ройзман публично назовет проституткой. Караулов за это подаст на Ройзмана в суд.

Почти каждый день Ройзман встречается с избирателями. Арендовать помещение для таких встреч в Екатеринбурге практически невозможно. Встречается во дворах, в парках, просто на перекрестках.

Каждую субботу, надевши красную майку, Ройзман устраивает пробежку по набережной. Как правило, с ним бежит несколько десятков, а то и несколько сотен человек. Пробежка начинается от здания губернаторской резиденции. Нарочно. Напоказ. Дразнить гусей. Дергать тигра за усы.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Мэр

— **С**разу после выборов меня закрывать будут, — говорит Ройзман. — Но лучше же сидеть в тюрьме избранным мэром, чем просто так.

— А мне все равно как сидеть, — говорит Аксана Панова. — Вот увидишь, мы проиграем пару процентов.

— И что? — спрашиваю.

— И пи...ец! Хочешь пирожное? Здесь вкусные пирожные.

Мы сидим в кафе «Шоко» в самом центре города Екатеринбурга. Если выйти на улицу, то прямо над головой увидишь черную растяжку «Мама, не голосуй за бандита». Любой горожанин знает, что «бандит» — это Евгений Ройзман. На растяжке изображена девочка. Она закрывается рукой от чего-то страшного. Эта девочка на плакате по случайному совпадению похожа на младшую дочку Ройзмана Женю. А предполагаемый бандит сидит напротив меня в кафе и ест пирожное.

8 сентября, день выборов. Теоретически агитация в день выборов запрещена, но плакатами «Мама, не голосуй за бандита» завешан весь город. А неделей раньше вышла передача Андрея Караулова «Момент истины», и там говорилось, что в молодости Евгений Ройзман воровал у любовниц кофточки

и колечки. Там говорилось, что фонд Ройзмана «Город без наркотиков» торгует наркотиками. Что реабилитационные центры «Города без наркотиков» — это частные тюрьмы, в которые любой желающий может за деньги заключить любого неугодного родственника или знакомого. А еще там показывали фотографию, на которой человек, похожий на Евгения Ройзмана, запечатлен вместе с известным криминальным авторитетом.

— Да мы прогуляли эти колечки, — говорит Ройзман. — На такси проехали.

Передо мной на столе лежит тридцатилетней давности приговор. Три года за воровство, мошенничество и незаконное ношение ножа. Приговор очень хорошо издан. Желтая картонная обложка. Внутри — набранный как будто на пишущей машинке текст. Не только приговор, но и справка из психиатрической больницы. Из справки следует, что Ройзман не то чтобы сумасшедший, но с придурью безусловно. Такое ощущение, что держишь в руках настоящее, советских еще времен, уголовное дело. Накануне выборов это «Дело Ройзмана» было напечатано сотнями тысяч экземпляров. Какой-то человек из губернаторской команды даже приходил к Аксане Пановой в ройзмановский предвыборный штаб и предлагал купить «Дел Ройзмана» целый грузовик. Аксана купила, сколько хватило денег, но все равно «Дело Ройзмана» лежит по всему городу в почтовых ящиках, распространяется бесплатно в кафе и просто валяется под ногами на тротуарах.

Еще у меня есть письмо. Глава городской избирательной комиссии Захаров доводит до сведения избирателей, что кандидат на должность мэра Ройзман Евгений Вадимович снят с выборов. Потому что в 1981 году был осужден

по нескольким тяжким статьям УК. Фальшивки, конечно. Но очень качественно изготовленная. Написанная хорошим канцелярским языком, снабженная синей печатью избиркома и подписью председателя. Такое впечатление, что держишь в руках цветной ксерокс настоящего избиркомовского документа.

Аксана говорит, что этих листовок напечатан и разбросан по почтовым ящикам миллион в миллионном городе. Преувеличивает, наверное. Но даже мне, только что приехавшему, досталась листовка.

Мы пьем кофе. Ройзман, по своему обыкновению, эспрессо и американо — смешав вместе. Аксана звонит председателю избирательной комиссии Захарову. Они старые приятели и на «ты». И да, он уже выступил с опровержением. И нет, он не знает, почему никто до сих пор не дал его опровержение в эфир.

А Ройзмону звонят люди по трем телефонам сразу и говорят, что когда нашли листовку в почтовом ящике, то не поверили, конечно, что Женя снят с выборов, нельзя же ведь накануне голосования. Но теперь, когда про это рассказало радио «Эхо Москвы»...

— Нет, я не снят, — говорит Ройзман в телефоны. — Нет, я не снят. Не снят. Нет.

И себе под нос:

— Завалили! Они завалили явку. Люди не идут. Не идут голосовать. Поверили.

И Аксане:

— Послушай, вечером все с дач поедут. Надо плакаты нарисовать от руки «Успей проголосовать». И ребят поставить при въезде в город на всех дорогах.

И мне про губернаторских людей:

— Если выиграть, они сойдут с ума и станут мстить. У них в руках мои заложники. А если проиграть, то просто растопчут.

А на стене висит плазменная панель. В ней каждые полчаса губернатор Куйвашев призывает екатеринбуржцев прийти на выборы и проголосовать за надежного кандидата. «Надежный кандидат» — это слоган губернаторского ставленника Якова Силина.

Двумя часами раньше я и не думал, что окажусь в таком эпицентре артобстрела. Я понимал, конечно, что выборы, грязные технологии и все такое. Я видел, конечно, растяжки «Мама, не голосуй за бандита». Но погода была солнечная, и молодые женщины ходили по улицам на каблуках, потому что здесь, на Урале, они все еще считают своим долгом ходить на каблуках. Подошел к двухэтажному кирпичному зданию и толкнул дверь, над которой было написано «Фонд “Город без наркотиков”» и рядом с которой на стене написано было «Спасибо тебе».

— Евгений Вадимович здесь?

Вахтер покачал головой. Он слушал радио «Эхо Москвы», екатеринбургский корпункт которого врал, будто Ройзман снят с выборов.

Я вышел на улицу. Зашел в соседнюю дверь, над которой большими буквами написано было «Музей невянской иконы» и маленькими буквами «Галерея Арт-Птица».

— Евгений Вадимович здесь?

— Валера, привет!

За моей спиной скрипнула дверь, впуская Ройзмана, исхудавшего и бледного, протягивающего мне руку.

— Ай! — сказал я, потому что тут у них на Урале принято пожимать руку до боли.

Мы поднялись на второй этаж. В музейном зале было тихо и свет был такой, как бывает в церкви, — отраженный иконами. Пожилая смотрительница рассказала Ройзману, что в тот день музей посетили шестнадцать человек.

— И все проголосовали за вас.

— Как и все приличные люди, — отвечал Ройзман.

Это была формула, которую он придумал, чтобы отвечать в день выборов людям, проголосовавшим за него. Он всегда так делает. Придумывает формулы и повторяет, пока его формулы не станут пословицами. «Это мой город», «Здесь живут достойные люди», «Моим глазам свидетелей не надо», «Труднее всего доказывать очевидное», «Главное вовремя понять, что война закончилась, и перестать пускать поезда под откос». Он всегда так делает. Брать у него интервью бесполезно. Получишь набор формул. Поэтому я сказал:

— Ты похудел, Женя.

А он отвечал:

— Нет.

Тогда я спросил:

— Где тут у тебя туалет?

— Там, — Ройзман махнул рукой. — Он чистый.

Когда я вернулся из туалета, в служебной комнатке позади музейного зала были чай, мармелад и два реставратора. Пожилой и молодой. Может быть, отец и сын. Как в стихотворении про вересковый мед. Они хотели денег за работу. И Ройзман дал им тысяч двадцать, потому что было утро, и утром у него бывают деньги. Вечером не бывает никогда. Я проверял. И в кафе «Шоко» у него неоплатный кредит.

Старый реставратор склонялся над иконой и говорил, что ее трудно будет «открыть». Икона была потрескавшаяся и закопченная. А Ройзман говорил, что знает это письмо.

А молодой реставратор все время как будто хотел сказать что-то и наконец решился:

— Евгений Вадимович, у нас следователи были... Сказали, что как только мы дадим на вас показания, отделение сразу откроют.

Этот парень, он учится на отделении реставрации местного художественного училища. Отделение реставрации закрыла полиция. Иконы, многие из которых принадлежат Ройзману, арестовали. Ройзман пожал плечами.

Когда реставраторы ушли, я спросил:

— Женя, а что это за двенадцать икон, пропавшие в Быньгах?

Я спросил потому, что мне нравится в деревне Быньги по дороге на Невьянск, где у Ройзмана был реабилитационный центр. Изба, в которой жили два десятка наркоманов. И в качестве трудотерапии реставрировали местную церковь. И вот полицейские утверждают, что из этой церкви пропало двенадцать икон. А священник отец Виктор говорит, что ничего не пропало. И если Ройзмана обвинят в пропаже не пропавших икон и посадят в тюрьму, то пусть и его, отца Виктора сажают. Потому что он видел своими глазами чудо исцеления наркоманов от наркомании и готов за это чудо — в узилище.

— Да ничего там не пропало, — отвечал Ройзман. — Мы отвезли иконы на реставрацию. А они (Ройзман имел в виду полицейских) арестовали эти иконы и вообще арестовали у меня сто тридцать икон. И я знаю, что они будут делать. Вот у них числится украденной какая-нибудь, например, Казанская Божья Матерь, они найдут среди моих икон Казанскую Божью Матерь, приведут бабку, у которой украли Казанскую, и скажут: «Признай эту икону своей, тебе ее отдадут, она кучу денег стоит».

Открылась дверь и вошла Юля. Жена Ройзмана Юлия Крутеева. Мать младших дочек Ройзмана и владелица галереи «Арт-Птица». Она улыбнулась мне, потому что в прошлый мой приезд мы долго с ней болтали, и Юля рассказывала про молодость, про любовь, про ройзмановские романы на стороне и про то, почему она с Ройзманом не развелась несмотря на романы.

Юля улыбнулась, поздоровалась, но не остановилась поговорить со мной, потому что на этот раз я приехал ради выборов. Я был из грязного мира, в котором накануне выборов огромным тиражом от Юлиного имени опубликовали и разбросали по почтовым ящикам письмо, что Ройзман, дескать, изменник, и если он изменял жене, то, стало быть, изменит и избирателям, и нельзя за него голосовать. И Юлина подпись. Я был из этого грязного мира, и Юля прошла мимо, в галерею, к своим колечкам, сережкам и медным литым медведям, потому что медные медведи, по крайней мере, не публиковали от Юлиного имени никаких фальшивых подметных писем.

А мы ушли в штаб и потом обедать. И вот сидим в кафе «Шоко», а Ройзману и Аксане то и дело звонят наблюдатели с разных участков и рассказывают, как подвезли автобусами целую толпу карусельщиков, голосующих по открепительным удостоверениям уже, наверное, в двадцатый раз. Ройзман говорит:

— Все, я больше не могу так сидеть. Поеду по участкам поезжу.

И мы идем искать машину.

Мы ищем серую «Тойоту Ленд Крузер», на бортах которой большими синими буквами написано «Иду в мэры. Ройзман». Излишняя надпись, потому что и так все в Екатеринбургe

знают машину Ройзмана. Мы ищем машину, а ее нигде нет. Еще утром Ройзман попросил Самодела заправить полный бак, Самодел заправил, отдал ключи, но куда поставил машину, не сказал, а сам уехал в Изоплит. Самодел — это прозвище человека, который в Изоплите занимается авторемонтной мастерской при реабилитационном центре. Черт знает, где эта машина! С ног сбились. Три квартала обыскали.

Ройзман растерян. Он не говорит, что проиграл, но, по моему, думает, что проиграл. А у дверей фонда «Город без наркотиков» стоят на улице три парня и курят. И Ройзман говорит:

— Смотри, Валера, все трое кололись. И уже десять лет не колются. Семьи у всех, дети...

— Что ты мне это говоришь, ты это избирателям скажи.

— Да я говорил.

Потом мы садимся в белый «Мерседес» к одному из сотрудников Фонда и едем. И я знаю, что вот сейчас начнется ЭТО.

ЭТО начинается еще метров за триста до избирательного участка, расположенного в типовом школьном здании в глубине дворов.

— Здравствуйте! — говорит женщина лет пятидесяти. — Я голосовала за вас!

— Как и все приличные люди, — отвечает Ройзман своей формулой.

— Вы меня не помните? Я к вам сына привозила на реабилитацию пять лет назад.

— Как он? — говорит Ройзман.

— Хорошо. Не колетса. На работу устроился. Сварщиком. Можно с вами сфотографироваться?

Ройзман улыбается, обнимает женщину, и кто-то из прохожих фотографирует их на мобильный телефон.

— Здравствуйте! — говорит мужчина лет сорока, вытаскивая из кармана листовку. — Это ведь неправда, что вас сняли? Мы всей семьей идем голосовать за вас.

— Как и все приличные люди.

— Можно с вами сфотографироваться?

Улыбки, объятия...

— Здравствуйте! — молодой человек лет двадцати пяти очень спортивного вида. — Я у вас на Изоплите лежал...

Улыбки, объятия...

— Здравствуйте!

Мужчина, женщина, старик, ребенок, военный, полицейский...

Знакомые мои журналисты из пресс-службы екатеринбургской полиции говорят, что Ройзман гениальный пиарщик и весь город убедил в том, что всем помог. Журналист Бершидский пишет, что вот точно так же в Колумбии все простые люди любят Пабло Эскобара, а в Палестине вот точно так же любят движение ХАМАС.

— Здравствуйте! — две девушки с двумя безродными собаками, одна из собак хромая. — Можно с вами сфотографироваться?

Объятия, улыбки...

— Помните, мы приют... Вы нам помогли приют для бездомных животных строить. Смотрите, как она умеет.

По команде одной из девушек хромая собака танцует на задних лапах, прыгает в кольцо из рук, кувыркается по земле. А вторая девушка закуривает. И Ройзман говорит:

— Не курите только, девчонки. Такие хорошие девчонки, а курят.

Та, что курила, выбрасывает сигарету и говорит:

— Можно с вами сфотографироваться?

— С красивыми девчонками что же не сфотографироваться?

— Можно мы к вам еще придем? Нам нужно...

— Приходите. Если вам собак разместить негде, можно у нас. Есть место и есть, кому ухаживать. Не курите только.

ЭТО — на каждом участке.

Улыбаются и здороваются милиционеры, охраняющие выборы, председатель и члены избирательной комиссии, наблюдатели — даже те, что наблюдают тут от других кандидатов. И Ройзман говорит им: «Спасибо, потерпите еще несколько часов, удачи вам, счастья». Он говорит так даже наблюдателям от других кандидатов.

И на улице, когда Ройзман с избирательных участков выходит, к нему бегут социологи из ВЦИОМа, и социологи от «Единой России», и им самим нанятые социологи. И говорят:

— Вы выигрываете.

Почти до самого утра ВЦИОМ будет публиковать данные экзит-полов, согласно которым Ройзман проигрывает. А здесь, на земле, эти женщины с анкетами все как одна говорят:

— Вы выигрываете. Можно с вами сфотографироваться?

Примерно пять часов вечера. На обратном пути в машине Ройзман говорит:

— Вот, чуйка у меня появилась. Что мы выигрываем.

— Подожди еще, — говорю.

— Нет, выигрываем, и придется мне работать мэром.

— Подожди еще, — говорю. — К вечеру накидают против тебя. А ночью пририсуют.

— Не успокаивай меня. Смотри, ты видел в школе этот двор? — он говорит про внутренний двор, не используемый и заваленный строительным мусором. — Туда же аккуратно помещается баскетбольная площадка.

— Ты собираешься строить баскетбольные площадки?

— Ну, или волейбольные. Нет, ты видел там во дворе ребяташки в волейбол играют через веревочку? Дом огромный многоквартирный. Неужели мужики не могут выйти и повесить детям сетку?

— Ты им это говорил много раз, когда устраивал во дворах встречи с избирателями. Ты же говорил им, чтобы они сами налаживали свою жизнь. А они тебе что отвечали? Они просили у тебя пенсий, пособий, бесплатный транспорт, и чтобы ты посадил у них во дворе цветы.

— Нет, Валера, есть много людей, которые просто выходят по вечерам во двор и тренируют мальчишек. Девочка ко мне подходила, они сами строят скалодром. Я им помогу. Надо еще по больницам поехать и с врачами поговорить...

— Жень...

— ... чтобы врачам как-то помочь. А еще я думаю, с надписями на стенах можно же что-то сделать...

— Жень, тебя еще не выбрали.

— Не успокаивай меня. Выбрали. Я чувствую.

В этот момент несколько радиостанций одновременно начинают передавать, что кандидат Евгений Ройзман арестован. Задержан по подозрению в организации каруселей. На коленях у Ройзмана взрываются сразу все три телефона, и Ройзман говорит в телефоны:

— Нет, я не арестован. Нет, я не задержан. Нет, мы выигрываем. Не задержан. Нет.

И водителю:

— Догони ту машину с дельфинчиком (эмблема фонда «Город без наркотиков»), посигналь ему.

Догоняем, сигналим, опускаем стекла. Ройзман машет рукой:

— Мы выигрываем! Нормально все!

И сразу несколько машин вокруг ревут клаксонами.

Мы приезжаем в штаб и там полно народу. Почти все в красных майках — предвыборный ройзмановский атрибут. И почти на всех есть наработки у Константина Строганова, начальника отдела по борьбе с организованной преступностью.

Я буду встречаться со Строгановым назавтра. Он симпатичный молодой человек из Москвы. С открытой улыбкой. Видно, что хорошо тренированный, но склонный к нездоровой полноте. Он скажет, что катастрофически полнеть стал с тех пор, как собственные сотрудники отравили его ипритом, боевым отравляющим веществом. Строганов подозревал этих сотрудников в рэкете и еще каких-то преступлениях, вел внутреннее расследование. И однажды устроил в отделе небольшую вечеринку по случаю рождения дочек-двойняшек. Во время вечеринки товарищи подлили ему в бокал иприт. Несколько месяцев лежал в реанимации и после реанимации стал полнеть.

Строганов скажет, что Евгений Ройзман с помощью доктора Лизы Глинки вовсе не потому пытался построить в Екатеринбурге хоспис, что мать его мучительно умерла от рака. А для того пытался построить, чтобы предполагаемый главный врач хосписа Олег Кинев мог под прикрытием хосписа торговать наркотиками и перевозить наркотики в реанимобилях. И ничего не значат стихи Ройзмана, написанные на могиле матери:

Вышла из праха, вернулась во прах,
После разлуки к родному порогу.
Легкий твой дух возвращается к богу,
Так отчего же, скажи, этот страх?

Ничего не значат. Как ничего не значат бесконечно повторяемые ройзмановские формулы «Это мой город, меня мама тут за ручку водила». Тоска по умершей матери и страх смерти не кажутся Строганову достаточным мотивом, чтобы строить хоспис. А вот хоспис как прикрытия для торговли наркотиками — это существенный мотив.

Строганов скажет, что оперативные отряды фонда «Город без наркотиков» — это вовсе не прекрасные честные парни, которые вместе с полицией ловят наркоторговцев. Это бандиты, которые совместно с полицией ловят невиновных людей, подбрасывают наркотики и требуют выкуп за то, чтобы закрыть уголовное дело. И Евгений Маленкин, возглавлявший эти отряды, попался, дескать, на подбрасывании наркотиков. И теперь скрывается. Но Строганов Маленкина найдет, если только Ройзман не убьет Маленкина раньше, чтобы не свидетельствовал против Ройзмана.

(Маленкина в штабе нет. Но вот жена Маленкина, блондинка с порхающими ресницами. И Ройзман говорит мне:

— Какие Маленкин мог подбросить наркотики? Откуда у Маленкина наркотики? Кто продаст Маленкину наркотики? Его все барыги в лицо знают!)

Строганов скажет, что реабилитационные центры фонда «Город без наркотиков» — это вовсе не реабилитационные центры. Это частные тюрьмы. Что если у вас есть родственник, от которого вы хотите избавиться, вне зависимости от того, наркоман он или совсем не наркоман, вы можете

приехать в реабилитационный центр в Изоплите и обратиться к Максиму Курчику. И заплатить ему деньги за захват. Курчик придет со своими крепкими парнями, скрутит вашего ненавистного родственника. Отвезет в Изоплит, прикует наручниками к кровати и будет держать целый год, называя это реабилитацией. И еще время от времени будет избивать.

(А вот он, Максим Курчик, сидит в штабе. Действительно крепкий мужчина. И Ройзман про Курчика в который уже раз говорит мне, что они с Максимом вместе учились в школе. И еще в школе принято было считать, что Максим очень справедливый. И опять рассказывает мне историю про то, как из реабилитационного центра сбежал реабилитант. Пошел в ночной клуб, снял проститутку, отобрал у проститутки наркотики, был избит охраной. Тут-то его и нашли сотрудники реабилитационного центра, водворили обратно и в сердцах побили еще. И он умер от побоев. А сотрудники центра сказали следователю, что приказ избивать отдавал им Курчик, хотя Курчика не было в тот вечер в реабилитационном центре. Курчика арестовали и добивались, чтобы он дал показания на Ройзмана, хотя Ройзман в тот день вообще был на соревнованиях, на автомобильных ралли по бездорожью, черт-те где среди болот. От Курчика требовали, чтобы он сказал, будто это Ройзман велел ему избивать реабилитантов. Но Курчик не дал показаний на Ройзмана. Сел на шесть лет. Сидел в колонии строгого режима в Харпе. Большую часть времени — в холодном карцере. Но все равно не дал показаний.)

Строганов скажет, что и иконами Ройзман занимается незаконно. Ворует иконы. Подменяет старинные новоделом.

Легализует краденые. Но этим расследованием не Строганов занимается. Другой отдел.

(А вот когда, по предварительным результатам судя, Ройзман начинает выигрывать, в штаб звонит бывший епископ, поздравляет, благословляет. Не кажется владыке, что он благословляет человека, воруящего иконы.)

Строганов скажет, что все эти четыре уголовных дела — про подбрасывание наркотиков и вымогательство, про захваты и удержания, про торговлю наркотиками под прикрытием хосписа, про воровство икон, — будут распутаны постепенно. И тогда можно будет не имеющего непосредственного отношения ни к одному из этих дел Ройзмана обвинить в организации всего преступного клубка.

А в самом конце разговора Строганов похвастается мне, что это он лично нашел в Москве ройзмановскую психиатрическую справку, опубликованную к выборам стотысячным тиражом. И фотографию, на которой Ройзман изображен рядом с известным бандитом, тоже нашел Строганов лично. И я подумаю: зачем начальник отдела по борьбе с организованной преступностью ищет психиатрическую справку тридцатилетней давности? Какое отношение тридцатилетней давности психиатрическая справка имеет к распутыванию преступного клубка?

Все! Победа! Примерно четыре часа ночи. Почти сто процентов бюллетеней подсчитаны. Ройзман лидирует на несколько процентов.

Верный человек в городской избирательной комиссии сказал Аксане Пановой, что председателя Захарова вызывал к себе губернатор Куйвашев и требовал фальсифицировать результаты. Но Захаров отказался фальсифицировать совсем уж грубо. Понимал уже, откуда дует ветер. Понимал,

что грубая фальсификация и стотысячная толпа на главной площади не понравятся в Москве.

Верный человек в администрации президента сказал Аксане, что замглавы Володин запретил губернатору Куйвашеву грубые фальсификации. Велел работать с Ройманом, раз уж Ройзман выиграл.

Куйвашев, правда, пока не поздравил Ройзмана. Аксана думает, это потому так, что губернатор был влюблен в нее, в Аксану, а Ройзман оказался счастливым соперником. С этим трудно смириться. Но придется.

Звонил Михаил Прохоров, поздравлял. И Алексей Кудрин тоже звонил-поздравлял. Вероятно, они были в каких-то там высоких кабинетах и так-то там повлияли на принятое в Москве решение не фальсифицировать грубо екатеринбургские выборы мэра.

В кабинете Ройзмана — толпа. Скандируют «Женя! Женя!». Хлопают пробки. Дешевое крымское шампанское. Входит Ройзман. Мямлит что-то себе под нос. «Это мой город», «Здесь живут достойные люди», «Труднее всего доказывать очевидное», «Главное вовремя понять, что война закончилась, и перестать пускать поезда под откос». Благодарит Аксану за прекрасно организованную предвыборную кампанию. Эти слова благодарности в его речи — единственная не-формула. Не пьет ни глотка даже теперь.

Он совершенно не умеет праздновать. Я ни разу не видел, как Ройзман радуется. Я не представляю себе Ройзмана смеющимся, пляшущим, поющим. Юля говорит, что это бывает. Но чтобы Ройзман радовался, ему надо уехать в тайгу. Гнать машину по бездорожью, вытягивать лебедкой из грязи, преодолевать трудности. Он умеет преодолевать трудности. Как он преодолевает трудности, я видел много раз.

Праздник заканчивается, даже и не начавшись.

Через день полицейские придут в реставрационные мастерские, арестуют и вывезут очередные два десятка икон. Включая иконы, рассыпающиеся в руках, не пригодные к транспортировке.

Через три дня у Ройзмана будет день рождения. Праздновать будут в галерее у жены Юли. Юля будет в красном платье. Придут поэты, художники, включая легендарного Мишу Шаевича Брусиловского, про которого известно, что учиться живописи он начал в детском доме для одаренных сирот, и которому при жизни поставлен в Екатеринбурге памятник. На дне рождения Ройзман тоже не выпьет ни глотка спиртного.

Через пять дней на заседании «Валдайского клуба» Ройзман подойдет и протянет руку губернатору Куйвашеву. Публично предложит забыть прежнюю вражду и сотрудничать ради общего блага. Губернатор Куйвашев ответит согласием и рукопожатием.

В нескольких интервью разным изданиям Ройзман скажет: «Главное вовремя понять, что война закончилась, и перестать пускать поезда под откос».

Мне он скажет, что хотел бы сесть с Юлей в машину, снабженную лебедкой, и долго-долго ехать на север по дорогам, исчезающим среди болот. На Чердынь, на Архангельск, по северным скитам. По городам и весям, названий которых я не знаю. И никто не знает из людей, принимающих решения.

Панюшкин Валерий

РОЙЗМАН

Уральский Робин Гуд

Руководитель проекта *И. Гусинская*

Корректор *Е. Чудинова*

Арт-директор *С. Тимонов*

Компьютерная верстка *К. Свищёв*

Дизайн обложки *И. Раскин*

В оформлении книги использованы фотографии
из личного архива *Ю. Крутевой*

Подписано в печать 20.08.2014. Формат 60×90/16.

Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.

Объем 12,5 печ. л. Тираж 3000 экз. Заказ №

ООО «Альпина Паблишер»

123060, Москва, а/я 28

Тел. (495) 980-53-54

www.alpina.ru

e-mail: info@alpina.ru

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

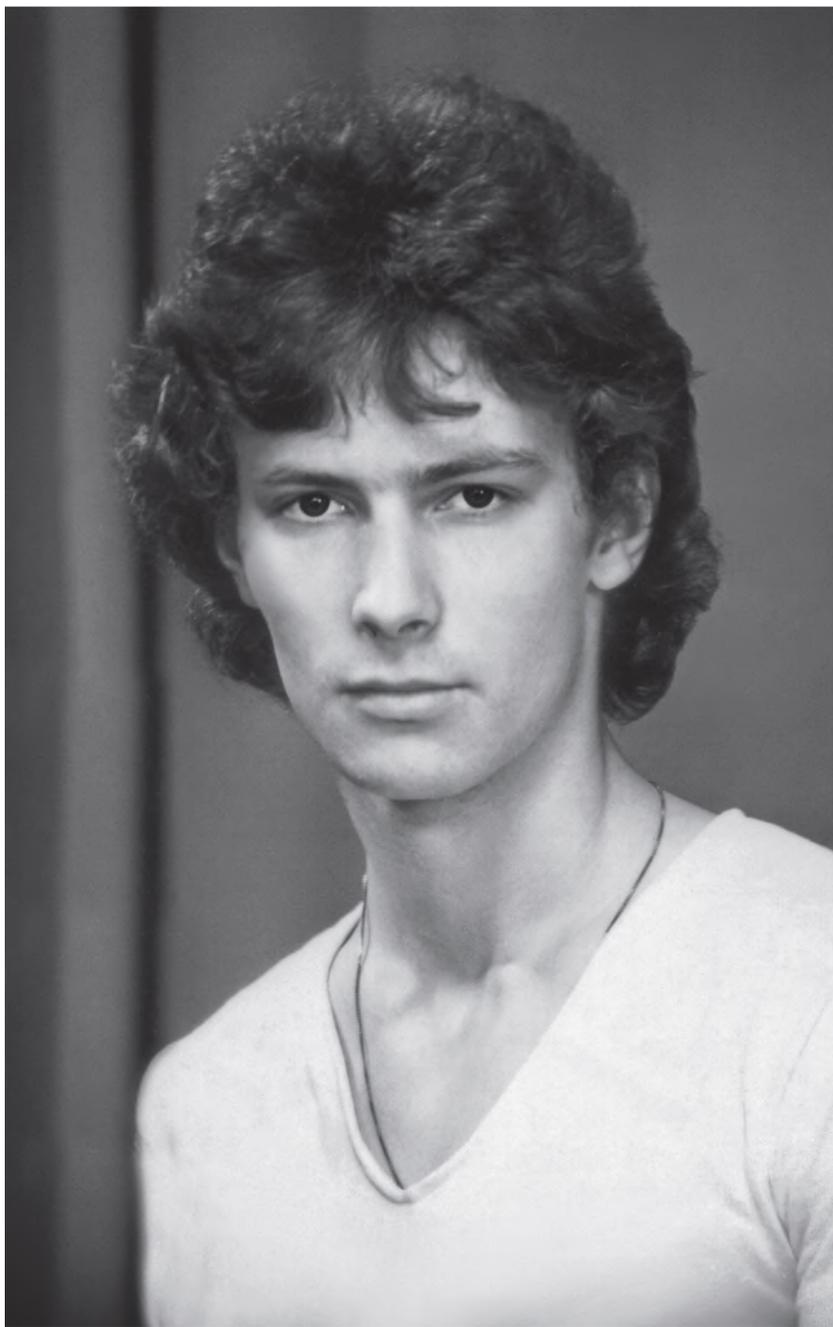
12+

“ Стоит кому-то из государственных чиновников упрекнуть Ройзмана в стремлении к власти, Ройзман разводит руками и принимается доказывать, что власти вовсе не хочет, заберите. Я поэт, говорит Ройзман, у меня успешный ювелирный бизнес, у меня музей икон — я этим хочу заниматься, а борьбой с наркотиками, выслеживанием и засуживанием наркоторговцев занимаюсь только потому, что этим не занимается милиция. И реабилитацией наркоманов занимаюсь только потому, что ею не занимается Минздрав. Возьмите! Возьмите обратно свои функции!

Эти слова были бы обезоруживающими. Но никто из людей, облеченных властью, никогда отрекающемуся от власти Ройзману не верит.

Таким Женя Ройзман был в 16 лет, когда ушел из дома и исколесил всю страну

Книгу «Город без наркотиков» Ройзман опубликовал в 2004 г. В ней описываются первые пять лет деятельности фонда. Два тиража быстро разошлись по Екатеринбургу, а спустя пару лет еще один был просто роздан всем желающим. «Это мой город» — фраза Ройзмана отсюда

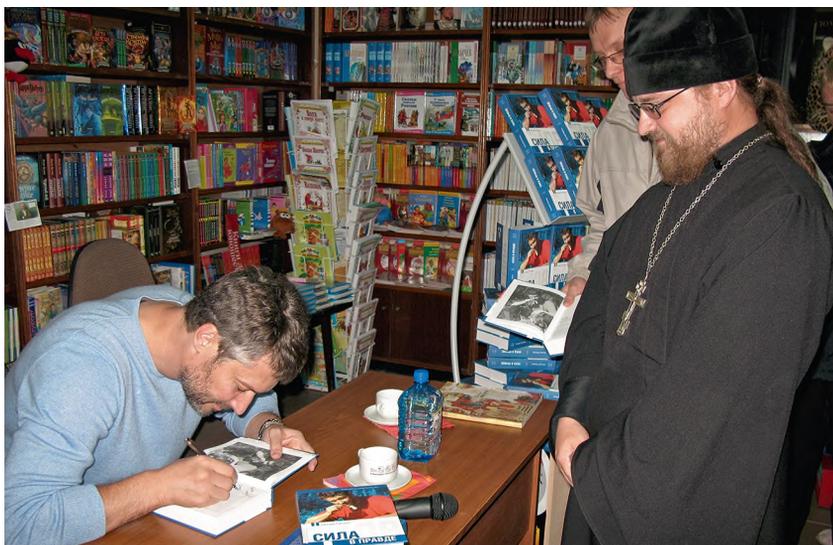
День рождения реабилитационного центра в поселке Изоплит. Это 2004 г. — задолго до разгрома центра

2002 г. Ройзман выиграл чемпионат Азии, годом позже в составе команды «Экстрим» — чемпионат России. Серебряный призер в личном зачете, мастер спорта (2005 г.)

На борту внедорожника — фраза «Сила в правде». Цитата из фильма «Брат», она стала названием общественной организации и книги Ройзмана

Автограф-сессия мемуарной книги Ройзмана «Сила в правде», изданной в 2007 г. Работа в Думе, деятельность фонда, музей иконы, трофи-рейды — сюда вошло все

В 1999 г. Евгений Ройзман создал первый (и до сих пор единственный) частный музей иконы в России. На фотографии — Ройзман показывает музей «Невьянская икона» шведскому послу Веронике Бард Брингеус (2014 г.)

Создание музея, по словам самого Ройзмана, чуть ли не лучшее (и, быть может, самое важное), что он сделал в своей жизни. Вход все годы — бесплатный

Лучший (да и единственный) способ отдыха — отправиться в экспедицию по глухим местам или сплавиться по реке Реж. Эту уральскую реку Ройзман называет своей — здесь, на ее берегах, жили его предки, пришедшие с Севера

Храм в Быньгах под руководством Ройзмана был отреставрирован реабилитантами фонда «Город без наркотиков». А в 2013 г. было возбуждено уголовное дело по факту восстановления православного храма

Десятки икон храма в Быньгах Ройзман восстанавливал за свой счет. В 2013 г. его обвинят в том, что он не реставрировал эти иконы, а украл

Галерея «Арт-Птица», открытие выставки «Президенты России» (2013 г.)

Реставрация дома кузнеца Кириллова в деревне Кунара

Расписной, с резными украшениями дом Кириллова многие специалисты считают самым красивым в России, но до появления в Кунаре Ройзмана никто не помогал вдове Кириллова — Лидии Харитоновне — привести его в порядок